

**РОССИЙСКАЯ АКАДЕМИЯ НАУК
ИНСТИТУТ НАУЧНОЙ ИНФОРМАЦИИ
ПО ОБЩЕСТВЕННЫМ НАУКАМ
ИНСТИТУТ ВОСТОКОВЕДЕНИЯ**

**РОССИЯ
И
МУСУЛЬМАНСКИЙ МИР**

2019 – 3 (313)

Научно-информационный бюллетень

Издается с 1992 года

**Москва
2019**

*Центр научно-информационных исследований
глобальных и региональных проблем*

Редакционная коллегия:

И.В. Зайцев – д-р ист. наук, доцент, шеф-редактор.

В.С. Мирзаханов – д-р ист. наук, профессор, научный консультант, *Е.Л. Дмитриева* – главный редактор, *А.В. Белинский* – канд. полит. наук, *В.К. Белозёров* – д-р полит. наук, *О.П. Бибикина* – канд. ист. наук, первый зам главного редактора, *А.В. Гордон* – д-р ист. наук, *И.П. Добаев* – д-р философ. наук, канд. полит. наук, *Ш.Р. Кашаф*, *Д.Б. Мальшева* – д-р полит. наук, *А.В. Малашенко* – д-р ист. наук, *А.Ш. Ниязи* – канд. ист. наук, зам главного редактора, *В.Н. Сченснович* – отв. секретарь

Ответственный за выпуск бюллетеня на английском языке
Н.В. Гинесина – вед. редактор

Россия и мусульманский мир: Научно-информационный бюллетень / РАН. ИНИОН. Центр науч.-информ. исслед. глобальных и региональных проблем. – М., 2019. – № 3 (313). – 117 с.

DOI: 10.31249/rimm/2019.03.00

СОДЕРЖАНИЕ

СОВРЕМЕННАЯ РОССИЯ: ИДЕОЛОГИЯ, ПОЛИТИКА, КУЛЬТУРА И РЕЛИГИЯ

2019.03.001. <i>Левин З.</i> Глобализация и национализм.....	5
<i>Добаев И.П.</i> Исламские исследования Юга России. (К 100-летию со дня рождения советского и российского ученого Ю.А. Жданова)	9

МЕСТО И РОЛЬ ИСЛАМА В РЕГИОНАХ РОССИЙСКОЙ ФЕДЕРАЦИИ, ЗАКАВКАЗЬЯ И ЦЕНТРАЛЬНОЙ АЗИИ

2019.03.002. <i>Алигаджиева М.А.</i> Клановое и этническое размывание политической элиты Дагестана	23
2019.03.003. <i>Цибенко В.В.</i> Турецкое религиозное влияние в Республике Башкортостан в контексте этнополитических процессов	26
2019.03.004. <i>Атанова С.А.</i> Казахстан и его национальный образ: Между «мягкой силой» и «страной-брендом»	32
<i>Худайбердиев А.К.</i> Узбекистан: Проблемы защиты молодежи от вредной информации в условиях глобализации. (Социально-философский анализ).....	36
<i>Дмитриева Е.Л.</i> Водные ресурсы Средней Азии: Проблемы и пути решения.....	42
<i>Бибикова О.П.</i> Полигамия на постсоветском пространстве.....	48
<i>Ниязи А.Ш.</i> Основоположник исторической географии Средней Азии. К 150-летию академика В.В. Бартольда	65

ИСЛАМ В СТРАНАХ ДАЛЬНОГО ЗАРУБЕЖЬЯ

<i>Сченснович В.Н.</i> Иран: Внешняя политика. (Аналитический обзор).....	73
2019.03.005. <i>Делавари А.</i> Уроки истории: Отношения России и Ирана. (О необходимости перехода к многовекторным и симметричным отношениям).....	87
2019.03.006. <i>Зинин Ю.Н.</i> Ливия: Исламский фактор после Каддафи.....	91
2019.03.007. <i>Шарипов У.З.</i> Политический и внутри- конфессиональный кризис в Йемене и провокационная роль внешних сил.....	96

МУСУЛЬМАНСКИЙ МИР: ТЕОРЕТИЧЕСКИЕ И ФИЛОСОФСКИЕ ПРОБЛЕМЫ

2019.03.008. <i>Розенберг В.И.</i> Социокультурные особенности переговоров в арабских странах.....	100
<i>Эрийгитова Л.А.</i> Семейные традиции узбеков: Семья как объект исследования.....	104
<i>Гулбоев Н.Н.</i> Из истории военного дела в Хивинском ханстве (XVIII–XIX вв.).....	109

КОНФЛИКТУ ЦИВИЛИЗАЦИЙ – **НЕТ!**
ДИАЛОГУ И КУЛЬТУРНОМУ ОБМЕНУ
МЕЖДУ ЦИВИЛИЗАЦИЯМИ – **ДА!**

СОВРЕМЕННАЯ РОССИЯ: ИДЕОЛОГИЯ, ПОЛИТИКА, КУЛЬТУРА И РЕЛИГИЯ

2019.03.001. **Левин З. ГЛОБАЛИЗАЦИЯ
И НАЦИОНАЛИЗМ** // Труды Института
востоковедения РАН. Вып. 4. Экономические,
социально-политические, этноконфессиональные
проблемы афро-азиатских стран.
М., 2017. С. 169–174.

Ключевые слова: Планетарный социум; национализм; глобализация; космополитизм; общественное сознание.

Левин З.,
доктор исторических наук
(Институт востоковедения РАН)

В статье автор анализирует теоретический дискурс о глобализации, нациях, национализме и показывает противоречия, возникающие в ходе вторжения глобализации в область прерогатив национальных государств.

В последней четверти XX в. наступило время глобализации – эры революций в области информационно-телекоммуникационных технологий. Мир, по наблюдению З. Левина, находится на этапе структурирования Планетарного социума. Человечество вступило в новую фазу развития с грузом старых представлений и регуляторов общественной жизни. Глобализация – объективно-исторический процесс становления постиндустриального миропорядка. Меняется характер международного разделения труда, меняются возможности международных контактов с развитием средств сообщения и информационных технологий. Это устранило границы, разделяющие культурные ареалы.

Если в эпоху Модерна международные отношения строились преимущественно на двусторонней основе, на обмене специфическими продуктами национального производства, находившегося

под контролем национальных институтов, то глобализация делит мир на тех, кто связан с глобальными структурами и процессами глобализации, обладающими высокими технологиями, и маргиналов. Они взаимозависимы, как части системной целостности современного мира, вектор развития человечества все больше определяется их взаимодействием в планетарном масштабе.

Интернационализация потребления и потребностей, технологий, культурных ценностей приняла глобальный характер. Государственные границы становятся все более прозрачными для товаров, капитала, технологий, идей. Существенно меняются место и роль государства в мире. Его суверенитет теряет абсолютную значимость. По мере образования мирового капиталистического рынка складывалась система многосторонних договоров и международных организаций, регулирующих отношения между государствами. Деятельность таких организаций, как ООН, призванной к миротворческой миссии, Международный валютный фонд и Всемирный банк, созданных для поддержания стабильности мировой финансовой системы, ограничивает суверенитет государства-нации, связанного многосторонней зависимостью от решений международных организаций.

Автор отмечает, что меняется и роль суверенного государства-нации и национализма в мировых процессах. Если в эпоху Модерна структуру общества составляли социальные макро- и микро-группы, то в век глобализации структурными блоками гипотетического мирового порядка становятся транснациональные корпорации и политические союзы. Хотя государство остается необходимой структурой в процессах глобализации, оно выступает гарантом стабильности их деятельности на своей территории.

Автор полагает, что преобразованию конгломерата национальных государств в интегрированную планетарную общность по большей части сопутствует ослабление их внутренней гражданско-политической и социальной интеграции. В отличие от индустриальной эпохи, когда вектор общественного развития в мире был в основном направлен на политическую и хозяйственную консолидацию в границах национального государства, глобализация сопровождается его экономической и социальной дезинтеграцией. Она расколола общество на тех, кто прямо связан с процессами глобализации, и маргиналов. Маргиналам блага глобализации не очевидны, в то время как ее отрицательные последствия ощущаются болезненно. У маргиналов глобализация нередко отождествляется с глобализмом. Они обычно – носители традиционности,

прагматического консерватизма, этнизма и националистической идеи, даже когда в родной стране работают на иностранные корпорации. Традиционные культурные ценности, нормы служат им основой комплекса коллективной и личностной самоидентификации.

Идейным стержнем века Модерна был национализм – идеология, политика и психология, основанные на представлении об исключительности нации как гражданской, политической и социокультурной общности, в то время как идейный стержень глобализации – неокосмополитизм – идеология, политика и психология наднационального или вненационального толка. И они, эти антагонисты, сосуществуют во взаимодействии. При этом в общественном сознании народов соотношение национального и интернационального начал меняется в пользу интернационального. Если в эпоху Модерна гражданско-политическая идентичность формировалась и созревала, то глобализация ее размывает. Быстро сокращается культурная дистанция между Западом и Востоком, Севером и Югом. Стираются стадийные различия между развитыми и отсталыми странами. Происходит ослабление гражданской мотивации в менталитете государства-нации, утрачивает исключительное значение идея национальной и культурной общности. На современном этапе глобализации, по наблюдению исследователя, характерная для эпохи Модерна тенденция к абсолютизации коллективных идентичностей, таких как патриотизм, национализм, социализм, вытесняется тенденцией к атомизации, индивидуализации.

Интеграционному потенциалу глобализации и унификации мирового культурного пространства противостоит мощный потенциал дифференциации и дезинтеграции. Наряду с ослаблением внутренней гражданско-политической и социальной интеграции национального государства глобализация вызвала взрывную реакцию сил противодействия. Становится все более значительным сопротивление интеграционным процессам со стороны антиглобалистов и маргиналов глобализирующегося мира, активность национализма на волне борьбы с глобализмом американской политики в незападном мире и протестов против угрозы западной культурной идентичности в результате массовых миграций из стран Востока – на Западе. С интенсификацией и расширением масштабов общения растет разобщенность между людьми и народами, активизируются этнонациональные, сепаратистские движения. Гражданский национализм доминирует в общественном сознании.

«Второе дыхание» получил государственный национализм. В XXI в. с изменением роли государства в мировых процессах преимущественно интегративный на государственном уровне потенциал государственного национализма объективно становится тормозом для глобализации. Протест против «издержек» глобализации сопровождается идеализацией национального своеобразия, мифологизацией национальной истории, политизацией этничности и религии. Расхождение в представлениях о мироустройстве и справедливости порой принимает вид столкновения цивилизаций.

Глобализация, предопределившая государству служебную роль в процессах формирования нового мироустройства, вынуждает его защищать собственный интерес в новых условиях под флагом защиты суверенитета. В его основе – патриотизм и лояльность к верховной власти, вообще – этатизм в широком смысле слова. Государственная идеология формулируется государственной властью согласно ее пониманию национального интереса. Как бы ни расходились групповые интересы, сосуществование людей в едином социально-экономическом, юридическом, политическом и отчасти – культурном пространстве формирует, замечает З. Левин, общенациональный конформизм, вырабатывает в человеке сознание своей принадлежности к национальному государству, приверженность некоторым общенациональным ценностям, идеалам, институтам, символам. Притом что между обществом и властью неизбежно расхождение в представлении о справедливости и общественном благе, это делает возможным эксплуатацию по-разному толкуемых положений национализма в интересах едва ли не политических антагонистов. В этом – залог живучести национализма, который останется идейной платформой борьбы государства-нации за свой интерес в глобализирующемся мире. Государственный национализм – мощное средство манипуляции общественным сознанием, заключает З. Левин.

Автор реферата Е.Л. Дмитриева

Добаев И.П.,

доктор философских наук, профессор,
эксперт Российской академии наук,
Южный федеральный университет
(г. Ростов-на-Дону)

**ИСЛАМСКИЕ ИССЛЕДОВАНИЯ ЮГА РОССИИ
(К 100-ЛЕТИЮ СО ДНЯ РОЖДЕНИЯ
СОВЕТСКОГО И РОССИЙСКОГО УЧЕНОГО
Ю.А. ЖДАНОВА)**

DOI: 10.31249/rimm/2019.03.01

***Аннотация.** Статья посвящена анализу научного вклада видного советского / российского ученого и политика Юрия Андреевича Жданова в становление и развитие фундаментального и прикладного исламоведения на Юге России. Перечисляются имена российских и советских ученых, внесших весомый вклад в это научное направление, упоминаются имена тех исследователей, которые продолжили исламские исследования в России и ее Южном регионе в постсоветский период. Внимание читателей фокусируется на конфликтных характеристиках, связанных с идеологической доктриной и политической практикой носителей положений так называемого «чистого ислама». В заключение делается вывод о том, что для того чтобы эффективнее противостоять радикальным исламистам требуется наращивать усилия в сфере фундаментального и прикладного исламоведения, для чего необходима помощь и поддержка государства.*

***Ключевые слова:** джихад; Жданов Ю.А.; ислам; исламизм; исламоведение; Юг России.*

Памяти Юрия Андреевича Жданова посвящается

20 августа 2019 г. исполнилось бы 100 лет Юрию Андреевичу Жданову, выдающемуся отечественному мыслителю, ученому, политику. В молодости он возглавлял отдел науки ЦК КПСС, затем более 30 лет руководил Ростовским государственным университетом (РГУ), последние десятилетия возглавлял Северо-Кавказский научный центр Высшей школы (СКНЦ ВШ). Он внес огромный вклад в развитие отечественной науки и образования. Благодаря ему не только РГУ превратился в авторитетный центр фундаментальных и прикладных исследований, но и в других

субъектах Юга России произошло наращивание качественного научного и образовательного потенциала.

Ю.А. Жданов планировал также создать на базе РГУ солидную востоковедческую школу, которая могла бы конкурировать с лучшими учебными и научными заведениями Москвы и Ленинграда (ныне – Санкт-Петербург). В рамках такого направления, по мысли Жданова, должно было развиваться и исламоведение. Недаром на рабочем столе Юрия Андреевича постоянно можно было видеть монографию знаменитого швейцарского исламоведа Адама Меца «Мусульманский ренессанс», выдержки из которой Жданов часто цитировал. Однако в советский период реализовать этот замысел в силу ряда причин не представилось возможным, хотя актуальность данной сферы никогда не вызывала сомнений, хотя бы из-за геополитического положения Юга России.

Как известно, российское исламоведение имеет давнюю историю и накопило солидный запас знаний, что признается мировым научным сообществом. Большой вклад в изучение ислама внесли дореволюционные отечественные исламоведы, востоковеды и философы: В.В. Бартольд, В.А. Жуковский, Е. Крымский, Н.А. Медников, В.Р. Розен, Г.С. Саблуков, В. Славьев, Ч.Э. Торнау, А.Э. Шмидт и др. В советский период продолжали фундаментальные и прикладные исследования, прежде всего, московский и ленинградский исламоведческие центры, среди выдающихся ученых этого периода следует назвать Е.А. Беляева, А.Е. Бертельса, О.Г. Большакова, Л.К. Климовича, И.Ю. Крачковского, Л.В. Негря, Н.А. Смирнова, И.П. Петрушевского, М.Б. Пиотровского, Л.В. Прозорова, Р.И. Султанова, Е.А. Фролову и др. В позднесоветский и постсоветский периоды этими проблемами занимались А.В. Васильев, Л.С. Васильев, А.А. Игнатенко, Г.М. Керимов, Н.С. Кирабаев, С.А. Кириллина, Р.Г. Ланда, А.В. Малашенко, Л.И. Медведко, Д.В. Микульский, Г.В. Милославский, В.В. Наумкин, Л.Р. Сюкияйнен, А.Ю. Умнов, Р.М. Шарипова и мн. др.

Интересные публикации по современным политическим проблемам ислама, в том числе на Северном Кавказе, принадлежат представителям ряда гуманитарных институтов РАН: В.О. Бобровникову, Н.М. Емельяновой, А.В. Кудрявцеву, Д.В. Макарову, Д.Б. Малышевой, К.И. Полякову, С.М. Червонной, А.А. Ярлыкапову и др. Эти ученые, ранее в основном исследовавшие проблемы мусульманского зарубежья, одними из первых в нашей стране в постсоветский период приступили к изучению состояния и раз-

вития ислама, прежде всего его политизированных форм, в Северо-Кавказском регионе.

На региональном (северокавказском) уровне серьезный вклад в осмысление проблем ислама внесли М.А. Абдуллаев, А.В. Авксентьев, М.В. Вагабов, М.Б. Мужухоев, М.Н. Османов, Р.А. Ханаху, А.Р. Шихсаидов и др. Однако ученые-исламоведы региона, подавляющее большинство которых являются представителями Дагестана, вплоть до середины 90-х годов XX в. в основном делали упор на изучение доисламского наследия либо средневекового ислама, либо рассматривали ислам в контексте культурологической проблематики.

Только в последние два десятилетия появились исследования ученых региона, напрямую касающиеся проблем в современном исламе на Северном Кавказе и воздействия их на социально-политический процесс. Среди них следует, прежде всего, назвать З.М. Абдулагатова, В.Х. Акаева, З.С. Арухова, Э.Ф. Кисриева, Е.В. Кратова, С.А. Ляушеву, Г.А. Мурклинскую, К.М. Ханбабаева.

В этот же период в Северо-Кавказском регионе благодаря личным усилиям конкретных ученых создаются неформальные научные структуры по изучению ислама. Речь, в частности, идет о Центре исламских исследований при Дагестанском государственном университете, у истоков которого стояли министр по делам национальностей РД, крупный ученый-востоковед З.С. Арухов¹ и авторитетный в регионе исламовед, профессор ДГУ М.В. Вагабов, а также о Региональном центре этнополитических исследований ДНЦ РАН. Учеными этих центров во взаимодействии с бывшим Комитетом по делам религий РД подготовлены и опубликованы многочисленные монографии и сборники научных статей, проведены научные конференции, семинары, круглые столы по проблеме.

В других субъектах ЮФО, в том числе и в северокавказских республиках, успехи в теоретическом и прикладном исламоведении значительно скромнее, нежели в Дагестане. Тем не менее и здесь имеются, пусть и немногочисленные, исследователи мусульманства. Речь, прежде всего, идет об ученых из Чечни, Карачаево-Черкесии, Адыгеи и Астраханской области.

В позитивном смысле на общем южнороссийском фоне в постсоветский период выделилась Ростовская область, где

¹ Арухов Загир Сабирович трагически погиб 20 мая 2005 г. от рук террористов.

в течение последних 20 лет активно осуществляются исламские исследования. Важной вехой явился 1999 г., когда на базе ИППК Ростовского государственного университета при активной поддержке Ю.А. Жданова был создан Центр системных региональных исследований и прогнозирования (ныне – Центр региональных исследований), руководителем которого вплоть до преждевременной кончины в феврале 2018 г. являлся авторитетный кавказовед В.В. Черноус. С 2001 г. Центр под рубрикой «Южнороссийское обозрение» начал издавать сборники научных статей, монографии и учебные пособия. За годы деятельности Центром выпущено 98 изданий, из них 10 – непосредственно по исламской проблематике. Проведено несколько научных конференций, семинаров, круглых столов на данную тематику.

В 2000 г. автором данной статьи в диссертационном совете Северо-Кавказской академии государственной службы была защищена диссертация на соискание ученой степени кандидата политических наук на тему «Исламский радикализм в международной политике (на материалах Ближнего, Среднего Востока и Северного Кавказа)». Ведущей организацией был определен «Институт Кавказа» при СКНЦ ВШ, директором которого являлся авторитетный ростовский ученый Н.С. Авдулов. В этот период и состоялось мое личное знакомство с Ю.А. Ждановым, который, ознакомившись с материалами диссертационной работы, живо интересовался направлениями дальнейших исследований по теме. В 2003 г. в ИППК РГУ (ныне Институт социологии и регионоведения Южного федерального университета) мною была защищена докторская диссертация на соискание ученой степени доктора философских наук на тему «Исламский радикализм: сущность, идеология, политическая практика». Юрий Андреевич принял активное участие в заседании совета, а также в обсуждении представленной работы, высоко оценив ее актуальность и качество. Постепенно под моим руководством сформировался слой молодых ученых-исламоведов. За прошедшие годы защитили диссертации на соискание ученой степени кандидатов политических и социологических наук следующие ученые: С.Е. Бережной («Исламский фундаментализм на Северном Кавказе»), Х.Т. Курбанов («Религиозно-политический экстремизм на Северо-Восточном Кавказе: идеология и практика»), Р.Ф. Патеев («Политические аспекты мусульманского образования в России: история и современность»), Э.Ф. Шарафутдинова («Этноконфессиональный фактор в чеченском конфликте: политологический анализ»), А.В. Сухов

(«Исламские движения в Центральной Азии и на Северо-Восточном Кавказе: сравнительно-политологический анализ»), О.В. Рябцев («Сетевой принцип деятельности организаций закрытого типа в контексте угроз национальной и региональной безопасности России») (на примере крымско-татарского национального движения), Н.Е. Романченко («Террористические исламистские религиозно-политические организации на Северном Кавказе: институционально-политологический подход»), Р.Г. Гаджибеков («Внутренние факторы влияния на процессы политизации и радикализации ислама в Российской Федерации»), Н.А. Анисимова («Сетевые структуры террористов на Северном Кавказе: причины формирования и стратегии противодействия»), А.Ю. Круглова («Деструктивные исламистские и тюркско-исламистские сетевые структуры на Юге России: формирование, взаимодействие, деятельность и методы противодействия»). В настоящее время они работают в органах власти и управления, в научных и образовательных учреждениях, проходят службу в силовых структурах. Р.Ф. Патеев, например, сегодня возглавляет Центр исламских исследований при Президенте Республики Татарстан, успешно работает над докторской диссертацией.

Однако несмотря на определенные достижения в исламских исследованиях на Юге России, в Ростове-на-Дону в частности, очевидны и недостатки. Так, до сих пор в регионе практически отсутствуют официальные структуры исламских исследований в рамках высших учебных и научных заведений, которые бы имели прямое государственное финансирование. Отдельные ученые или их коллективы занимаются этими вопросами, как правило, по собственной инициативе. Все попытки преодолеть этот пробел, в том числе и в рамках региональных научных центров РАН, до сих пор остаются безуспешными. Между тем ситуация, связанная с так называемым «исламским фактором» на Юге России, далека от идеала.

Подавляющее большинство населения республик Северного Кавказа исповедуют ислам суннитского направления ханифитского и шафиитского толков. Ханифитского мазхаба придерживаются, в основном, большинство верующих татар, кабардинцев, адыгейцев, черкесов, абазин, балкарцев, карачаевцев, ногайцев, осетин, туркмен, крымских татар, азербайджанцев-суннитов. Шафиитскому мазхабу, в основном, следуют представители большинства коренных народов Дагестана (кроме ногайцев), чеченцы и ингуши.

В других субъектах Юга России, как правило, проживающие здесь мусульмане являются суннитами-ханифитами.

Численность последователей ислама шиитского толка на Северном Кавказе незначительна и представляет собой небольшую часть лезгин и даргинцев, а также большую часть азербайджанцев. Они живут, в основном, на территории Южного Дагестана.

На Северном Кавказе имеются также приверженцы немечетного ислама, представленного различными суфийскими орденами (тарикатами). Особенно широко он распространен у дагестанцев, чеченцев и ингушей, большим влиянием среди которых пользуются братства орденов накшбандийя и кадирийя (а в Дагестане еще и шазилийя), кадирийцев часто называют зикристами.

В современных условиях на Юге России действуют 11 Духовных управлений мусульман (ДУМ). Мусульманские организации региона координируются тремя центрами: Координационным центром мусульман Северного Кавказа (КЦМСК), а также Центральным Духовным управлением мусульман России (ЦДУМ, г. Уфа, верховный муфтий Т. Таджуддин) и Духовным управлением мусульман Европейской части России (ДУМЕР, г. Москва, муфтий Р. Гайнутдин, он же возглавляет «Совет муфтиев России»).

Вместе с тем при бурном росте исламского самосознания северокавказских народов сохраняется религиозная безграмотность населения. Традиционные духовные управления мусульман (ДУМ) не владеют ситуацией в должной мере. Экстремистские религиозные течения (так называемые исламисты) имеют серьезную идеологическую, организационную, а иногда и финансовую подпитку из ряда арабских и других исламских государств. Внедрение исламистами ценностей так называемого «чистого ислама» ведет к изменению этнической идентичности местных мусульман с северокавказской (южнороссийской) на арабскую (аравийскую). Данное обстоятельство способствует ожесточенной конфликтности между мусульманами-традиционалистами и их «арабизированными» оппонентами. В то же время у региональных духовных управлений множество нерешенных проблем, что связано до сих пор с отсутствием полноценной государственной политики, которая пока еще находится в стадии формирования.

Несмотря на рост количества исламских учебных заведений на Северном Кавказе, качество образовательного процесса все еще остается не на должном уровне, что до сих пор является одной из причин выезда молодых мусульман для обучения в зарубежных образовательных центрах. Так, по оценочным данным, в течение

1990-х годов более 4 тыс. молодых людей получили исламское образование за рубежом. Определенная часть студентов была обработана в радикальном ключе. Их последующая после возвращения на родину деятельность, как правило, входила в противоречие с традиционными на Северном Кавказе течениями ислама.

Сегодня в России в целом работают более 2 тыс. имамов, получивших образование за рубежом. Около 3 тыс. шакирдов (студентов) в настоящее время продолжают обучение за рубежом, из них менее 10% – по официальным направлениям муфтиятов. Это свидетельствует о том, что государство недостаточно контролирует процесс направления молодежи за рубеж для получения мусульманского образования, со всеми вытекающими отсюда последствиями.

Наряду с возрождением и заметной политической активизацией традиционного ислама, прежде всего так называемого «официального ислама» в лице ДУМов и контролируемых ими структур, на Северном Кавказе постепенно делаются попытки утверждения ранее малоизвестного здесь течения в исламе – так называемого «ваххабизма» («чистый ислам», салафизм), представляющего собой радикальное религиозно-политическое движение в суннитском исламе. В России исламизм, в том числе в радикальных формах, начал распространяться с началом возрожденческих процессов в конце 80-х – начале 90-х годов XX в. при активном влиянии из-за рубежа. Крупнейшим материальным и идейным внешним «спонсором» распространения радикального исламизма в Российской Федерации стала Саудовская Аравия, а также некоторые другие государства Ближнего Востока. Именно экспансия саудовского варианта ислама (ваххабизма) стала прологом к усилению сначала социальной конфликтности, а затем и политического радикализма исламистских групп во многих республиках Северного Кавказа. Последователи «ваххабитов» стремились к силовому захвату власти, замене действующего законодательства нормами шариата и построению в перспективе на ряде территорий Кавказа и Поволжья исламского халифата. Идейная и политическая позиция псевдовваххабитов, а также сильное иностранное влияние породили внутренний конфликт в мусульманских общинах Северного Кавказа.

С действиями представителей радикального ислама связаны эскалация вооруженного конфликта в Чечне, открытые вооруженные выступления и террористические акты во многих других северокавказских республиках, а также за их пределами. В настоящее время хотя принятые государством меры и привели к снижению

потенциала и деградации террористических «джаммаатов», тем не менее окончательно вопрос еще не решен. Радикальные исламисты «осетевились», чаще всего представляют собой «спящие» террористические ячейки, имеющие целью совершение небольшого количества, а иногда даже одной, террористических атак. Сетевой принцип построения таких групп позволяет им действовать достаточно конспиративно, что затрудняет их обнаружение и нейтрализацию.

Актуальной представляется официальная статистика специфической политической практики аналогичных групп радикальных исламистов за рубежом. Так, например, Национальный антитеррористический центр США (NCTC) в мае 2009 г. опубликовал доклад, в котором приводятся статистические данные о террористических нападениях в мире за 2008 г. Согласно докладу, в 2008 г. имели место 11 800 терактов, в то время как в 2007 г. – 14 500, в 2006 г. – 14 тыс., в 2005 г. – 11 тыс., а в 2004 г., по данным Госдепартамента США, не учитывавшего теракты в Ираке, – 3192. Наибольшее количество террористических атак в 2008 г. – 4600 (40%) – было совершено в странах Ближнего и Среднего Востока, хотя в Ираке два года подряд, в 2007–2008 гг., их число снижалось. В то же время в странах Южной Азии (Пакистан, Индия) и в Афганистане их количество увеличилось в 2 раза. Террористические акты в Ираке, Афганистане и Пакистане составили 55% от общего числа терактов в мире. 140%-ный рост террористической активности в Африке зафиксирован в Сомали и Демократической Республике Конго. В Западном полушарии в указанный период отмечено сокращение числа терактов на 25%, а в странах Юго-Восточной Азии и Тихого океана – на 30%. В 2008 г. значительно возросло число случаев похищения террористами людей. Так, в Пакистане оно увеличилось на 340%, в Афганистане – на 100, в Индии – на 30, в других странах Южной Азии – на 45% [1, с. 198].

Что касается официальных статистических данных по террористическим проявлениям в Российской Федерации и в ее Северо-Кавказском регионе, то, согласно им, пик пришелся на 2005 г. Тогда в РФ был зафиксирован 251 теракт, из них более 90% – против сотрудников правоохранительных структур и органов исполнительной власти в Южном федеральном округе. В последующие два года в русле данных официальной статистики наблюдалось неуклонное снижение числа террористических акций. Так, в 2006 г. было отмечено 112 терактов, из них около 90% произошли на Юге

России. В последующие годы официальная статистика свидетельствовала о дальнейшем спаде террористической активности. Такая динамика дала основание некоторым экспертам утверждать, что наступил перелом, а в перспективе террористическая активность будет сведена на нет [2, с. 11].

Однако следует подчеркнуть, что в связи с изменениями, внесенными в уголовное законодательство в 2006 г., понятие террористического акта значительно сузилось. Для квалификации преступления как террористического акта обязательным стало наличие цели воздействия на принятие решения органами власти или международными организациями. Поэтому, как это ни странно звучит, террористические акты в нашей стране с этого периода стали довольно редким преступлением. Так, в 2007 г. – только 48 терактов, т.е. впятеро меньше, чем в «лихом» 2005 г., и более чем вдвое меньше по сравнению с 2006 г. В 2008 г. в Российской Федерации были зафиксированы всего два теракта (по одному – в Дагестане и Северной Осетии – Алании) [1, с. 193–195].

Тем не менее в 2009 г. мы вновь явились свидетелями своеобразного «возвращения в 2005 г.», хотя в цифровом исчислении по отмеченным выше причинам количество терактов выглядит достаточно скромно. Так, например, в 2009 г. в Российской Федерации были зарегистрированы всего шесть терактов (по два – в Дагестане и Чечне, по одному – в Ингушетии и Тверской области), в 2010 г. – уже 23 теракта (11 – в Дагестане, три – в Ставропольском крае, по два – в Москве и в Ингушетии, по одному – в Санкт-Петербурге, Кабардино-Балкарии, Северной Осетии – Алании, Краснодарском крае и в Орле).

Однако если обратиться к статистике, озвученной в тот период времени правоохранительной системой ЮФО, то можно утверждать, что ситуация в 2009 г. на территории округа характеризовалась резким усилением террористической активности со стороны незаконных вооруженных формирований: было совершено 641 посягательство на жизнь сотрудников правоохранительных органов и военнослужащих (в 2008 г. – 491, рост составил 30%). Только в 2009 г. по Южному федеральному округу погибли: 251 сотрудник правоохранительных органов и военнослужащий, а также 32 гражданских лица (в 2008 г., соответственно, 210 силовиков и 12 гражданских), ранены 727 сотрудников и 85 гражданских лиц (в 2008 г. – 484 силовика и 68 гражданских). В 2010 г. были заведены 23 уголовных дела по ст. 205 УК РФ (терроризм), однако зафиксированы 273 взрыва и 492 обстрела, подорвали себя

14 террористов-смертников. В результате погибли 410 человек, более тысячи получили ранения [1, с. 196].

Таким образом, диверсионно-террористическая активность радикальных исламистов в 2000-х годах по-прежнему выступала значимым фактором дестабилизации политических процессов на российском Юге, и не только. Практика перекалфикации террористических атак на другие статьи Уголовного кодекса РФ не уменьшила накал терроризма, а только камуфлировала реально складывающуюся ситуацию, дезориентируя органы власти и управления, а также тех, кто ведет реальную борьбу с террористами.

Однако к концу второго десятилетия XXI в. повсеместно ситуация стала меняться в лучшую сторону. Так, французский Центр по изучению проблем терроризма Jane's (JTIC) международной экспертной компании IHS Markit опубликовал доклад, в котором говорится о снижении количества террористических актов в мире на треть. «На протяжении 2018 г. JTIC зарегистрировал 15 321 теракт, совершенный неправительственными вооруженными группировками. В результате этих атак погибли 13 483 человека, не являющихся военнослужащими. Количество терактов существенно ниже – на 33,2%, чем число зарегистрированных в 2017 г. атак. Это самый низкий показатель с 2011 г.», – заявил руководитель Центра Мэттью Хенман. Сократилось и количество жертв терактов: в 2018 г. погибли на четверть меньше людей, чем в 2017 г. Снизилось и количество атак, совершаемых ИГ. «Самой опасной страной в мире» по-прежнему остается Афганистан, только за прошлый год в нем из-за терроризма погибли 4180 человек. Аналитики JTIC связывают такие результаты с международной борьбой с терроризмом на глобальном уровне. Всего, по данным аналитического центра, в 2018 г. в 90 странах мира действовали террористические группировки, в 2017 – в 116 странах [3].

В лучшую сторону изменилась ситуация и в Российской Федерации, что связано, прежде всего, с тем, что российские органы безопасности и силы правопорядка в последние годы заметно активизировали свою деятельность. Так, секретарь Совета безопасности России Николай Патрушев заявил, что в 2018 г. в России совершено девять преступлений террористической направленности и только один теракт, а в мире наблюдается тенденция снижения террористической активности. Такие показатели Патрушев связывает с эффективной работой спецслужб и правоохранительных органов в нашей стране. В общей сложности за 2017 год, по его словам, предотвращено 36 преступлений террористической

направленности, в том числе 20 терактов. Секретарь Совета безопасности также отметил, что если в 2014 г. число терактов в мире достигало почти 16 тыс., то в последние годы отметка упала приблизительно до 10 тыс. На Ближнем Востоке террористическая активность снизилась в 2 раза, в Южной Азии – на треть. Самые большие масштабы террористической деятельности зафиксированы в Афганистане. На этом фоне ситуация в России выглядит стабильной: за пять лет активность терроризма снизилась более чем в 20 раз [4].

Тот факт, что обстановка в Российской Федерации в сфере противодействия терроризму остается сложной, но контролируемой правоохранительными органами, подтвердил и директор ФСБ России А.В. Бортников. На совместном заседании Национального антитеррористического комитета и Федерального оперативного штаба, состоявшегося 11 декабря 2018 г., он сообщил, что в результате реализации комплекса мер в 2018 г. значительно снизилось число совершенных преступлений террористической направленности, сократилось количество терактов. Так, в ходе контртеррористических операций и отдельных оперативно-боевых мероприятий были нейтрализованы 65 боевиков, в том числе 10 главарей бандгрупп; задержаны 36 главарей, 236 бандитов и 589 пособников. Пресечена деятельность 37 террористических ячеек, планировавших организовать теракты на территории республик Дагестан, Ингушетия, Чеченской Республики и Ставропольского края. Принят ряд мер по повышению эффективности предупредительно-профилактической работы. Скоординированная деятельность всех субъектов противодействия терроризму позволила не допустить террористических проявлений в ходе проведения выборов Президента Российской Федерации и Чемпионата мира по футболу 2018 г. По его словам, усилен контроль над миграционными потоками в целях предотвращения их использования террористами. МВД и Пограничной службой ФСБ России закрыт въезд более 10 тыс. лиц, подозреваемых в причастности к террористической и экстремистской деятельности, а также не допущен выезд свыше 60 российских и иностранных граждан в зоны вооруженных конфликтов на Ближнем Востоке. Пресечена деятельность по распространению противоправной информации более чем 64 тыс. интернет-ресурсов, из которых свыше 47 тыс. содержали материалы, связанные с деятельностью международных террористических организаций (МТО). Комитетом разработаны организационные меры по противодействию финансированию терроризма и борьбе

с незаконным оборотом оружия с учетом последних изменений в оперативной обстановке. Усилена уголовная ответственность за содействие террористической деятельности, а также за заведомо ложное сообщение о теракте, криминализована пропаганда терроризма [5].

Вместе с тем, подчеркнул А.В. Бортников, террористические угрозы, связанные с деятельностью международных террористических организаций, сохраняются. Главари МТО не оставляют намерений по формированию на территории Российской Федерации законспирированных ячеек и реализации с их помощью своих преступных замыслов. Этому способствует пропаганда идеологии терроризма, в основном осуществляемая по телекоммуникационным каналам и ориентированная, главным образом, на молодежь, включая несовершеннолетних. Наибольшее количество проявлений терроризма, как и прежде, фиксируется в Северо-Кавказском федеральном округе. При этом МТО предпринимают попытки распространения террористической активности и на другие регионы страны, в том числе привлекая в качестве исполнителей преступлений террористической направленности мигрантов из стран Центральной Азии [там же].

В целях повышения эффективности противодействия перечисленным угрозам в 2019 г. директор ФСБ РФ потребовал выработать и реализовать комплекс мер по совершенствованию организации и координации деятельности всех субъектов противодействия терроризму. По его мнению, требуется обеспечить использование на регулярной основе результатов мониторинга политических, социально-экономических и иных процессов в целях своевременного выявления угроз террористического характера и оказания реального влияния на обстановку. Необходимо также наращивать усилия по дальнейшему сокращению террористической активности и недопущению ее распространения на территории Российской Федерации, защите информационного пространства от идеологии терроризма. Следует придать больше системности организации межведомственного взаимодействия в работе по противодействию распространению радикальных взглядов в среде мигрантов и недопущению проникновения сторонников международных террористических организаций на территорию России по миграционным каналам. Должно быть обеспечено снижение уязвимости потенциальных объектов террористических посягательств и мест массового пребывания людей. Наряду с неукоснительным соблюдением требований к антитеррористической защищенности объектов

необходимо повысить уровень профессиональной подготовки и персональной ответственности специалистов, задействованных в ее обеспечении. На плановой основе следует продолжить проведение мероприятий по нейтрализации террористических угроз на территории Северо-Кавказского федерального округа и снижению уровня радикализации его жителей, в том числе посредством активизации работы органов исполнительной власти субъектов Российской Федерации в области профилактики терроризма [5].

Как представляется, практически все вышеотмеченные положения выстроены в русле так называемого «узкого» подхода к блокированию терроризма, заключающегося в совершенствовании антитеррористического законодательства, укреплении спецслужб и силовых ведомств, противодействии финансированию терроризма и повышении эффективности идеолого-пропагандистской и разъяснительной работы среди населения.

Однако следует отметить, что терроризм выступает не просто в качестве обычного криминального деяния, но, и это очень важно, является особым, весьма опасным социально-политическим явлением. Его детерминируют многочисленные внешние и внутренние конфликтогенные факторы, причем более опасными являются внутренние. Среди них традиционно отмечают ключевые – политические, социально-экономические, демографо-миграционные и этноконфессиональные. При этом указанные группы факторов находятся в подпитывающем друг друга состоянии. Локализуя одни из них, но упуская другие, трудно рассчитывать на успех. В разное время те или иные из них выходят на первый план или отходят на второстепенные позиции. В настоящее время среди наиболее опасных внутренних конфликтогенных факторов специалисты выделяют социально-экономические, среди них – продолжающееся невероятное по масштабам имущественное расслоение и десоциализацию государственной политики.

Как пишет известный российский политолог В.Ю. Крашенинникова, «именно по этой причине рейтинг власти в 2018 г. пошел вниз и без усилий внешних врагов – одними лишь решениями российской власти. С наступлением 2019 г. объективных обстоятельств для роста протеста добавилось – опять же решениями российского правительства. Введение новых налогов – увеличение НДС на 2%, налог на самозанятых 4% (6%) и повышение цен – ЖКХ на 4,1%, на бензин, на парковку, другие поборы, вплоть до возможного “налога на колбасу”, плюс рост цен за счет ослабления курса рубля – россияне в ближайшие месяцы почувствуют

новую нагрузку на кошелек. И всё это вдобавок к повышению пенсионного возраста и обманутым ожиданиям на изменение курса после президентских выборов» [6]. Этот же автор подчеркивает, что «справедливость и социальное государство – самые главные запросы граждан сегодня. Согласно соцопросам, две трети россиян с ностальгией отзываются о советской эпохе. И ностальгия эта – не по собственной молодости, как хотят внушить пропагандисты, и не по пломбировке за 19 копеек. Люди хотят качественного бесплатного образования и здравоохранения, равенства перед законом, справедливого распределения доходов. Декабрьский доклад-исследование ряда специалистов “Осенний перелом в сознании россиян: мимолетный всплеск или новая тенденция?” отмечает к тому же резкое усиление нематериальных потребностей, таких как свобода, уважение, честные выборы» [там же].

Таким образом, что касается проблемы надежного блокирования терроризма, то, как представляется, следует задействовать «широкую» и «узкую» подходы в решении этой проблемы, плюс необходимы и дальнейшие фундаментальные и прикладные исследования по исламской и исламистской проблематике на Юге России. Для этого без государственной поддержки не обойтись. Все вышеизложенное, безусловно, требует повышения качества исламских исследований в нашей стране, о чем в свое время предупредил Юрий Андреевич Жданов.

Литература

1. *Добаев И.П.* Радикализация ислама в современной России. – Москва – Ростов н/Дону: Социально-гуманитарные знания, 2014. – 332 с.
2. *Добаев И.П.* Современный терроризм в мире и на Северном Кавказе: сущность, практика, опыт противодействия // Ориентир. – 2010. – Ноябрь.
3. Во Франции заявили о снижении терактов в мире [Электронный ресурс]. URL: <http://www.ncpti.su/news/6772/> (Дата обращения: 26.05.2019.)
4. Патрушев: в 2018 году в России был совершен один теракт [Электронный ресурс]. URL: <http://www.ncpti.su/news/6772/> (Дата обращения: 26.05.2019.)
5. Вступительное слово председателя НАК, директора ФСБ России А.В. Бортникова на совместном заседании НАК и ФОИШ [Электронный ресурс]. URL: <http://www.nac.gov.ru/hublicacii/vystuplenija-i-intervju/vstupitelnoe-slovo-predsedatelya-nak-1.html> (Дата обращения: 26.05.2019.)
6. *Крашенинникова В.Ю.* Турбулентность: кто за нее в ответе? // Литературная газета. – 2019. – 23. янв.

*Статья написана специально для бюллетеня
«Россия и мусульманский мир»*

МЕСТО И РОЛЬ ИСЛАМА В РЕГИОНАХ РОССИЙСКОЙ ФЕДЕРАЦИИ, ЗАКАВКАЗЬЯ И ЦЕНТРАЛЬНОЙ АЗИИ

**2019.03.002. Алигаджиева М.А. КЛАНОВОЕ
И ЭТНИЧЕСКОЕ РАЗМЫВАНИЕ
ПОЛИТИЧЕСКОЙ ЭЛИТЫ ДАГЕСТАНА //**
Власть. М., 2019. Т. 27. № 1. С. 24–28.

Ключевые слова: Дагестан; политическая элита; кланы; размывание; исследования.

Алигаджиева М.А.,
соискатель Российской академии народного хозяйства
и государственной службы при Президенте РФ

Клановая структура правления, присутствующая во многих регионах страны, по мысли исследователя, лишает национальную элиту возможности созидательной деятельности в интересах государства. Многочисленные попытки искоренить ее в Дагестане не увенчались успехом: она всегда возрождалась вновь. Большие надежды в этой области возлагались на Р.Г. Абдулатипова, от которого, учитывая отсутствие у него приверженности к каким-либо кланам, ожидали размывания этнической клановости в РД.

Исследования, которые проводились автором в 2013 г., показали, что клановый принцип превалирует над всеми остальными критериями вхождения в политическую элиту. Так, отвечая на вопрос исследования, проведенного в 2013 г. в РД: «Какие основные принципы вхождения в политическую элиту характерны для Республики Дагестан?», наибольшее число респондентов отметили клановый принцип (76,9%), 19,2 обозначили семейные и родственные отношения и только 15,5% выбрали вариант ответа «путем собственных усилий». Аналогичное исследование было проведено в 2015 г. На вопрос: «Кому, на ваш взгляд, реально принадлежит нынешняя власть в республике?» – были получены ответы: «первому руководителю республики» – 18,6%; «различным кланам» –

15,8; «коррупцированной части аппарата» – 14,1; «материально обеспеченным людям, предпринимателям, коммерсантам» – 7,9; «мафиозным группировкам, криминальным структурам» – 3,3; «политическим партиям, общественным движениям» – 2,2%.

Сравнительный анализ двух социологических исследований, которые были проведены автором в 2013 и 2015 гг. (с приходом к власти Р. Абдулатипова и в предыдущий период), показывает, что ситуация в республике стабилизировалась. Однако говорить о полном размывании клановости не приходится. Если в первом социологическом исследовании «Ожидания дагестанцев» на вопрос: «Кому принадлежит власть в республике?» – народ выбрал вариант ответа «клановой структуре», то теперь они выбирают ответ «главе региона».

Исследование 2017 г. (конец правления Р. Абдулатипова) доказывает постепенное размывание клановости в республике. На вопрос: «Кому, на ваш взгляд, реально принадлежит нынешняя власть в республике?» – были получены ответы: «главе республики» – 13,6%; «коррупцированной части аппарата» – 7,3; «мафиозным группировкам, криминальным структурам» – 5,1; «различным кланам» – 4,2; «политическим партиям, общественным движениям» – 1; «другое» – 1%. Таким образом, автор отмечает, что значимость принципа клановости в процентном соотношении с 2015 по 2017 г. снизилась с 15,8 до 4,2%.

Данное исследование выявило роль лидерской и персоналистской составляющих в эволюции элитного слоя, в котором респонденты выделили руководителя республики Р. Абдулатипова. Тем не менее основными критериями вхождения в политическую элиту в РД остаются богатство, связи, стремление властвовать, клановость. По результатам исследования 2017 г., на вопрос: «По представлению жителей Дагестана, что прежде всего движет руководителями республики в их деятельности?» – были получены ответы: «стремление стать богатым» – 21%; «желание получить власть» – 11,6; «добиться привилегий и почестей» – 3,3; «желание сделать карьеру» – 4,6; «желание честно служить народу» – 0,8; «другое» – 0,8%. Результаты опросов подтверждают, что основной и главной целью власть имущих является стремление обогатиться за счет государства, преследуя личные интересы.

По мысли автора, наиболее распространенным видом коррупции в республике является эндогенная коррупция, в которой участвуют бюджетные организации и должностные лица. Это тщательно разработанная система отмывания бюджетных денег, которая

за последние два десятка лет приобрела невероятные масштабы. На фоне в целом низкого уровня жизни коррумпированные группы накапливают огромные состояния. Контакты, связанные с бюджетными отношениями между центром и республикой, основываются на «откатах» теневой экономики, которые выгодны для узкой прослойки в правящих элитах. Система «откатов», которая процветала в 1990-х годах и продолжает существовать и ныне, стала нормой, и ее можно обнаружить практически во всех сферах деятельности республиканского руководства. На вопрос: «Если вы считаете, что эффективность республиканских руководителей недостаточно высока, то укажите причины этого» – были получены ответы: «коррумпированность чиновников» – 26,5%; «некомпетентность руководителей» – 18,6; «оторванность властей от народа» – 15,2; «невыполнение законов» – 11,8; «низкая исполнительная дисциплина» – 11,8; «низкая заработная плата» – 1,1%.

Именно коррумпированность чиновников, некомпетентность руководителей, клановость являются главными факторами, препятствующими качественному элитогенезу в Дагестане, от которого зависят эффективность деятельности политической элиты, ее профессиональная компетенция, лидерские позиции. Кадровые перестановки и громкие аресты, прошедшие в республике с приходом Р. Абдулатипова, дали положительную динамику – коррупционный бизнес пошатнулся. Несмотря на то что Р. Абдулатипов в меньшей степени причастен к кланам в республике, тем не менее его семейно-родственные отношения и связи дают возможность многим старым кадрам оставаться на своей должности или перемещаться на аналогичные, и, следовательно, говорить о масштабном обновлении политической элиты не приходится, подчеркивает автор статьи.

Главными механизмами формирования региональной элитной структуры является взаимодействие с федеральными, политическими, экономическими, религиозными, этнократическими, интеллектуальными, антиэлитными группами, для которых характерны родственные отношения и связи, богатство, деньги, личная преданность начальству, национализм, политико-экономические интересы. Основой всего служит проблема борьбы элиты за самосохранение. И при отсутствии действенных каналов обновления политической элиты можно наблюдать замкнутость элиты на самой себе. Поэтому дагестанский народ уже много раз выступал за назначение на пост главы республики человека из центра, который не зависел бы от кланов и родственных отношений. Дагестанцы

позитивно приняли назначение на пост нового руководителя республики В. Васильева – первого русского на этом посту. Основным вызовом для В. Васильева стало взаимодействие с местными кланами и борьба за их размывание. Особое внимание вновь назначенный президент уделяет борьбе с коррупцией, «которая приобретает системный характер», защите социальных и трудовых прав граждан, соблюдению законности в сфере ЖКХ и ТЭК, борьбе с нарушениями в сфере земельного законодательства и строительства, строгой регистрации всех преступлений и приоритету рассмотрения обращений граждан. Кадровые зачистки В. Васильева дают молодежи и профессионалам шанс работать в интересах государства и ее граждан.

До прихода к власти В. Васильева каждый новый назначенец начинал свою деятельность с включения в команду родственников и близких ему людей. Вопрос обновления элиты был ограничен и практически заморожен на всех уровнях, так как циркуляция элит происходила по линии кровных, родственных или национальных идентичностей. По такой системе происходило формирование руководства, политической элиты, распределение должностей в регионе. С приходом В. Васильева в РД начался этап размывания основ этнической и клановой структуры, идет процесс обновления политической элиты. Это переломный период в истории Дагестана, когда любой профессионал может участвовать в социально-политической жизни республики, власть максимально открыта для народа и готова отвечать ее запросам.

Особое внимание уделяется качественному элитогенезу в Дагестане, эффективности политической элиты, профессиональной компетентности.

Автор реферата В.Н. Сченснович

**2019.03.003. Цибенко В.В. ТУРЕЦКОЕ
РЕЛИГИОЗНОЕ ВЛИЯНИЕ В РЕСПУБЛИКЕ
БАШКОРТОСТАН В КОНТЕКСТЕ
ЭТНОПОЛИТИЧЕСКИХ ПРОЦЕССОВ //**
Исламоведение. 2019. Т. 10. № 1. С. 27–40.

Ключевые слова: Турция; мусульманский «актив»; типология имамов; духовное управление; мусульманская община; религиозное образование.

Цибенко В.В.,

кандидат исторических наук,
директор Центра междисциплинарных гуманитарных
исследований Южного федерального университета

В статье анализируется турецкое религиозное влияние на развитие башкирского ислама на рубеже XX–XXI вв.

В. Цибенко рассматривает исламское возрождение в Башкирии в контексте этнополитической ситуации. Башкортостан – национальная республика с тремя преобладающими этническими группами – русские, башкиры и татары. Этнополитическую систему Башкортостана отличает регулирование властями этносоциальной стратификации. При этом в рамках развития башкирского национального проекта (этнического национализма) поддерживается высокая степень мобилизации башкирской идентичности. До 2000-х годов религия (ислам) не являлась фактором серьезной трансформации этнополитических процессов ввиду нескольких причин. Во-первых, значимую роль сыграла высокая степень секуляризации и прерванность религиозной традиции в Башкирии, что было во многом обусловлено стремительными темпами урбанизации и промышленного развития региона в советское время. Во-вторых, ислам в Башкортостане, в отличие от соседнего Татарстана, не смог стать частью национальной идентичности, инструментально поддерживая этничность. И башкиры, и татары относятся к так называемым этническим мусульманам, что не позволяет религиозной идентичности в республике стать основополагающим маркером этнических различий. В совокупности это привело к тому, что политизации религиозной идентичности на республиканском уровне не произошло. Напротив, власти официально подчеркивали свой светский характер и равную дистанцию от всех конфессий.

Нежелание властей делать ставку на религиозную идентичность связано также с исторически обусловленной малой укорененностью ислама в среде башкир в сравнении с татарами и сложившейся практикой формирования религиозного духовенства из числа татар. Поскольку с XVIII в. именно Уфа, где разместилось Оренбургское магометанское духовное собрание (ныне Центральное духовное управление мусульман России, ЦДУМ), была выбрана в качестве центра для институционализации ислама в России, у башкир закрепилось восприятие исламских институтов как сугубо татарского явления. Данное восприятие сохранялось до середины 2000-х годов. На волне неприятия «татарского ислама» в 1917 г.

было создано башкирское Духовное управление мусульман, существовавшее до 1936 г. и возобновившее свою деятельность в 1992 г. в форме отколовшегося от ЦДУМ независимого Духовного управления мусульман Республики Башкортостан (ДУМ РБ). Хотя создание собственного Духовного управления было поддержано башкирскими национальными организациями с целью «башкиризации» ислама, а конкуренция с ЦДУМ продолжается по настоящее время, речь идет не о влиянии религиозного фактора на этническую сферу, а наоборот, о вторжении этнонационального фактора в сферу религиозного. Именно в этой связи специалистами отмечается, что башкирское Духовное управление и в 1917, и в 1992 г. рассматривалось как один из институтов государственности суверенного Башкортостана. На фоне общего роста религиозности в стране, многократного увеличения количества исламских институтов в самой Башкирии и широкого распространения «народного» ислама как синтеза с архаическими верованиями в сельской местности с большим отставанием в середине 2000-х годов начинается обращение к исламу городских башкир, в том числе членов национальных движений. До этого этничность у городских башкир преобладала над религиозностью, а этноконфессиональное сознание и поведение не были связаны с «этнокультурным ренессансом». Именно в 2000-е годы стал набирать темпы процесс реисламизации городской башкирской молодежи и национальной интеллигенции (гуманитарных профессий), ранее ориентированной более на героизацию доисламского прошлого башкир, а также их древней религии (тенгрианство). Одновременно стало увеличиваться количество так называемых немечетных или неофициальных мусульман, не признающих авторитета официальных мусульманских институтов – ЦДУМ и ДУМ РБ. Это было вызвано как взаимной дискредитацией этих организаций в ходе борьбы за сферы влияния, так и недовольством исламизировавшейся городской молодежи уровнем подготовки имамов, большую часть из которых представляли пожилые люди без религиозного образования, в том числе и бывшие «совработники».

В конкуренции с просалафитскими и просуфийскими джамаатами официальные структуры проигрывают из-за недостатка образованной молодежи и финансовой поддержки. В то же время параллельно развивался процесс встраивания членов просалафитских джамаатов в официальные исламские структуры в Башкирии. Фиксируется также функционирование мусульманских религиозных организаций (МРО), относимых к салафитским, в составе

ДУМ РБ. Возникший в Башкирии в 2000-е годы феномен «молдых мусульман»-башкир, как правило, примыкающих к различным просалафитским джамаатам, ученые рассматривают с двух сторон: как политизацию и национализацию ислама, сращивание религиозного экстремизма на почве ислама с национализмом региональных «пассионариев», с одной стороны, и как массовый уход башкир из национальных движений в исламские из-за системного кризиса башкирского национального движения – с другой. Исследователи отмечают, что во второй половине 2000-х годов начался отток в джамааты активной молодежи из этнонационального движения.

Тем не менее в 2010-е годы идея «башкирского ислама» получила распространение. Была предпринята попытка заменить традиционные башкирские конгрессы (курултай) исламским советом (шура) башкир. Однако она завершилась неудачей – в скором времени башкир в руководстве данной исламской структуры заменили татары.

По мысли исследователя, турецкое религиозное влияние на этнополитические процессы в Башкирии представляется возможным рассматривать как серьезный фактор лишь с 2000-х годов. Хотя уже в 90-е годы XX в. были установлены контакты мусульманских организаций и рядовых мусульман Башкирии с Управлением по делам религии Турции (Диянет) и введена практика направления в эту страну с целью религиозного обучения представителей мусульманского духовенства республики. Религиозная ориентация на Турцию была обусловлена на тот момент отсутствием собственных возможностей удовлетворить спрос на исламское образование и доктринальной близостью турецкого ислама (ханафитский мазхаб), что способствовало его восприятию как традиционного и умеренного. Вот почему ЦДУМ стремилось направлять на обучение священнослужителей именно в Турцию.

В 1990-е годы в Башкирии начала развиваться сеть турецких лицеев религиозно-политического движения «Хизмет» Фетхуллага Гюлена, распространявшая среди учеников идеи сообщества «Нурджулар» и самого турецкого проповедника. Однако до сих пор не установлена степень влияния, которое «Нурджулар» и джамаат Гюлена могли бы оказать на этнополитическую ситуацию в Башкирии. То же самое можно отнести и к «Сулейманджилар» (сулейманиты) – турецкому джамаату, чья деятельность фиксируется исследователями на территории Башкортостана. Деятельность «Сулейманджилар», как и «Нурджулар», относится к образовательной сфере и носит закрытый характер. Большое внимание

члены данного джамаата уделяют высшему образованию и распространению своего влияния в мечетях (в том числе через проповедническую литературу). При этом не всегда турецкое религиозное влияние оказывается успешным. В этой связи уместно упомянуть Союз башкирской молодежи (СБМ), с 1990-х годов поддерживающий контакты с турецким движением «идеалистов» (более известны как «Серые волки»). Хотя последние придерживаются так называемого тюрко-исламского идеала, СБМ всегда дистанцировался от религии. Таким образом, «идеалисты» не оказали на данную структуру ощутимого религиозного воздействия, хотя, возможно, именно под влиянием идей тюрко-исламского синтеза башкирская молодежь из СБМ в 2000-е годы начала уходить в религиозные движения.

Наиболее интересным с точки зрения влияния на мобилизацию этничности в республике представляется просуфийский джамаат Эренкёй, последователи которого известны также как топбашевцы (по имени их религиозного наставника и основателя джамаата в Турции Османа Нури Топбаша). Именно благодаря деятельности на рубеже десятилетий XXI в. лидера джамаата Эренкёй в Башкирии, директора издательства «САД» Айрата Хабибуллина, мусульманская литература начала печататься на башкирском языке многотысячными тиражами. Отличительной особенностью джамаата стало сотрудничество с национальными движениями и просалафитскими группами. Джамаат Эренкёй не поддерживал контактов с официальными мусульманскими структурами – ЦДУМ и ДУМ РБ. В то же время еще один из просуфийских джамаатов – хакканитов, сформировавшийся в Башкирии в 2010-е годы и связанный с турецким неосуфийским братством (тарикат) хакканийа, в отличие от джамаата Эренкёй, вошел с салафитами в жесткое противостояние.

Джамаат хакканитов демонстрирует упрощение традиционной обрядовости и приверженность эзотерическим практикам, однако основная его деятельность в Башкирии связана с классическим для суфизма почитанием святых мест. Джамаат хакканитов получил широкое распространение в южных и восточных регионах республики, а среди его последователей оказалось много представителей башкирской интеллигенции, оппозиционных политических кругов, медиа, национальных организаций.

На примере джамаатов хакканитов и топбашевцев в Башкирии можно проследить запрос башкирского национального движения на суфизм. Именно утраченная суфийская традиция воспри-

нимается как истинно народная, башкирская. Именно турецкий региональный суфизм и ислам в целом воспринимаются как близкие башкирскому и способные возродить утраченную башкирскую религиозную исламскую традицию. Однако здесь необходимо учитывать прерванность религиозной традиции в самой Турции, пережившей в XX в. период радикальной перестройки и секуляризации общества, которым сопутствовали ликвидация суфийских братств и полный запрет на их деятельность. Результатом этих процессов стала трансформация традиционных суфийских братств в Турции в неосуфийские или просуфийские джамааты как явление современного общества. В этой связи восприятие турецких джамаатов, имеющих накшбандийские корни («Нурджулар», джамаат Гюлена, «Сулейманджилар», джамаат Эренкёй и джамаат хакканитов), как истинного традиционного суфизма строится на незнании турецких исторических реалий и современных особенностей религиозной жизни в Турции.

В. Цибенко считает необходимым отметить запрос башкирской национальной интеллигенции на использование архаичного пласта народной религиозности, проявляющейся в синтезе ислама с доисламскими верованиями, т.е. «мобилизацию архаизма» или «постмодернистской архаики». Она способствует этнонациональной мобилизации и помогает бороться с религиозным общеисламским проектом, в котором башкиры как часть уммы теряют свою субъектность. Башкирское национальное движение стремится подчинить религиозные проекты этнонациональным. Одновременно идет процесс совмещения «ортодоксального» ислама с суфизмом и компромисс между салафизмом и суфизмом на этнонациональной основе, когда суфии вместе с салафитами ищут те сюжеты, которые будут актуальны именно для башкир. При этом актуализация проблемных исторических сюжетов башкир и усиление башкирского этнонационализма входят в интересы турецких джамаатов, переориентирующих башкирских мусульман на турецкий ислам и Турцию как центр тюркского и исламского мира. В целом для этнополитических процессов в республике важны традиционно большая политизированность накшбандийской ветви суфизма, зрелищность ритуалов отдельных джамаатов, привлекающая национальную интеллигенцию, и высокий мобилизационный потенциал. В условиях возрождения прерванной суфийской традиции именно Турция становится основным центром религиозного влияния для башкир, а турецкий ислам начинает адаптироваться под башкирскую среду, ослабляя, вытесняя и замещая

альтернативными неформальными структурами муфтияты – ЦДУМ и ДУМ РБ. Исследователь делает предположение, что хотя сейчас национальный проект подчиняет себе религиозный, на следующем этапе баланс сил может измениться, и тогда турецкие религиозные проекты будут подчинять себе национальные. В таком случае будет существовать вероятность замещения башкирского этнонационального проекта общетюркским с выраженным исламским компонентом.

Автор реферата В.Н. Сченсович

**2019.03.004. Атанова С.А. КАЗАХСТАН
И ЕГО НАЦИОНАЛЬНЫЙ ОБРАЗ:
МЕЖДУ «МЯГКОЙ СИЛОЙ»
И «СТРАНОЙ-БРЕНДОМ» // Ислам
в современном мире. М., 2019. Т. 15. №1.
С. 169–184.**

Ключевые слова: Казахстан; международные отношения; «мягкая сила»; национальный брендинг; национальный образ.

Атанова С.А.,
младший научный сотрудник,
Институт востоковедения РАН,
аспирант, Национальный институт
восточных языков и цивилизаций

Образ страны, отмечает С. Атанова, подразумевает одновременно проекцию, восприятие и самопредставление. На постсоветском пространстве Казахстан предпринимает активные шаги в проекции собственного национального образа.

В 90-х годах XX в. распад СССР привел к образованию 15 независимых государств. Каждое, исходя из политических, экономических и социальных особенностей, выбрало разные направления развития и реализации внутренней и внешней политики. Национальный образ как элемент внешнеполитических стратегий и международных отношений стал тем фактором, который позволяет одной стране выделяться на фоне других, более того, добиваться определенных политических и экономических целей. В свете сказанного автор выясняет, что составляет основу «мягкой силы», или «способности привлекать», в противовес «жесткой силе» с ее

«способностью принуждать», устанавливает, каким целям служит концепт «страны-бренда».

Говоря о том, что благоприятный образ позволяет достигать поставленных целей без использования военного или экономического принуждения, С. Атанова обращается к дефиниции «мягкой силы» и рассмотрению средств, призванных формировать образ страны. «Национальный брендинг» – одно из таких средств. Изначально понятие использовалось в коммерческой сфере и маркетинге. В 90-х годах британский эксперт и практик У. Олинс, а позднее другой британский исследователь – С. Анхольт стали применять понятие «национальный брендинг» в отношении стран.

С. Анхольт выделяет шесть «естественных» каналов национального поведения и национальной коммуникации: политику, культуру, туризм, инвестиции, национальные марки и человеческий потенциал. Посредством этих каналов генерируется уникальный образ, который позволяет стране добиваться желаемого, становясь привлекательной, и выделяться на фоне других. По мнению С. Анхольта, каждое государство может преуспеть в создании собственного уникального образа, найдя свою нишу на мировой арене. С. Анхольт подчеркивает, что брендинг стран в корне отличается от коммерческого брендинга, и говорит о значении репутации и создании «конкурентоспособной идентичности» в пространстве глобального рынка, где глобализация диктует правила игры, заставляя страны конкурировать друг с другом за потребителей, туристов, инвесторов, предпринимателей, проведение спортивных и культурных мероприятий, внимание международных СМИ, а также правительств и народов других стран. Таким образом, фактор конкурентности и репутационная составляющая возвращают нас в рамки выбранных теоретических подходов. Тем временем «национальный брендинг» постепенно сводится к контексту туристического позиционирования страны, привлечения иностранных инвестиций и продвижения коммерческих продуктов.

Особое значение имеют работы о публичной дипломатии как инструменте «мягкой силы» и ее роли в формировании притягательного и влиятельного национального образа. Обсуждение роли «национального брендинга» и значения публичной дипломатии в новых государствах, возникших в результате распада социалистической системы в конце 80-х и СССР в 90-х годах, рассмотрение темы, связанной с обретением ими собственного национального образа, способного стать орудием внешнеполитического влияния, широко представлены в многочисленных научных публикациях.

В сравнении с этим исследованием инициатив государств Центральной Азии по созданию национального образа представляют меньший объем. Реферируемая статья дополняет имеющуюся историографию и в то же время инициирует дискуссию относительно национального образа стран региона.

Для проецирования национального образа среди множества средств государства выбирают мегасобытия. Всемирную выставку ЭКСПО-2017 в Астане посетили 3 млн человек. Всемирная выставка примечательна тем, что транслирует образ страны через шесть каналов, упомянутых в модели С. Анхольта. Кроме того, вариативность выставочных мероприятий привлекает многоцелевую аудиторию, причем не только из страны – организатора выставки, но и из других государств. Выставка в Астане показала миру новую казахстанскую нацию, объединенную своим «символом-брендом» – Астаной и фигурой главного государственного организатора – президента. Зимние Азиатские игры прошли в Астане и Алматы в 2011 г., объединив два главных города страны, бывшую столицу и столицу современную, можно сказать, прошлое и настоящее. В VII Зимних Азиатских играх приняли участие более тысячи спортсменов из 27 стран, и более 500 млн зрителей по всему миру наблюдали за соревнованиями. VI Зимняя Азиада проводилась в трех наиболее развитых азиатских странах: Японии, Китае и Южной Корее, т.е. проведение международного соревнования в Казахстане говорит о стремлении республики занять свое место рядом со всемирно признанными экономическими акторами. XXVIII Всемирная зимняя Универсиада – другое спортивное мероприятие мирового масштаба, которое состоялось в Алматы зимой 2017 г. Казахстан впервые среди стран СНГ стал организатором зимней Универсиады. Для Универсиады была использована инфраструктура, созданная ранее для проведения VII Зимних Азиатских игр 2011 г. Дополнительно были возведены Ледовый дворец, Ледовая арена и Атлетическая деревня. Крупнейшее спортивное событие региона объединило около 2 тыс. спортсменов из 57 стран, его увидел примерно 1 млрд зрителей.

Новость об открытии Международного финансового центра «Астана» в июле 2018 г. заставила вновь заговорить о Казахстане. Первый Международный финансовый центр на пространстве Евразийского союза, предусматривающий работу в системе английского права, благоприятный налоговый режим, упрощенную визовую систему, призван привлечь глобальный бизнес и активизировать экономическое сотрудничество в стране и регионе.

В 2010 г. Казахстан первым из государств постсоветского пространства председательствовал в ОБСЕ; в 2015 г. стал членом Всемирной торговой организации (ВТО); в 2016 г. был избран в непостоянные члены СБ ООН на период 2017–2018 гг. и с января 2018 г. на протяжении месяца возглавлял эту структуру. Республика – активный участник всех региональных и международных объединений: Евразийского экономического союза (ЕАЭС), Таможенного союза (ТС), Шанхайской организации сотрудничества (ШОС), Международного фонда спасения Арала (МФСА), Организации Исламского сотрудничества (ОИС) и ряда других. Казахская столица часто становилась центром миротворческих процессов и решения конфликтов, за исходом которых наблюдало мировое сообщество. С января по сентябрь 2017 г. в Астане проходили международные переговоры по урегулированию ситуации в Сирии. Переговоры продолжились и в 2018 г. При этом Казахстан не оставляет без внимания вопросы регионального сотрудничества. Из недавних инициатив (совместно с Узбекистаном) – проведение первого саммита глав государств Центральной Азии в Астане.

Результаты многовекторного политического курса наряду с произошедшими мегасобытиями международного уровня составляют капитал «мягкой силы» Республики Казахстан. В классическом определении данный концепт является инструментом внешней политики, тем не менее капитал «мягкой силы» применим и в политике внутренней. Инициативы казахстанских властей, направленные на создание позитивного национального образа, находят поддержку среди граждан Казахстана, что является одним из ключевых моментов, поскольку успешная трансляция национального образа на внешнюю аудиторию напрямую зависит от внутренней поддержки.

Казахстанскому «национальному брендингу» сопутствуют инициативы международного значения, политическая и экономическая активность. Отчасти подтверждает эффективность казахстанской кампании статистика от ЮНВТО (Всемирной туристской организации) за 2012–2016 гг., которая демонстрирует увеличение туристического потока в республику. Казахстан, заключает исследователь, балансирует между попытками создания «страны-бренда» и инициативами «мягкой силы». Основной вопрос в том, сохранится ли этот баланс перед лицом новых вызовов и не придется ли Казахстану в скором времени конкурировать

с Кыргызстаном и Узбекистаном, которые, согласно данным ЮНВТО, идут за ним вслед.

Автор реферата В.Н. Сченснович

Худайбердиев А.К.,
соискатель кафедры «Национальная идеология»
Узбекского национального университета
**УЗБЕКИСТАН: ПРОБЛЕМЫ ЗАЩИТЫ
МОЛОДЕЖИ ОТ ВРЕДНОЙ ИНФОРМАЦИИ
В УСЛОВИЯХ ГЛОБАЛИЗАЦИИ
(Социально-философский анализ)**

Аннотация. В современных условиях проблемы информационных угроз актуализировались в связи с глобализацией информационных процессов, бурным развитием и господством информационных технологий, позволяющих политикам эксплуатировать информационное пространство.

Ключевые слова: информационная безопасность; глобализация; информатизация.

Проблемы, связанные с процессом информатизации в условиях глобализации и его влиянием на мировоззрение населения, особенно молодой его части, изучают многие ученые, философы, социологи, психологи, педагоги и исследователи из других областей, а также многие зарубежные и узбекские исследователи, проводящие исследования в этом направлении

Как нам известно, в настоящее время формирование глобального информационного общества во всем мире идет интенсивно и в этом процессе участвуют все больше и больше стран. В то же время Республика Узбекистан на основе долгосрочной стратегии развития на высоком уровне развивает информационные системы, реализует цели вхождения в число наиболее развитых государств, обладающих высоким научным и интеллектуальным потенциалом населения. Повышение уровня информированности общества, развитие информационных технологий требуют от молодежи глубоких знаний и новых способностей, широкого мировоззрения и специфического мышления, гарантирующих адаптацию к изменениям и позволяющих занять достойное место в обществе.

Ускорение процессов информатизации в ряде стран свидетельствует о неполной готовности самого человека, особенно молодого, к эффективному использованию средств и методов получения, обработки, усвоения и применения большого объема информации. Злоумышленники, зная, что молодежь интересуется Интернетом, используют это с большим мастерством.

Процессы глобализации, происходящие в настоящее время на мировом уровне, создали беспрецедентные возможности для развития всего человечества и особенно его молодой части. В первую очередь, сегодня мы являемся свидетелями новых высот в науке и технике, современных информационно-коммуникационных технологиях, которые открывают границы между различными странами и вносят большой вклад в развитие сотрудничества и интеграции. Но нельзя забывать и о том, что такие достижения в то же время используются в качестве идеологического оружия для реализации проектов определенных политических сил, обладающих большими финансовыми возможностями.

Сегодня первостепенное значение имеет осознание подлинной сущности таких попыток, их негативных долгосрочных последствий и предупреждение таких опасностей в первую очередь для молодежи (Каримов 2009: 5–6). Мы не можем равнодушно относиться к тому, что в современном глобализованном мире появляются элементы, которые негативно влияют на сознание молодежи. Различные идеологические угрозы, информационные атаки могут нанести серьезный ущерб сознанию молодого поколения. Теперь одна из главных целей – сосредоточиться на защите молодого поколения от этих агрессивных угроз.

Сегодня некоторые могущественные государства мира пытаются доминировать над процессом глобализации в осуществлении своих национальных интересов. В связи с этим особое внимание уделяется развитию культуры потребления информации у учащихся и молодежи. Под председательством Президента Республики Узбекистан Ш. Мирзиёева 19 марта 2019 г. состоялось совещание по вопросам усиления внимания к молодежи: широкого привлечения ее к культуре, искусству, спорту, внедрения навыков грамотного использования информационных технологий, пропаганды чтения. Глава Узбекистана выдвинул пять важных инициатив по налаживанию работы в социальной, духовно-просветительской сферах на основе новой системы:

– повышение интереса молодежи к музыке, живописи, литературе, театру и другим видам искусства, формированию талантов;

- создание необходимых условий для физического развития молодежи, проявления ее способностей в спортивной сфере;
- организация эффективного использования компьютерных технологий и Интернета среди молодежи;
- организация системной работы по повышению духовности молодежи, широкая пропаганда чтения;
- проблема трудоустройства женщин.

На сегодняшний день в более чем 800 культурных центрах, 312 школах музыки и искусства Узбекистана занимаются 130 тыс. мальчиков и девочек, большинство из которых обеспечиваются учебными пособиями, нотами, но пока еще недостаточно обеспечение музыкальными инструментами, мебелью и оборудованием. Около 30% населения Узбекистана составляют юноши и девушки в возрасте от 14 до 30 лет. Созданы все условия для получения ими образования и профессионального обучения.

Вторая половина XX в. – это период развития информационных систем и телекоммуникационных технологий, которые проникли практически во все сферы жизни и человеческой деятельности, а также эра глобализации информационного пространства. В ст. 4 Закона Республики Узбекистан «Об информатизации» четко определена государственная политика в сфере информатизации, которая направлена на развитие и совершенствование информационных ресурсов, информационных технологий и информационных систем, на создание национальной информационной системы с учетом современных мировых принципов ее совершенствования. Основными направлениями государственной политики в сфере информатизации являются:

- осуществление конституционного права каждого на свободное получение и распространение информации, обеспечение свободного доступа к информационным ресурсам;
- создание единого информационного пространства Республики Узбекистан на базе информационных систем государственных органов, сетевых и территориальных информационных систем, а также информационных систем юридических и физических лиц;
- международные информационные сети и интернет-доступ к Всемирной информационной сети;
- формирование государственных информационных ресурсов, создание и развитие информационных систем, обеспечение их совместимости и взаимодействия;

- организация производства современных средств информационных технологий;
- развитие информационных технологий;
- содействие формированию рынка информационных ресурсов, услуг и информационных технологий;
- стимулирование развития производства программных продуктов;
- поддержка и стимулирование предпринимательства, создание благоприятных условий для привлечения инвестиций;
- подготовка и повышение квалификации кадров, стимулирование научных исследований (Адолат 2008: 50).

Также в последние годы информационные ресурсы активно используются как пространство для достижения межгосударственных, геополитических целей. Поэтому, особенно в условиях открытой информационной системы, возрастает значение решения задач, связанных с информационной, информационно-психологической безопасностью личности, общества и государства. Как отметил И. Каримов: «Наш народ искренне, наивно и уверенно смотрит на то, что говорится в прессе, по телевидению, по радио. Информационно-аналитические центры, которые работают против нас извне, также пытаются воспользоваться этим» (Каримов 2008: 46).

В результате развития информационных и коммуникационных технологий в мире появились различные идеологические угрозы, которые могут оказать негативное влияние на духовность всего человечества, в том числе и узбекского народа. Наряду с положительными аспектами глобализация способствовала появлению и ряда серьезных проблем и угроз. В зависимости от происхождения и путей их преодоления глобальные проблемы могут быть разделены на три группы:

Первая группа – это те проблемы, которые люди связывают с характером организованного общества, т.е. с комплексом различных интересов стран региона (например, проблемы Востока – Запада, Юга – Севера, развитых и развивающихся стран), другими словами, те, что порождают конфликты в международных социальных процессах и отношениях.

Во *вторую* группу входят проблемы, характеризующие отношения, возникающие в системе человека и общества, к которому он принадлежит.

Третья включает в себя проблемы, вызванные отношениями в рамках системы «общество – природа» (Жураев 2008: 397–398).

В условиях глобализации безопасность качественно меняется. В связи с тем, что фронт борьбы проходит повсюду, теперь просто обороны недостаточно. Информация легко проходит через любые защитные барьеры и впитывается в сознание общественности. Таким образом, «информационная безопасность» – это защита информационного пространства, которое служит человеку, гражданину, государству. Чтобы понять это правильно и полно, необходимо знать, что такое «информационное пространство». Информация, полученная о чем-то, может быть полной или краткой, беспристрастной или предвзятой, положительной или отрицательной, интересной или скучной, актуальной или устаревшей, полезной или бесполезной и т.д. А умение отличать реальную информацию от ложной требует глубоких знаний и опыта.

Следует особо отметить, что в последнее время в рамках угроз, посягающих на национальную безопасность Узбекистана, риски информационных угроз становятся все более ощутимыми. Эти угрозы основаны на политических интересах некоторых государств и сил, а широкомасштабное открытие миру своих границ усиливает влияние некоторых негативных последствий процесса глобализации.

Информационная безопасность Узбекистана может быть как внутренней, так и внешней. Внутренняя безопасность разделена на индивидуальную, общественную и государственную безопасность. Сфер информационной безопасности много: политическая, экономическая, культурная, экологическая, правовая, техническая, социальная и др. Внешняя информационная безопасность Узбекистана состоит из глобальной, континентальной и региональной безопасности. К этому можно отнести влияние политических, экономических, информационных и других внешних структур на нашу страну. Информационная политика Республики Узбекистан в области внешних связей должна состоять из двух основных частей: во-первых, информационного обеспечения своей внешней политики; во-вторых, международного сотрудничества в области информационной безопасности.

В свою очередь, информационная атака – это воздействие, направленное на человека, организацию, государство, а ее главная цель заключается в формировании политических и социальных групп, которые будут пропагандировать нарушение нормального образа жизни человека, организации и государства. По сути, это явление социально-психологического порядка

По данным экспертов, в XXI в. ряд стран и организаций, занимаясь такими информационными атаками, создают угрозы безопасности других стран, совершают незаконные сделки, например перевод крупных сумм денег из одной страны в другую для финансирования различных организаций, деятельность которых направлена на информационное и психологическое воздействие на общество, т.е. на ведение информационно-психологической войны.

Необходимо не допускать идеологического вакуума в сознании молодого поколения, глубоко осознавать суть и первопричину происходящих в мире политических, экономических и культурных процессов, правильно воспитывать молодежь на достоверной информации о происходящих вокруг событиях, а самое главное, в соответствии со своим мировоззрением и гражданской позицией. Исходя из вышесказанного, в Узбекистане предпринимаются широкомасштабные усилия по воспитанию подрастающего поколения в духе патриотизма, с активной жизненной позицией и стремящегося к получению знаний.

В целях создания и регулирования правового механизма получения и распространения информации и информационно-коммуникационной сферы в нашей стране приняты 11 законов, три Указа Президента Республики Узбекистан, 40 постановлений, более 600 подзаконных актов, а также разработан ряд национальных программ.

Невозможно остановить глобализацию, ее можно использовать только в пользу или в ущерб государствам, обществам и отдельным лицам. Поэтому необходимо продумать пути эффективного и полезного использования информационных технологий. В настоящее время обеспечение безопасности информации заключается не только в обеспечении безопасности компьютерных сетей и инфраструктуры, но и в защите единого информационного пространства.

В заключение автор утверждает, что Узбекистан имеет свой опыт в защите сознания молодежи от любых вредных информационных угроз. Глубокое понимание смысла и первопричины политических процессов, происходящих в настоящее время в разгар информационной войны, получение достоверной информации о происходящем вокруг, разъяснение жителям и, прежде всего, молодежи, что в основе любых информационных атак лежат цветные революции с демонстрациями и беспорядками, – всё это становится важным фактором противодействия информационным угрозам. Необходимо также учитывать роль и силу воздействия СМИ.

Литература

1. *Жураев Н.* Тарих фалсафасининг назарий асослари. – Т.: Маънавият, 2008. – Б. 397–398.
2. *Каримов И.А.* Энг асосий мезон – ҳаёт ҳақиқатини акс эттириш. – Т.: Ўзбекистон, 2009. – Б. 5–6.
3. *Каримов И.А.* Юксак маънавият – енгилмас куч. – Т.: Маънавият, 2008. – Б. 46.
4. *Расулов А.* Глобал жараёнлар ва маънавият // Ж. Ўзбекистан матбуоти. – Тошкент, 2008. – № 5–6. – Б. 8–9.
5. Ўзбекистон Республикасининг «Ахборотлаштириш туғрисида» ги қонуни. Ахборот ва ахборотлаштиришга оид норматив-ҳуқуқий ҳужжатлар тўплами. Т.: «Адолат», 2008. – 50 б.

*Статья предоставлена автором для публикации
в бюллетене «Россия и мусульманский мир»*

Дмитриева Е.Л.,

старший научный сотрудник, ИНИОН РАН

ВОДНЫЕ РЕСУРСЫ СРЕДНЕЙ АЗИИ: ПРОБЛЕМЫ И ПУТИ РЕШЕНИЯ

DOI: 10.31249/rimm/2019.03.02

***Аннотация.** В статье рассматривается ситуация с водопользованием в среднеазиатских республиках, сложившаяся в постсоветский период. Анализируются пути и варианты решения проблем, связанных с водоснабжением данного региона.*

***Ключевые слова:** дефицит воды; Средняя Азия; трансграничные реки; водопотребление; экологические проблемы; конфликты.*

Дефицит пресной воды является одной из глобальных проблем нашего времени, так как вода – это основной природный ресурс, без которого невозможна жизнедеятельность человека. По мере роста численности населения в мире увеличиваются и объемы водопотребления, возникает дефицит пресной воды, который приводит не только к снижению уровня жизни людей, но и к замедлению экономических темпов развития стран, испытывающих недостаток в водных ресурсах. Среди экспертов существует мнение, что в будущем вода может стать даже более значимым стратегическим ресурсом, чем нефть и газ, а также одним из главных объектов

противоборства. Уже сегодня ситуация с водопользованием в некоторых регионах мира приводит к конфликтам.

Всё вышесказанное в полной мере относится и к бывшим среднеазиатским республикам СССР, которые являются сегодня независимыми государствами, – Казахстану, Киргизии, Таджикистану, Туркменистану и Узбекистану. Вопросы водоснабжения, а также качество пресной воды на сегодняшний день являются настолько важным фактором в жизни этих стран, что его игнорирование способно привести к дестабилизации социально-экономической и политической ситуации в регионе.

Контроль над водными ресурсами становится причиной межгосударственных конфликтов, которые усугубляются тем, что одна из сторон располагает возможностью ограничить подачу воды. Ограничение и прекращение подачи воды или же, наоборот, сброс огромного количества воды из водохранилища, которые приведут к гуманитарной и природной катастрофам, – это способ одной из сторон конфликта оказывать давление на своего оппонента. В борьбе за жизненно важные водные ресурсы используются все средства, в том числе и группировки радикально-религиозного и криминального толка, действия которых направлены на расширение ситуации в определенной стране и получение таким образом доступа к «водному крану». Поэтому вопросы обеспечения населения и экономики пресной водой в условиях дефицита водных ресурсов рассматриваются руководством стран региона как компонент стратегии национальной безопасности.

В настоящее время в Среднеазиатском регионе существует явный дисбаланс между водными ресурсами и экономической деятельностью человека. Средняя Азия занимает одно из лидирующих мест на постсоветском пространстве по потерям и нерациональному использованию водных ресурсов, а также по степени их загрязнения. Для Казахстана, Киргизии, Таджикистана, Туркменистана и Узбекистана водная проблема в постсоветский период характеризуется особой остротой и спецификой. Главные источники воды – это реки Амударья и Сырдарья, они являются основными водными артериями по объемам площадей водосбора и водосброса в регионе. Особенностью формирования водостока региона является то, что ресурсные источники пресной воды берут свое начало в горной части региона – на территориях Киргизии и Таджикистана, а основной сток активно используется на территории равнинных государств – Узбекистана, Туркмении и Казахстана. Киргизия и Таджикистан по факту осуществляют контроль над водными

ресурсами и утверждают в одностороннем порядке график подачи воды странам, находящимся в низовьях рек и использующим их водосток в своей хозяйственной деятельности. Из-за недостатка энергоресурсов Киргизия и Таджикистан активно применяют гидроэнергетику. Поэтому зимой сбрасываются большие объемы воды, чем это необходимо Казахстану и Узбекистану (там происходят даже подтопления и ухудшается экологическая ситуация); летом же, наоборот, сброс воды уменьшается, хотя потребность в воде в это время увеличивается.

В советское время энергетическая система была общей в рамках одного государства, и республики в верховьях рек могли подавать электроэнергию в республики в низовьях рек в течение зимы и получать ее оттуда летом в необходимых количествах. После распада СССР и провозглашения независимости республики Средней Азии взяли курс на построение рыночной экономики и проведение самостоятельной политики в области водопользования, руководствуясь только своими собственными интересами и не думая о том, как они согласуются с потребностями в воде соседних стран. Руководство среднеазиатских государств не задумывается о том, как складывается ситуация с водой в регионе в целом.

В результате стали возникать конфликты по вопросам распределения и использования водных ресурсов: если гидроэнергоузлы Киргизии и Таджикистана работают в энергетическом, а не в ирригационном режиме, то происходит наиболее интенсивная эксплуатация водохранилищ зимой, а не летом. Республики верховья рек получают увеличение производства электроэнергии, которую они могут использовать для экспорта, и получается, что летний сброс воды для сельскохозяйственных нужд соседних республик, находящихся в низовьях рек, им не выгоден. Страны же, находящиеся в низовьях рек и потребляющие особенно интенсивно ресурсы водохранилищ именно летом, начинают испытывать дефицит воды, что ощутимо сказывается на сельскохозяйственном секторе их экономики. Страны низовья, в свою очередь, не спешат предоставлять компенсации за водоснабжение странам, откуда поступает вода. Таким образом, на первое место выходят только собственные планы потребления водноэнергетических ресурсов.

Не определен правовой статус использования вод трансграничных рек. В текстах внутригосударственных законов среднеазиатских республик, а также в двусторонних и многосторонних соглашениях нет признанного в международном правовом поле термина «трансграничные реки», а применяются такие понятия,

как «водные или водноэнергетические ресурсы», что противоречит положениям международного права и приводит к невозможности ссылок на международное законодательство при решении водных споров. В результате неурегулированные вопросы водопользования порождают межгосударственные конфликты.

Ситуация с водопользованием в настоящее время ухудшается по ряду следующих причин.

1. Увеличивается демографическая нагрузка на гидроресурсы. Среднеазиатский регион известен очень высокими темпами роста численности населения, вследствие чего возникает нехватка продовольствия, и по этой причине сокращение производства сельхозпродукции не представляется возможным. Но проблема заключается в том, что сельское хозяйство в низовьях рек продолжает развиваться не по интенсивному, а по экстенсивному типу производства и на выращивание урожая тратится воды намного больше, чем это требовалось бы при применении современных технологий.

2. Другой причиной ухудшения ситуации является климатический фактор – в регионе все чаще наблюдаются засушливые годы, в результате чего некоторые области оказываются полностью обезвоженными. Если и далее прогнозы о потеплении климата окажутся верными, то в Средней Азии в ближайшие годы ожидаются повышение температуры и снижение объема осадков. Следовательно, ресурсы рек существенно уменьшатся.

3. Помимо вышеуказанных проблем в настоящее время появился и новый фактор, связанный с водными ресурсами, – это проблема загрязнения водных источников (подземных и поверхностных) в результате человеческой деятельности. Увеличение численности и плотности населения, развитие промышленности с одновременным отставанием строительства очистных сооружений, сельскохозяйственная деятельность с применением большого количества дешевых и некачественных удобрений и химикатов приводят к возникновению опасной экологической обстановки. При идущих процессах обмеления и загрязнения важнейших источников воды – Сырдарьи и Амударьи – одновременно наблюдается накопление избыточного количества загрязненной минеральными солями, удобрениями и химикатами воды этих рек в оросительных сооружениях. В результате изношенности дренажных систем идет процесс деградации почв, такой как заболачивание и засоление.

4. Не меньшую опасность представляют и биологические источники загрязнений, появившиеся из-за возросшей демографической нагрузки на водные ресурсы и отсутствия достаточного

количества канализационных и очистных сооружений. Такие источники загрязнений могут привести и периодически приводят уже к вспышкам эпидемий таких инфекционных заболеваний, как брюшной тиф, холера, гепатит.

Каковы же пути повышения эффективности использования водных ресурсов Средней Азии?

Предлагается несколько вариантов решения проблемы: уменьшение нагрузки на водные ресурсы, расширение базы источников ресурсов пресной воды, переход к сберегающим методам использования гидроресурсов.

Многими экспертами высказывается мнение, что причиной дефицита воды в регионе является не недостаток водных ресурсов, а их неэффективное и нерациональное использование. По разным оценкам, от четверти до половины объемов поступающей воды составляют ее потери. Но это не только потери поливного земледелия. В странах верховья – Таджикистане и Киргизии – плохое состояние водохранилищ, нуждаются в ремонте скважины, каналы, водозаборные сооружения, что часто приводит к потере значительных объемов воды.

Для исправления ситуации с водоснабжением необходим постоянный ремонт и поддержание в исправном состоянии всех гидросооружений. А в странах низовья надо срочно переходить к применению передовых технологий в сельском хозяйстве, основанных на точном расчете потребностей в воде при орошении и тем самым уменьшающих ее потери и сокращающих ее потребление в промышленности и сельском хозяйстве. Должна быть проведена реструктуризация промышленного производства для уменьшения доли водоемких процессов.

Другой вариант решения проблемы предполагает увеличение водных ресурсов за счет использования запасов подземных пресных вод, опреснения соленых вод, а также территориального, в том числе трансграничного, перераспределения гидроресурсов и привлечения внешних источников пресной воды.

Что касается привлечения внешних водных ресурсов, то здесь следует упомянуть о периодически реанимируемой идее поворота рек Сибири, что в свою очередь может привести к еще большей экологической катастрофе в регионе Западной Сибири (ощутимые изменения климата, заболачивание, подтопление территорий). Поэтому эту идею нельзя рассматривать как вариант решения проблемы.

Узбекистан и Туркменистан – крупнейшие производители хлопка в регионе, они являются одними из лидеров в мире по потреблению воды в расчете на душу населения. Большая часть потребляемой в этих странах воды уходит в прямом смысле в песок и частично в разветвленные ирригационные системы, которые находятся в аварийном состоянии. До половины объема всей поставляемой воды не доходит на орошение обрабатываемых полей.

Еще одним существенным источником пополнения водных ресурсов являются артезианские скважины. В Средней Азии существует много небольших водообильных артезианских бассейнов, которые не используются. Их разработка могла бы внести существенный вклад в увеличение водных ресурсов региона.

Среднеазиатским республикам необходимо установить новый порядок водопользования и эффективно расходовать уже имеющиеся немалые водные ресурсы для удовлетворения своих потребностей в пресной воде. А для этого представители пяти среднеазиатских республик должны сесть за стол переговоров и выработать единую водную стратегию в регионе, которая не приводила бы к возникновению водных конфликтов, а также экологических и гуманитарных катастроф. Действия среднеазиатских государств должны быть направлены на поиск компромиссов по использованию водных ресурсов региона и быть скоординированными, а не односторонними. Но пока что в данном вопросе единой позиции у всех участников процесса нет, поэтому ситуация в регионе в ближайшие годы только ухудшится.

Литература

1. *Рогожина Н.Г.* Экологическая политика развивающихся стран. – М.: Аспект Пресс, 2015. – 336 с.
2. *Жильцов С.С., Бименова А.Р.* Политика стран Центральной Азии в области использования водных ресурсов трансграничных рек // Центральная Азия и Кавказ. – 2015. – Т. 18. – № 1. – С. 90–100.
3. *Белозёров В.К.* «Страсти по воде» // Россия в глобальной политике. – М., 2009. – Т. 7. – № 3. – С. 150–160.
4. *Легкоступ Ф.* Время самоограничений. Проблема трансграничных рек в Центральной Азии // Водное хозяйство Казахстана. – Астана, 2012. – № 3 (41). – С. 19–21.
5. *Богомолов Ю.Г., Гриняев С.Н., Небренчин С.М., Фомин А.Н.* Водные ресурсы стран Центральной Азии в рыночных отношениях. [Электронный ресурс] Режим доступа: http://rosgidrogeo.com/optimos/pages/bogomolov_yu_g_341.pdf (Дата обращения: 11.07.2019.)

6. Центральная Азия. Геополитика и экономика региона. [Электронный ресурс] Режим доступа: http://www.isoa.ru/docs/central_asia-book.pdf (Дата обращения: 20.06.2019.)
7. *Рогожина Н.Г.* «Конфликтный потенциал водных ресурсов Центральной Азии». Двусторонние политические и экономические отношения Казахстана и России: материалы VII научно-практической конференции КИСИ – ИМЭМО (г. Москва, 29 ноября 2013 г.) / Под общ. ред. Б.К. Султанова. – Алматы: КИСИ при Президенте РК, 2013. – С. 99–113. [Электронный ресурс] Режим доступа: <http://kisi.kz/uploads/1/files/9qKemwd4.pdf> (Дата обращения: 03.07.2019.)

*Статья написана специально для публикации
в бюллетене «Россия и мусульманский мир»*

Бибикова О.П.,
кандидат исторических наук
(Институт востоковедения РАН)
**ПОЛИГАМИЯ НА ПОСТСОВЕТСКОМ
ПРОСТРАНСТВЕ**

DOI: 10.31249/rimm/2019.03.03

***Аннотация.** После распада СССР в мусульманских районах СНГ и РФ произошло возвращение к старинным традициям. Среди них полигамия, которая в разных странах обусловлена различными социальными причинами.*

***Ключевые слова:** полигамия / многоженство; демографический дисбаланс; ислам; шариат; миграция.*

После провозглашения независимости странами Центральной Азии светское законодательство подверглось пересмотру. В некоторых странах из конституции исчезла статья, запрещающая многоженство. Дело в том, что в странах, где большая часть населения – мусульмане, законы шариата по-прежнему уважаемы. Многоженство на Востоке имеет глубокие корни¹. Да и не только на Востоке. Многочисленные исторические документы, и прежде всего Библия, свидетельствуют о том, что полигамия существовала всегда. Народы воевали, мужчины погибали, и для восполнения

¹ Напомню, что анонимный автор «Повести временных лет», рассказывая о князе Владимире, писал о нем: «Был он ненасытен в блуде». Кроме жен у него были также наложницы.

численности населения нужно было рожать как можно больше детей. Особенно мальчиков, которые, повзрослев, становились воинами. Кстати, еще в древности сложился принцип инфантицида – убийства хилых младенцев (иногда их приносили в жертву богам). Больше всего уничтожали девочек¹.

Естественно, что знатные люди могли себе позволить прокормить несколько женщин. Сложилась практика выбора самых красивых пленниц, которые предназначались для вождей или на продажу. Позднее второй и третьей женой стали обзаводиться и представители менее состоятельных сословий. И если для одних полигамия была символом престижа, то в бедных слоях населения каждая жена рассматривалась как новый член трудовой ячейки.

Надо отметить, что ислам, отвергая ханжество и предубеждения, мягко относится к сексуальным потребностям мужчины. В шиитской ветви ислама мужчина, находящийся в отрыве от семьи, может оформить временный брак (сига или мута)². На деле многие мужчины, из числа гастарбайтеров из центральноазиатских республик, уехав на заработки за границу, обзаводятся временными женами, большинство которых тоже приехали из Центральной Азии. Их поведение диктует традиция, сформированная исламом еще много веков назад.

Коран свидетельствует о том, что многоженство (*Ta'addud аз-завджат*) существовало у арабов уже на раннем этапе развития ислама: «...женитесь на других женщинах, которые нравятся вам: на двух, трех, четырех...» (аят 3, сура Ан-Ниса – Женщины). Причины, по которым мужчина может иметь больше одной жены, перечисляет исламовед А. Каримов: «Если жена не оберегает целомудрия мужа или тяжело больна, бесплодна и так далее, а муж желает ребенка, то ему желательно (*мустахабб*) жениться на другой. Если мужчина желает жениться на другой женщине без нужды

¹ По оценкам исследователей, в период палеолита на территории современных Англии и Америки убивали примерно каждую вторую девочку // Hoffer, Peter; N.E.H. Hull (1981). *Murdering Mothers: Infanticide in England and America, 1558–1803* // N.Y.: New York University Press. P. 3.

² Такой брак заключается по взаимной договоренности на определенный срок специальным договором в присутствии имама. В нем обязательно оговаривается содержание женщины и вознаграждение при расторжении брака. В спорах с суннитами шииты обычно опираются на высказывание Пророка, приведенное в Коране (сура 4, аят 24), в котором якобы есть намек на возможность временных отношений и отсутствие отмены этого высказывания в дальнейшем. Родившегося в этом браке ребенка отец обязан содержать до совершеннолетия.

или же для увеличения почета в обществе, то в этом случае многоженство является для него нежелательным (*макрух*). Если мужчина беден, слаб или уверен в том, что не сможет проявлять справедливость между женами, то в этом случае многоженство для него является греховным делом»¹.

Этика супружеских отношений в исламе отличается от подобных отношений у других народов. Сирийский богослов Ибн Каййим аль-Джаузийя (1292–1350) в своих работах «Путь двух переселений и врата двух счастья» и «Сад влюбленных и отдохновение увлеченных» отмечал, что интимная связь призвана сохранить здоровье, принести радость и наслаждение телу, сохранить человеческий ресурс. Российский востоковед Л. Сюкияйнен отмечает, что в исламе «строгость нравов сочетается с традицией открыто обсуждать подробности интимных отношений»². Характерно, что эта традиция возникла еще в Средние века. Об этом свидетельствует произведение тунисского шейха Сиди Мухаммада ибн Мухаммада ан-Нафзави «Сад Благоуханный», или «Сад услаждения душ», созданное в период между 1394 и 1433 гг. В этом собрании любовных похждений арабских правителей автор продемонстрировал знания об эротике Востока. Знакомство с этими произведениями свидетельствует о том, что люди на мусульманском Востоке многообразно умели получать наслаждение, чувствуя себя свободными и избегая всякого ханжества³. Отмечу также, что Европу с этой книгой познакомил французский писатель Ги де Мопассан, переведя ее на французский язык.

Как отмечает Л. Сюкияйнен, «с точки зрения ислама многоженство гуманно и нравственно, поскольку помогает решить проблемы женского одиночества, безотцовщины и проституции»⁴. Исламские богословы считают, что многоженство оберегает мужчин от прелюбодеяния, возможности заболеть венерическими болезнями, а женщинам дает статус, защиту и материнство. Кроме

¹ Каримов А. Многоженство в Исламе и его мудрость // <http://islamsivil.ru/mnogozhenstvo-v-islame-i-ego-mudrost/>

² Сюкияйнен Л. Все поровну, кроме любви // Труд. 16.01.1999. (С. 7) <http://mamont4.chat.ru/Statya.htm>

³ «Благоуханный сад для духовных услад» ученойшего шейха Сиди Мухаммада ибн Мухаммада ан-Нафзави / Пер. с арабского и послесловие Д.В. Микульского. – М.: Таус, 2008.

⁴ Сюкияйнен Л. Все поровну, кроме любви // Труд. 16.01.1999. (С. 7) <http://mamont4.chat.ru/Statya.htm>

того, многоженство способствует увеличению потомства, что в исламе рассматривается как божественная благодать.

Действительно в современной ситуации многоженство решает ряд социальных проблем. Дагестанский имам Магомедрасул Саадуев считает, что «мужчин, которые сознательно идут на такой шаг, можно считать патриотами, поскольку они берут под опеку две, а то и три-четыре семьи. Таких мужчин надо обеспечить привилегиями»¹.

Узбекистан

Многоженство в Узбекистане существовало всегда, несмотря на попытки властей его запретить. Согласно опросам, проведенным в Узбекистане, общественность республики, несмотря на законодательный запрет многоженства, считает такую форму брака возможной, ибо она позволяет решить проблему одиноких женщин. Участники дискуссии на ташкентском радио «Азатик» отмечали, что «...долгое нахождение в России трудовых мигрантов и создание ими там вторых семей ставит узбекских женщин в тяжелое положение. В Узбекистане сейчас как во времена войн, целые махалли остались без мужчин. Мужчины выехали на заработки в Россию, Южную Корею и Чехию. Мужчины, которые должны быть рядом со своими детьми, находятся за рубежом... Сейчас много женщин, которые не смогли выйти замуж, остались в старых девах...»². Только в России, по данным на 1 февраля 2017 г., находились 1,5 млн граждан Узбекистана³. За три квартала 2018 г. в Россию выехали 3,55 млн человек. Большинство из них мужчины фертильного возраста, часть которых оставила на родине семью. Однако и до начала массовых миграций многоженство было популярно, особенно в сельской местности. Летом 2017 г. президент Мирзиёев обвинил мулл, которые проводят «никях», способствующий распространению многоженства в республике. Президент пообещал наказывать мулл, совершающих этот обряд.

В Узбекистане многоженство запрещено, на этот счет есть статья в Уголовном кодексе страны. «Многоженство, то есть

¹ Дагестанский имам: Многоженцы – истинные патриоты, которых нужно холить и лелеять // <https://islamnews.ru/news-462059.html>

² Трудовые мигранты из Узбекистана и Таджикистана обзаводятся в России «вторыми женами» // <https://rus.azattyk.org/a/28108185.html>

³ Ташкент – лидер по многоженству. Что изменит гнев Мирзиёева? 22.06.2017 // <https://365info.kz/2017/06/uzbekskij-prezident-protiv-mnogozhenstva/>

сожительство с двумя или более женщинами на основе общего хозяйства, наказывается штрафом от пятидесяти до ста минимальных размеров заработной платы или исправительными работами до трех лет, либо лишением свободы до трех лет», – гласит 126 статья Уголовного кодекса Республики Узбекистан. Однако растущая трудовая миграция мужчин приводит к тому, что за пределами родины узбеки обзаводятся новой семьей. Социологи объясняют распространение подобных браков среди гастарбайтеров как элемент адаптации к условиям миграции и возвращением к исторической практике, характерной для мусульманского общества.

Таджикистан

Осенью 2013 г. по инициативе женских организаций в правительство было направлено письмо, в котором таджикские женщины просили вернуть на родину их мужей, уехавших на заработки в Россию. Были даже пожелания потребовать от России их депортировать. Кстати, за несколько лет до этого с аналогичной просьбой обращались к своему президенту женщины Азербайджана.

Весной 2015 г. под влиянием разразившегося экономического кризиса и вследствие принятия в России новых миграционных правил таджикские мужчины стали возвращаться, однако ситуация не стабилизировалась. Уже в 2018 г., по данным Министерства внутренних дел России, число приехавших в Россию граждан Таджикистана, которые были поставлены на миграционный учет, только за первый квартал 2018 г. составило 482 897 человек.

По подсчетам экономистов, денежные переводы трудовых мигрантов на родину составляют более 3 млрд долл. в год, что соответствует 40% ВВП Таджикистана. Для многих таджикских семей переводы из России – это единственный источник средств существования. Более того, Душанбе заинтересован в том, чтобы Россия провела миграционную амнистию для 200 тыс. таджикских гастарбайтеров, которые ожидают визу для повторного въезда в Россию¹. Правительство РТ связывает этот вопрос с соглашением о пребывании российской военной базы в Таджикистане².

¹ МВД РФ: в Россию на работу приехали свыше 200 тыс. таджикистанцев // <http://tajmigrant.com/mvd-rf-v-rossiyu-na-rabotu-priexali-svyshe-200-tysyach-tad-zhikistancev.html>

² Саркорова А. Таджикиские мигранты против миграционных правил России – Русская служба Би-би-си, Душанбе. 15.05.2015 // https://www.bbc.com/russian/russia/2015/05/150514_tajik_migrants_in_russia

Отсутствие значительного числа таджикостанских мужчин на родине негативно сказывается на семейно-брачной ситуации в республике. Как и в других республиках, Уголовный кодекс Таджикистана запрещает полигамию (ст. 170). В случае нарушения закона предусмотрено наказание в виде штрафа размером в 2000 МРОТ либо в виде исправительных работ на срок до двух лет. В некоторых случаях предусмотрено ограничение свободы на срок до пяти лет.

Однако все больше представителей общественности выступают за легализацию полигамии в республике, которая, по их мнению, улучшит состояние демографической ситуации и позволит преодолеть гендерный дисбаланс, возникший в результате гражданской войны (1992–1997). Сторонники легализации многоженства аргументируют свою позицию, сравнивая нелегальную полигамию в республике с практикой «гражданских» браков в европейских странах.

Таким образом, постепенно складывается неофициальное признание параллельных браков, возникших в стране занятости. Естественно, что таджикостанский социум порицает временное сожительство. Однако в истории народов Средней Азии многоженство до конца нигде не было изжито. Это обстоятельство способствует формированию иной социально-брачной этики. В случае если мужчина, совершивший «издивоч» (брак – тадж. яз.) по исламским правилам на родине, то он может заключить гражданский брак в стране его занятости, например в России, так как в его паспорте нет записи, свидетельствующей о регистрации брака. Некоторые из них посылают домой смс-сообщение с текстом: «талок, талок, талок», смысл которого означает «развод». С. Олимова, социолог, руководитель научно-исследовательского центра «ШАРК» в Таджикистане, отмечает, что «около 90% опрошенных мигрантов были женаты, но только 5% брали с собой в Россию жену»¹.

С течением времени законы для таджикских гастарбайтеров ужесточились. В результате объем денежных переводов сократился в 3 раза. Однако нелегальные иммигранты по-прежнему есть, и они ждут обещанную амнистию. ФМС готовит новый закон, который должен снизить уровень преступности среди иммигрантов, повысить безопасность труда, повысить ответственность работодателя и создать систему более прозрачного присутствия ино-

¹ Фасхутдинов Г. Последствия миграции: брошенные жены и разрушенные семьи // <https://inosmi.ru/world/20150308/226722786.html>

странных рабочих в России. Кроме того, новый закон направлен на борьбу с коррупцией и уменьшение количества нелегалов. Предполагается, что таджикские мигранты будут иметь статус рабочего, а поэтому и обладать социальным обеспечением и другими правами¹.

Анализируя сложившуюся ситуацию, в результате которой происходит разрушение семьи на родине мигранта, исследователи отмечают, что одним из печальных последствий сложившейся ситуации стал женский суицид, явление не характерное для мусульманской культуры. Таджикистанская общественная организация «Перспектива плюс» констатировала рост подобных случаев. Эксперт Центра социально-экономических исследований «Стратегия» Ф. Саидов считает, что в Таджикистане сегодня живут «от 50 до 80 тыс. женщин, чьи мужья уехали в трудовую миграцию и разорвали отношения с семьей»², часть которых оставлены без финансовой поддержки кормильца. Подобные случаи в большей степени зафиксированы в сельской местности, где брак не был официально зарегистрирован в органах ЗАГСа, а была лишь проведена религиозная церемония. В таких случаях женщинам чрезвычайно трудно доказать свои права, подтвердить отцовство, а при разводе затруднен раздел имущества и получение алиментов. Даже при наличии решения суда исполнить его очень трудно в связи с тем, что муж физически отсутствует в стране.

Киргизия

Уголовный кодекс республики запрещает полигамные браки. В июле 2008 г. министр юстиции республики Марат Кайипов предложил легализовать многоженство. По мнению министра, запрет на полигамию нарушает права детей, рожденных в никахе от вторых и третьих жен. Речь идет о том, что в таких случаях брак заключается в мечети, и никаких документов, определяющих права детей от такого брака, не существует. Его предложение не имело последствий, так как на бытовом уровне общественность понимает неизбежность полигамии в нынешних экономических условиях.

¹ Новый закон для мигрантов из Таджикистана // <http://migrantinform.ru/migraciya/novuj-zakon-dlya-migrantov-iz-tadzhikistana.html>

² Фасхутдинов Г. Последствия миграции: брошенные жены и разрушенные семьи // <https://inosmi.ru/world/20150308/226722786.html>

В 2010 г. из новой редакции Конституции было изъято положение о том, что Киргизия является «светским государством»¹. По мнению представителей женских организаций, таким образом «к легализации многоженства власти идут целенаправленно»².

В республике складывается парадоксальная ситуация: так, возглавляющая движение «Женщины – лидеры» Г. Нурматова находит явление многоженства нормальным при условии соблюдения всех требований шариата, но одновременно выступает против легализации полигамии. По ее мнению, «те, кто требует исключить наказание за многоженство из законодательства, не до конца понимают сущности этого вопроса... Наше общество – не мусульманское, и даже многие люди, считающие себя мусульманами, не всегда понимают сути тех или иных норм шариата, – считает она. – При таких условиях, когда общество не готово понимать и выполнять требования ислама, разрешение многоженства чревато негативными последствиями»³.

Правозащитница А. Абдурасулова считает, что на эту проблему надо смотреть шире. Действительно, среди причин, побуждающих мужчин взять вторую жену, может быть состояние здоровья или бесплодие первой жены, отсутствие надежды на рождение мальчика. Однако есть опасность того, что возможность взять новую жену станет осуществлением прихоти богатых мужчин, в то время как согласиться на такой брак женщину заставляет нужда, социальная незащищенность, отсутствие перспектив найти себе подходящего спутника жизни и создать семью по любви.

На самом деле факты многоженства имеют место даже на самом высоком уровне. И это характерно практически для всех центральноазиатских государств. Мы уже отмечали, что мужчины, уехавшие на заработки за границу, нередко перестают посылать деньги оставшимся на родине семьям, вынуждая своих жен самостоятельно искать средства к существованию. Для некоторых из них статус второй жены является выходом из сложившихся обстоятельств. Естественно, что новый брак, при отсутствии в паспорте отметки о разводе, ЗАГС не регистрирует. В этом

¹ Из новой редакции Конституции Кыргызстана исключено понятие «светское государство» 12.05.2010 // <http://www.centrasia.ru/newsA.php?st=1273682580>

² *Мамараимов А.* Многоженство в Киргизии: Законы не могут изменить реальное положение вещей // <http://www.fergananews.com/articles/4993>

³ Там же.

случае брак оформляют в мечети, но он не имеет правовой защиты (права на алименты и наследство).

В вопросе о полигамии общественность республики практически раскололась надвое. Одни считают полигамию не просто возможной, но и вынужденной, тем более что практически по всей стране известны случаи многоженства. Другие выступают категорически против. Ш. Хабибуллина, руководитель отделения организации «Женщины могут все» (город Ош), считает, что «исключать из законодательства страны наказание за многоженство нельзя, так как подобные браки заключаются... без обеспечения прав женщин и детей, которые страдают от этих браков в первую очередь»¹.

Численность населения Киргизии (оценка на 1 января 2010 г.) составляет 6389 тыс. человек². Налицо диспропорция, так как в категории населения после 35 лет женщин значительно больше, чем мужчин.

Практически каждый четвертый гражданин Киргизии находится на заработках в России. Миграционная служба при правительстве Киргизии сообщает, что на миграционный учет в 2018 г. в России поставлены 640 тыс. кыргызстанцев. По неофициальным данным, в РФ работает свыше 1 млн граждан Киргизии. Сколько из них создали вторую семью, будучи за пределами родины, неизвестно, однако в России растет число детей-сирот, рожденных женщинами-мигрантками.

Благодаря упрощенному для жителей Кыргызстана въезду в Россию³ сюда стремятся многие женщины республики. У многих здесь рождаются дети. В России уже функционирует правозащитный фонд «Кыргызстан аялдары» («Женщины Киргизии»), основанный Б. Тарабековой, киргизкой, живущей в России 30 лет, которая помогает женщинам-мигрантам с маленькими детьми, оставшимся без поддержки со стороны мужчины, а также без жилья и работы. Согласно российскому Закону «О гражданстве»,

¹ Политический бомонд Киргизии преподнес очередной сюрприз гражданам страны // <http://news.tj/ru/news/tajikistan/20070105/politicheskii-bomond-kirgizii-prepodnes-ocherednoi-syurpriz-grazhdanam-strany>

² Население Киргизии // <https://ru.wikipedia.org/wiki>

³ Граждане Кыргызстана имеют ряд преимуществ по сравнению с мигрантами из соседних стран. Кыргызстан входит в Европейский экономический союз, созданный в 2014 г. Это дает им преференции при устройстве на работу в странах – членах ЕЭС: кыргызстанцы не должны получать патент для работы на территории РФ.

ребенок, родившийся на территории РФ у иностранных граждан, а государство его родителей не предоставляет ребенку гражданство, становится гражданином РФ. Для молодой матери это шанс остаться в России навсегда, но получить все права чрезвычайно трудно. Хорошо, если мать находится на территории РФ легально... На самом деле число брошенных детей только киргизками и только в Москве измеряется десятками ежегодно¹, а число отправленных на родину – пока единицами.

По данным Всемирного банка, Киргизия занимает первое место в мире по объему переводов на родину денег от мигрантов. За 11 месяцев 2018 г. приток денежных переводов в республику составил 2,48 млрд долл. Из этих денег 2,44 млрд долл. перевели из России².

Туркменистан

В июне 2018 г. в семейный кодекс республики была внесена статья, запрещающая многоженство. В новом варианте нормативного документа в ст. 7 присутствует фраза «В Туркменистане не допускается многоженство». В Уголовном кодексе республики (принят в 1997 г.) есть ст. 163, согласно которой за «сожитительство с двумя или несколькими женщинами при совместном ведении общего хозяйства» предусмотрен штраф в размере до 30 среднемесячных размеров оплаты труда, или два года исправительных работ.

Примеров многоженства в Туркмении – тысячи, хотя еще в 1928 г. многоженство отнесли к «бытовым преступлениям». Было принято специальное постановление, в соответствии с которым многоженство и выплата калыма были отнесены к «пережиткам». Считается, что в 1930–1940 гг. многоженство было ликвидировано, хотя в отдаленных районах сохранились полигамные семьи.

Сегодня в независимом Туркменистане исламские традиции возрождаются, как считают некоторые специалисты, благодаря

¹ Шансов найти семью у брошенных детей немного: в 2011 г. из 82 117 брошенных в России было усыновлено лишь 7400. См.: *Алехина Ю.* Россия превращается в роддом для гастарбайтеров // [https://www.kp.ru/daily/25931/2880227/...](https://www.kp.ru/daily/25931/2880227/)

² Инфографика: что будет с Кыргызстаном, если все трудовые мигранты вернутся на родину 01.02.2019 // https://kaktus.media/doc/386099_infografika:_chto_bydet_s_kyrgyzstanom_esli_vse_trydovye_migranty_vernysia_na_rodiny.html

проникшим в страну европейским ценностям, которые «позволили смелее экспериментировать с моделями семейной жизни»¹. На самом деле причиной сохранения полигамного брака стала нехватка мужчин, в том числе гибнувших из-за наркотиков. Второй причиной является стремление родителей устроить будущее своих дочерей или разведенных женщин и вдов, желающих обрести кормильца.

Общественные опросы свидетельствуют, что многие разведенные женщины согласны на роль второй жены, ибо таким образом они обретают статус и защиту. Но в этом случае они могут рассчитывать только на религиозный брак (*никях*). Туркменистанский публицист Эсен Аман пишет по этому поводу: «Несмотря на запреты и негативное восприятие со стороны части общества, многоженство существует и становится довольно распространенным явлением, в связи с чем может быть будет разумным легализовать или, точнее, узаконить существующую ситуацию? Пусть это незначительный и не единственный шаг, необходимый для спасения генофонда туркменской нации, но это путь, указанный природой, и отказываться от него не имеет смысла»². Стало традицией при общественном осуждении кого-либо из туркменских чиновников обязательно упомянуть о том, что у него не одна жена. Одновременно в республике растет число разводов. В последние годы одной из причин разводов, инициированных женщинами, стала наркомания мужчин.

Казахстан

Несколько иная ситуация с многоженством сложилась в Казахстане: здесь на одного холостого мужчину приходится восемь женщин (!)³. Женщины республики более эмансипированы по сравнению с жительницами соседних стран, поэтому при обсу-

¹ В Туркменистане запретили многоженство, узаконив его определение 19.06.2018 // <http://argumentua.com/novosti/v-turkmenistane-zapretili-mnogozhenstvo-uzakoniv-ego-opredelenie>

² Аман Э. Многоженство в Туркменистане. 28.11.2006 // <http://www.centrasia.ru/newsA.php?st=1164794640>

³ Иванилова А. Многоженство – одна из любимейших тем в Казахстане // <http://mk-kz.kz/articles/2017/01/18/mnogozhenstvo-odna-iz-lyubimeyshikh-tem-v-kazakhstan.html> / В парламент было внесено предложение признать однополые браки, а в паспортные данные ввести графу о третьем поле. Узаконить многоженство в Казахстане. 1.04.2019 // <https://zonakz.net/2019/04/01/uzakonit-mnogozhenstvo-v-kazakhstan-predlagayut-deputaty/>

дении проблемы брака и семьи на первый план выдвигается вопрос о разводах. Рост их числа объясняется как раз тем, что казашки отличаются более независимым характером. В парламенте республики проблема разводов и полигамии обсуждалась неоднократно, но законодатели так и не пришли к единому мнению. Отмечалось, что разрешение полигамных браков существенно уменьшило бы число разводов, способствовало бы сокращению числа незамужних женщин, росту рождаемости, уменьшению числа брошенных детей и аборт, поскольку создание подобной семьи обычно происходит более обдуманно. Однако в случае принятия закона, разрешающего полигамию, очевидно, что международные правовые организации осудят это решение и «имидж Казахстана упадет в глазах наших зарубежных партнеров, особенно Европы»¹.

Тем не менее в 1998 г. была отменена уголовная ответственность за многоженство. В 2001, 2007, 2008 гг. в парламенте страны вновь поднимался вопрос легализации полигамии. На самом деле многоженство присутствует даже в самых верхних (!) эшелонах власти². Все попытки отдельных депутатов узаконить наличие токал (младших жен) сталкивается с сопротивлением женской части населения и блокируется на уровне парламента.

В апреле 2019 г. с призывом узаконить многоженство выступила правозащитная коалиция «Семь Я – Казахстан». Как отмечают ряд казахстанских экспертов, в пользу многоженства говорит и демографическая ситуация в стране. На 1 января 2019 г. в республике проживали 18 396 тыс. человек. Численность женщин превышает численность мужчин почти на 600 тыс. человек³.

¹ *Иванилова А.* Многоженство – одна из любимейших тем в Казахстане // <http://mk-kz.kz/articles/2017/01/18/mnogozhenstvo-odna-iz-lyubimeyshikh-tem-v-kazakhstan.html>

² В частных беседах казахстанские журналисты рассказывают, что некоторые чиновники и бизнесмены, перебравшиеся на работу в новую столицу Астану (ныне Нурсултан. – *Авт.*), не обременяя себя перевозом семьи, заводят на новом месте молодую жену, которая должна больше соответствовать новому статусу чиновника. Не последнюю роль играет и надежда на рождение сына. Возникла поговорка: в Алма-Ате – байбише, в Астане – токал. В Алма-Ате старшая жена, в Астане – младшая.

³ В Казахстане на каждые восемь женщин приходится по одному мужчине 04.03.2019 // <https://factcheck.kz/glavnoe-en/lozh-v-kazaxstane-na-kazhdye-8-zhen-shhin-prixoditsya-po-odnomu-muzhchine/>

Информационно-аналитический портал Quorum.kz провел опрос, который показал, что большинство казахстанцев (41%) согласны с предложением узаконить в Казахстане институт полигамии, так как это сократило бы число одиноких женщин в стране. 11% опрошенных не видят в этом смысла, ибо подобная практика существует de-facto. 26% проголосовавших высказались против и 22% – не определились¹.

Азербайджан

В законодательстве Азербайджана нет запрета на многоженство. Однако 1.09.2000 г. было отменено наказание за многоженство. СМИ регулярно сообщают о случаях тайного многоженства. Здесь, так же как и в других республиках с мусульманским населением, «Кебин кесмек» – очередной брак – оформляется в мечети. По закону религиозные браки не имеют юридической силы и не создают между сторонами ни имущественного, ни наследственного обязательства, что в свою очередь является основой лишения прав женщины в случае развода. Таким образом, разведенные женщины, чей брак не был зарегистрирован в государственных органах, не могут рассчитывать на материальную поддержку от бывшего мужа.

Дискуссия вокруг полигамии выявила разные точки зрения.

Глава проиранской Исламской партии Азербайджана (ИПА) Г. Нуриев – сторонник узаконивания полигамии. Депутат азербайджанского парламента Рамиз Ахмедов с ним не согласен; по его мнению, «древний мусульманский обычай многоженства сегодня неприемлем». Такого же мнения придерживается консультант женского кризисного центра Т. Гасанова, которая считает, что узаконивание полигамии разрушит основы азербайджанской семьи. «Этого нельзя допустить, поскольку если мужчине разрешать брать несколько жен, то это ущемит права женщин, которые и без того страдают от ярко выраженного патриархизма азербайджанского общества»².

¹ Многоженство стало в Казахстане символом престижа. 3.10.2012 // https://www.inform.kz/ru/mnogozhenstvo-stalo-v-kazahstane-simvolom-prestizha_a2502266

² Рауфоглу А. В Азербайджане растет число случаев и сторонников многоженства. 4.06.2005 // <https://news.day.az/society/26085.html>

В основном многоженство практикуется в южных районах, граничащих с Ираном. Гасанова отмечает, что «если раньше обществу очень негативно относилось к таким случаям, то сейчас в регионах, откуда молодые парни эмигрируют в Россию, Турцию и другие страны в поисках работы, растет число потенциальных “старых дев”. Поэтому женщины готовы на все унижения, лишь бы не терять семью и руку, дающую ей еду. И соседи, и родственники таких людей, зная общую ситуацию, стараются “с пониманием” относиться к ним и уже не возражают!»! Естественно, что под влиянием Ирана религиозные деятели на юге страны поддерживают подобные браки¹. Любопытно, что опрос населения выявил, что мужчины поддерживают многоженство, женщины в своем большинстве выступают против².

Сегодня Азербайджан – это самодостаточное государство, основанное на национальных корнях, одновременно светское, многонациональное, многоконфессиональное. Страна динамично развивается. На ее территории проживают более 70 разных национальностей, сохраняющих свои традиции и обычаи. Однако, как отмечают представители общественности, от некоторых обычаев следует отказаться, ибо они не отвечают современным вызовам.

Если раньше основной проблемой семейно-брачной сферы были ранние браки, то сегодня речь идет о полигамных браках. Требуется принять меры для того, чтобы дети от вторых и третьих жен не были поражены в правах. В последние десять лет число детей, родившихся от незарегистрированных жен, возросло в 4 раза. В сельских районах снизился уровень образования и усилилась религиозная пропаганда, а мировоззрение людей поменялось. Если оставить все как есть и не обращать внимания на полигамные браки, то их число может увеличиться.

Российская Федерация

Согласно ст. 14 российского Семейного кодекса, в браке одновременно могут состоять только одна женщина и только один

¹ Рауфоглу А. В Азербайджане растет число случаев и сторонников многоженства. 4.06.2005 // <https://news.day.az/society/26085.html>

² В Азербайджане мужчины поддерживают многоженство, женщины против. 14.09.2018 // <https://aze.az/v-azerbaydzhane-muzhchini-podderzhivayut-mnogozhyonstvo-zhenshini.html>

мужчина. Аналогичные законодательные нормы присутствуют в законодательствах Украины, Белоруссии и Молдавии.

Неофициальные полигамные союзы не редкость среди мусульман, живущих в славянских республиках, а также в республиках Северного Кавказа, где большинство населения исповедует ислам. В середине 1990-х годов Руслан Аушев, президент Ингушетии, попытался узаконить эту практику и разрешил многоженство (тогда речь шла о второй жене). Но затем это решение было отменено президентом Б. Ельциным. В 1999 г. Р. Аушев еще раз принял попытку разрешить мужчинам заключать до четырех браков, но Верховный суд Ингушетии отменил и этот закон как неконституционный. Позднее, в 2006 г., лидер Чечни Рамзан Кадыров поднимал этот вопрос, ссылаясь на традиции чеченского народа и ситуацию гендерного дисбаланса, возникшего в результате двух войн. Сегодня полигамия в республике неофициально поощряется властями.

Еще с середины прошлого века в России наблюдается нарушение брачного пула, т.е. соответствие количества женихов и невест, а также увеличение числа одиноких женщин с детьми и без них. Поэтому в ряде районов России, где велико число мусульман, обращение к социокультурным нормам, характерным для мусульманского социума, т.е. к полигамной семье, имеет место. Этому способствует также то, что в мусульманской среде незамужняя женщина не является полноправным членом общества до тех пор, пока не выйдет замуж и не родит ребенка.

В мае 2015 г. уже муфтий Москвы Илдар Аляутдинов поднял этот вопрос. Он отметил, что в столице увеличилось число брачных церемоний среди мусульман. Религиозные деятели отмечали, что они не могут осуждать такого рода браки, так как возможность иметь четыре жены для верующего мусульманина зафиксирована в Коране.

Дискуссия о легализации многоженства имела место и в Татарстане. В Духовном управлении мусульман Татарстана с 2015 г. ввели правило выдавать свидетельство о религиозном браке, а также фиксировать факт его совершения в электронной базе. Характерно, что опрос посетителей сайта kazan.aif выявил, что 85% опрошенных относятся к многоженству отрицательно, 15% заявили, что это «зависит от жизненной ситуации». Никто из опрошенных предложение разрешить многоженство не поддер-

жал¹. Во время встречи с иностранными журналистами Рустам Минниханов, президент РТ, на вопрос о многоженстве в Татарстане ответил: «...втихаря, конечно, есть...»². Это высказывание свидетельствует о достаточно терпимом отношении властей к полигамным бракам. Понимание ситуации демонстрирует и высказывание Э. Мурзина, депутата Госсовета Республики Башкирии: «У нас нормальных мужиков-то мало, на всех дам не хватает. Оттого и рождаемость низкая – без мужа мало кто отважится ребенка растить»³. Действительно, отношение властей к полигамии напрямую связано с рождаемостью в Российской Федерации.

Так, численность населения Татарстана – 3 894 284 (2018) – по сравнению с 1959 г. увеличилась на 1 млн⁴, индекс рождаемости равен 2,7 на 1000 человек. Но на современные демографические процессы значительное влияние начинают оказывать последствия низкого уровня рождаемости, характерные для 1990-х годов⁵. Подобная ситуация существует и в других районах РФ.

Немецкая независимая неправительственная организация фонд Генриха Бёлля (Heinrich-Böll-Stiftung) провела опрос на Северном Кавказе, в результате которого было зафиксировано, что наибольшее число моногамных браков в Ингушетии (95%), в Дагестане (94), в Кабардино-Балкарии (91), в Чечне (84%). В ходе опроса выяснилось, что наибольший процент полигамных браков присутствует в возрастной группе женщин от 17 до 30 лет (36%). Как правило, эти женщины имеют низкий уровень образования⁶. Исследователи отмечают значение Алата (обычного права) в Чечне. По этим нормам дети принадлежат семье мужа. В случае если муж умирает или разводится с матерью своих детей, дети остаются в семье мужа. Поэтому многие женщины не настаивают на разводе

¹ Ахунов А. Многоженство в Татарстане // <http://www.muslim-info.com/mnogozhenstvo-v-tatarstane.html>

² Чернобровкина Е. Есть ли многоженство в Татарстане // <http://www.ansar.ru/person/est-li-mnogozhenstvo-v-tatarstane-otvechaet-prezident> 14.03.2011.

³ Борисова О. Приехал ты такой в Чечню. А там многоженство... // https://www.bbc.com/russian/society/2015/05/150519_tr_russia_polygamy_discussion

⁴ Население Татарстана // https://ru.wikipedia.org/wiki/Население_Татарстана

⁵ Региональные аспекты рождаемости (на примере Татарстана) // <http://euroasia-science.ru/sociologicheskie-nauki/regionalnye-aspekty-rozhdaemosti-na-primere-respubliki-tatarstan/>

⁶ Между законом и адатом: Женщины на Северном Кавказе остались практически без защиты. 15.08.2015 // <https://femunity.livejournal.com/500548.html>

и не возражают против второго / третьего брака своего супруга, при условии, что она остается в семье при своих детях.

Складывается впечатление, что для ликвидации «демографической ямы» власти закрывают глаза на многочисленные факты многоженства в мусульманских районах, в надежде, что рождаемость повысится, в том числе и за счет полигамных браков.

* * *

Рассматривая предпосылки для распространения полигамии, следует отметить, что сегодня это, прежде всего, численное превосходство женщин над мужчинами.

Несмотря на то что в большинстве государств полигамия под запретом, такие брачные союзы признаются в полусотне стран. В ряде случаев – как правило, в полиэтнических и поликонфессиональных обществах – этот вопрос отнесен к ведению властей провинций.

Существует и около дюжины стран мира, где полигамные браки не разрешено регистрировать, однако уже заключенные признаются и не преследуются. Кроме того, иногда полигамия находится в положении юридически допустимого, но нежелательного явления¹.

Практически во всех европейских странах сложилась парадоксальная ситуация: при запрете полигамных браков их число растет, прежде всего, за счет увеличения числа иммигрантов, которые приезжают с женами, браки с которыми были заключены в других странах.

Статья предоставлена автором для публикации в бюллетене «Россия и мусульманский мир»

¹ Правовой статус полигамных браков в странах мира. 28.06.2011 // <https://talgat-irisbaev.livejournal.com/2093.html>

Ниязи А. Ш. ,

кандидат исторических наук,
старший научный сотрудник
Центра изучения Центральной Азии,
Кавказа и Урало-Поволжья
(Институт востоковедения РАН)

**ОСНОВОПОЛОЖНИК ИСТОРИЧЕСКОЙ
ГЕОГРАФИИ СРЕДНЕЙ АЗИИ.**

К 150-ЛЕТИЮ АКАДЕМИКА В.В. БАРТОЛЬДА

DOI: 10.31249/gimm/2019.03.04

Аннотация. В статье проводится анализ основных историко-географических работ академика В.В. Бартольда по Средней Азии, которые в целом рассматриваются как единое комплексное исследование многовекового взаимодействия общества и природы в регионе и отчасти примыкающих к нему территориях.

Ключевые слова: академик В.В. Бартольд; историческая география; российское и советское востоковедение; теория усыхания Средней Азии; Аральское море; Каспийское море; Амударья; Средняя Азия; Туркестан; ирригация.

3 ноября 2019 г. исполняется 150 лет со дня рождения выдающегося российского и советского востоковеда Василия Владимировича Бартольда (1869–1930). Прекрасное знание арабского, персидского, тюркских языков, истории и культуры мусульманского мира, народов, его населяющих, послужило основой для многочисленных фундаментальных исследований ученого в различных областях востоковедения. Он много путешествовал по Востоку, принимал участие в научных экспедициях, археологических раскопках, собирал рукописи и предания, что обогащало кропотливую кабинетную работу. В научный оборот им было введено большое количество ранее не использованных источников, а известные тщательно перепроверялись, дабы отличить реальные факты от вымыслов и необоснованных интерпретаций. В 1963 г. начало издаваться богатое научное наследие В.В. Бартольда в 9 томах¹. Насколько оно обширно, можно судить по их названиям:

¹ Бартольд В.В. Собрание сочинений: в 9 т. Издательство восточной литературы. – М., 1963–1977.

I том (1963) «Туркестан в эпоху монгольского нашествия»; II том (1963) «Общие работы по истории Средней Азии. Работы по истории Кавказа и Восточной Европы»; III том (1965) «Работы по исторической географии»; IV том (1966) «Работы по археологии, нумизматике, эпиграфике и этнографии»; V том (1968) «Работы по истории и филологии тюркских и монгольских народов»; VI том (1966) «Работы по истории ислама и Арабского халифата»; VII том (1971) «Работы по исторической географии и истории Ирана»; VIII том (1973) «Работы по источниковедению»; IX том (1977) «Работы по истории востоковедения».

За годы научной деятельности благодаря незаурядной эрудиции, блестящему таланту и необыкновенной работоспособности В.В. Бартольд опубликовал свыше 400 научных работ. В собрание сочинений в 9 томах вошли около 300 работ – монографии, статьи, рецензии, заметки, а также более 200 статей, написанных автором для «Энциклопедии ислама»¹. Многогранное творчество ученого отразилось в областях истории ислама, Средней Азии, Ирана, Арабского халифата, востоковедения и архивного дела, а также областях филологии, культурологии, археологии и этнографии, источниковедения. Он много работал над изучением восточных рукописей, в основном арабских авторов, писавших о древних славянах.

Отдельно Василия Владимировича интересовала историческая география – дисциплина сравнительно новая в российской науке того времени. В ее рамках им были подготовлены монографии «Сведения об Аральском море и низовьях Аму-Дарьи с древнейших времен до XVII века» (1902), «К истории орошения Туркестана» (1915), «Историко-географический обзор Ирана» (1903),

¹ «Энциклопедия ислама» – международная академическая энциклопедия, подготовка которой была начата по решению Международного союза академий в 1900 г. Первое издание в 4 томах вышло в Лейдене (1913–1936) на английском, немецком и французском языках. В 1938 г. был опубликован еще один том с дополнениями и замечаниями. Энциклопедия включает в себя статьи о странах, народах и династиях мусульманского мира VII–XX вв., исламских науках и культуре, религиозных и политических течениях, географии, этнографии и многом другом. От России, а затем СССР в ее написании принимали участие академики В.В. Бартольд, Е.Э. Бертельс, И.Ю. Крачковский, А.Н. Самойлович, А.Ю. Якубовский.

M. Th. Houtsma et al., eds. The Encyclopædia of Islam: A Dictionary of the Geography, Ethnography and Biography of the Muhammadan Peoples, 4 vols. and Suppl., Leiden: Late E.J. Brill and London: Luzac, 1913–1938.

а также многочисленные статьи для «Энциклопедии ислама»¹. Историко-географическая методология применялась автором во многих археологических статьях. С целью выверенности географических данных, физических и культурных ландшафтов прошлых эпох ученый обращался к массе письменных исторических памятников и разного рода документам арабских, иранских и местных авторов, а также греческим, китайским и русским источникам. Это были литературные произведения, исторические хроники, записки географов, путешественников, купцов, хозяйственные распоряжения, постановления шариата, вакуфные документы и пр.

В 2002 г. в серии «Классики отечественного востоковедения» вышла книга «В.В. Бартольд. Работы по исторической географии»². В ней собраны основные монографии, статьи, рецензии и заметки автора, посвященные исторической географии Средней Азии. В целом эти публикации представляют единое комплексное исследование многовекового взаимодействия общества и природы в рассматриваемом регионе и отчасти примыкающих к нему территориях. Проведенное на стыке смежных наук – географии, истории, лингвистики, археологии, топонимики, ономастики, этнографии, антропологии и других, оно является фундаментальным трудом по исторической географии Средней Азии. В своих исследованиях региона В.В. Бартольд намного опередил западноевропейское востоковедение, которое впоследствии во многом вынуждено было опираться на них. Российский академик показал, что уже в то время заниматься историко-географическим изучением Средней Азии без опоры на русскую востоковедную литературу – дело малопродуктивное. Даже еще раньше игнорирование знаний русских исследователей оставляло заметные бреши в зарубежной науке о Востоке. В предисловии к немецкому изданию³ монографии «Сведения об Аральском море и низовьях Аму-Дарьи с древнейших времен до XVII века» ученый отмечал: «Отдельные арабские карты были использованы европейцами уже в Средневековье; отдельные труды арабских географов появились уже в XVII в.

¹ Для «Энциклопедии ислама» В.В. Бартольдом было написано 246 статей, почти половина из них – по истории и исторической географии Средней Азии.

² *Бартольд В.В. Работы по исторической географии* / В.В. Бартольд; [Подгот. к изд. О.Г. Большаковым; Отв. ред. А.М. Беленицкий]. – [Перепеч. с изд. 1965 г.]. – М.: Вост. лит., 2002. – 711 с. – (КОВ: Классики отеч. востоковедения: Осн. в 2001 г.).

³ *Bartol'd, V.V. Nachrichten über den Aral-See und den unteren Lauf des Amu-darja von den ältesten Zeiten bis zum XVII.* – Leipzig (Otto Wigand), 1910.

в латинском переводе; все же подробные и точные сообщения арабов о Каспийском и Аральском морях, об Оксе (Аму-Дарье. – *А.Н.*) и Яксарте (Сыр-Дарье. – *А.Н.*) не оказали никакого влияния на европейскую науку. То, что Западная Европа могла бы узнать от арабов еще 800 лет назад, она узнала лишь в XVIII в. от русских. Исправление прежних взглядов на Окс, Яксарт и Каспийское море принадлежит к первым достижениям русских исследований, заимствованным западноевропейской наукой»¹.

Научная работа В.В. Бартольда об Аральском море и низовьях Амударьи была издана в 1902 г. в Ташкенте в связи с комплексным изучением Арала, предпринятым Туркестанским отделом Императорского Русского географического общества². В 1910 г. книга вышла на немецком языке в Лейдене и привлекла большое внимание зарубежных специалистов. Используя солидный пласт письменных источников, автору удалось представить читателю живую картину многовекового взаимодействия цивилизаций, движения народов и племен, расцвета и упадка империй, государств, культурных ареалов и городов во взаимосвязи с природно-климатическими условиями региона. Более того, ученый убедительно доказал факт впадения вод Амударьи в отдельный период Средневековья в Каспийское море через Сарыкамышское озеро и древнее русло Узбоя. Тем самым он опроверг мнение геологов и географов, а также известного голландского востоковеда Михаэля Яна де Гуге в том, что такого быть не могло. Как показано в работе, река, ее рукава и протоки в дельте часто меняли свои направления, уходили в пески и вновь появлялись, нередко под воздействием людей, возводивших ирригационные системы, или, напротив, разрушавших плотины с целью победы над врагом.

Академик Бартольд считал, что Амударья могла впадать в Каспий в период с XIII до XVI в. В последующем тщательные археологические и географические исследования в низовьях реки и районах Сарыкамышы и Узбоя, проведенные Хорезмской экспедицией в 1950-х годах, внесли свои коррективы. Выяснилось, что сток вод Амударьи в Каспийское море был менее объемным

¹ Предисловие к немецкому изданию // *Бартольд В.В. Работы по исторической географии.* – С. 16.

² Отчасти исследование низовий Амударьи было связано с несостоявшимся грандиозным проектом по направлению реки в Каспийское море с целью создания непрерывного водного пути от границ Афганистана в Европейскую часть России.

и более кратковременным (несколько десятилетий в конце XIV – начале XV в.), чем предполагал В.В. Бартольд, но в целом современными методами и средствами науки факт был подтвержден¹. Таким образом, выводы ученого, основанные на анализе письменных источников, в самом главном выдержали проверку временем. Он доказал, что историческая наука может быть таким же сильным инструментом в изучении географии, как и естественные науки, а иногда одерживать победу, как это произошло в его споре с геологами и географами (В.В. Бартольд называл их натуралистами) по амударьинскому вопросу².

Другая историко-географическая монография академика Бартольда «К истории орошения Туркестана» была подготовлена им по просьбе Главного управления землеустройства и земледелия Российской империи. В предисловии к ней исследователь писал: «Как известно, русские завоеватели застали в крае многовековую земледельческую культуру, основанную на искусственном орошении, которая не могла не возбудить интереса как среди ориенталистов и археологов, так и среди людей практического дела. В этой области, может быть, живее, чем в других, чувствовалась тесная связь между изучением прошлого края и работой для его будущего; при обсуждении проектов оросительных работ неоднократно возбуждались вопросы, касавшиеся культурного прошлого тех же местностей; тем не менее труды русских ориенталистов и археологов об историческом прошлом Туркестана и памятниках этого

¹ Современные исследования показали, что в течение неолита вода из Сарыкамышского озера, куда впадала Амударья, через Узбой стекала в Каспий; на рубеже III и II тысячелетий до н.э. произошел прорыв вод Амударьи на север в Аральское море. Поступление воды в Сарыкамыш сократилось, к середине I тысячелетия до н.э. Узбой окончательно пересох, а вскоре вода Амударьи перестала доходить и до Сарыкамыш. Причиной этого в значительной мере было создание обширной ирригационной системы, изменившей водный режим дельты.

Низовья Амударьи, Сарыкамыш, Узбой: История формирования и заселения / [Ред. С.П. Толстов и А.С. Кесь]. – М.: Изд-во Акад. наук СССР, 1960. – (Материалы Хорезмской экспедиции / Акад. наук СССР. Ин-т этнографии им. Н.Н. Миклухо-Маклая. Ин-т географии. Под общ. ред. С.П. Толстова; Вып. 3). С. 23–25, 29–31.

² В.В. Бартольд отмечал: «...Не будет слишком смелым утверждать: судьбы проблемы Окса могут служить доказательством того, что научное познание иногда может быть больше продвинуто методами исторического исследования, которые столь часто подвергают сомнению, чем якобы безошибочными методами так называемых точных наук». Предисловие к немецкому изданию // *Бартольд В.В. Работы по исторической географии.* – С. 20.

прошлого имели крайне ограниченный круг читателей и, за немногими исключениями, не становились известными специалистам по физической географии и гидротехнике. Даже выдающимися представителями географической науки высказывались предположения, не соответствовавшие точно установленным историческим данным, возбуждались вопросы, в действительности уже решенные исторической наукой; были даже случаи, что авторы трудов по гидротехнике упрекали русских ориенталистов за равнодушие к историческим памятникам, о которых в действительности уже имелись на русском языке подробные исследования¹.

В связи с этим В.В. Бартольд был подготовлен фундаментальный труд, обобщивший все доступные на то время сведения по вопросам орошения Средней Азии в древности и Средние века. Без него невозможно обойтись и современным исследователям, изучающим хозяйственную жизнь среднеазиатских народов, историю древней и средневековой ирригации в регионе.

Помимо монографий, посвященных комплексному исследованию Амударьи, Аральского моря и проблемам орошения Туркестана, в сборник работ академика Бартольда по физической географии вошли 111 статей из «Энциклопедии ислама», наиболее важные рецензии, статьи и заметки по актуальным проблемам русского освоения Средней Азии. Все из них имеют непреходящее значение для тех, кто интересуется историей, хозяйственной и духовной культурой, природой этого края.

Важно, что исследования Василия Владимировича доказали несостоятельность популярной в его время теории постепенного усыхания Средней Азии. Ее сторонники утверждали, что регион иссушается в течение тысячелетий, обмеление рек и озер, сокращение плодородных земель не остановить. Исчезновение некогда культурных площадей и караванных путей, покинутые когда-то процветавшие города, массовое перемещение племен и народов – результат прогрессирующей деградации природно-климатических условий региона. Не войны и политические процессы явились причиной опустошения земель, а наоборот, деградация природной среды являлась их порождением. Усыхание не остановить и, следовательно, присоединение среднеазиатских территорий к России, вложение огромных ресурсов в их экономическое и культурное развитие – дело бессмысленное и бесперспективное.

¹ К истории орошения Туркестана. Предисловие // *Бартольд В.В. Работы по исторической географии.* – С. 97.

Академик Бартольд на основании множества арабских источников аргументировал обратное и пришел к выводу, что соотношение между землями, пригодными для обработки, и пустыней в Персии и Средней Азии еще 1000 лет назад было примерно тем же, что и к началу XX в.

Ошибочность теории усыхания подтвердил современник В.В. Бартольда авторитетный исследователь Средней Азии академик Лев Семенович Берг. На основании убедительных физико-географических данных он доказал, что в историческую эпоху климат Туркестана не претерпел сколько-нибудь значительных изменений. Ученый отмечал, что водное хозяйство Туркестана урегулировано природой так, что постоянного хронического дефицита воды там нет, а убыль воды в одном пункте пополняется излишками в другом. Оба академика, опираясь на разные направления науки, пришли к выводу, что деградация культурных территорий, исчезновение древних городов и торговых путей в первую очередь объясняются изменением русел рек, их притоков и рукавов (так называемым блужданием рек), разбором воды для ирригации, разрушительными войнами, в результате которых уничтожались плотины и оросительные каналы, гибла или угонялась в рабство значительная часть населения.

Насколько существенно влияли набеги кочевников и местные опустошительные войны на изменение водных артерий, видно на примере Амударьи. Разрушение ирригационной системы Хорезма во время монгольского нашествия привело к тому, что часть воды Амударьи вновь начала впадать в Сарыкамыш, уровень воды в нем поднялся до 50 м над уровнем моря, но недостаточно для того, чтобы образовался сток по Узбою в Каспийское море. Затем уровень воды в озере постепенно снижался. В конце XIV в., после разгрома Хорезма Тимуром, произошел новый прорыв Амударьи, в результате которого вода в Сарыкамыше достигла наивысшего за историческое время уровня – не менее 53–54 м над уровнем моря. Вода начала переливаться в Узбой¹. Соответственно, она могла достигать Каспия, о чем свидетельствуют письменные источники, на которые опирался В.В. Бартольд.

Работы Василия Владимировича – это не только взгляд в прошлое, они проецируются на современность, убеждают в повторяемости закономерностей в отношениях общества и природы. Его исследования показывают, что создавать и беречь обширные

¹ Низовья Амударьи, Сарыкамыш, Узбой. – С. 29–31.

и эффективные ирригационные системы было под силу мощным государствам. Резюмируя изученный им обширный материал, он писал: «Объединение государства достигалось крайне жестокими средствами; все же те периоды, когда удавалось достигнуть этой цели, были лучшим временем в жизни страны. В области ирригации только в такое время могли производиться обширные работы, важные для населения всей местности, пользовавшейся водой той или другой реки или того или другого магистрального канала; в периоды смут каждый султан или бек, естественно, заботился только о процветании своей “столицы” и своей небольшой области, иногда насильственно переселяя туда жителей соседних местностей; воздвигавшиеся ими плотины могли только приводить к расстройству общей оросительной системы. Такие периоды всегда заставляли население с сожалением вспоминать о могущественных правителях. Несмотря на массовые избиения, производившиеся при Тимуре или Абдулле бухарском (во второй половине XVI в.), в Туркестане до сих пор живет память об этих правителях как о благодетелях народа, везде старавшихся восстановить благосостояние местностей, пришедших в упадок»¹. Аналогия с советским и постсоветским опытом среднеазиатских республик напрашивается сама собой.

*Статья предоставлена автором для публикации
в бюллетене «Россия и мусульманский мир»*

¹ К истории орошения Туркестана // Бартольд В.В. Работы по исторической географии. – С. 110–111.

ИСЛАМ В СТРАНАХ ДАЛЬНОГО ЗАРУБЕЖЬЯ

Сченснович В. Н.,
научный сотрудник, ИНИОН РАН
ИРАН: ВНЕШНЯЯ ПОЛИТИКА
(Аналитический обзор)

DOI: 10.31249/gimm/2019.03.05

Аннотация. В XX в. традиционным в Азии стало появление «тройственных союзов» с участием Ирана. На внешнюю политику ИРИ существенное влияние оказали исламизация, геополитизация и глобализация. Исламская составляющая принципа «ни Запад, ни Восток» реализовалась в политике «третьего пути» Ирана как альтернативы союзам под флагом одной из сверхдержав. Для современного мира важное значение имеет стратегическое партнерство Ирана и России в сфере международной и национальной безопасности. Сотрудничество наших стран в Сирии рассматривается исследователями как фактор укрепления мира и безопасности в Ближневосточном регионе.

Ключевые слова: «тройственные союзы»; «треугольник РИК»; Иран; Ирак; Саудовская Аравия; Индия; Китай; Россия; Сирия; США; терроризм; сотрудничество и стратегическое партнерство РФ и ИРИ; «мягкая сила»; «гибридные войны»; безопасность; стратегическая стабильность.

Введение

В Азии традиционно выделяются «центры силы», или государства, отношения между которыми определяют баланс сил в том или ином регионе. На Среднем Востоке такие центры силы, как Ирак (до 2003 г.), Саудовская Аравия и Иран, образуют стратегический треугольник Ирак – Иран – Саудовская Аравия. В 1990-е годы американскому проекту монополярной глобализации был

противопоставлен проект многополярного мира. Это послужило росту популярности идей по созданию региональных союзов (евразийского, исламского и др.).

Формирование внешней политики ИРИ в начале XXI в. происходило под влиянием исламизации, геополитизации и глобализации. Исламская составляющая принципа «ни Запад, ни Восток» реализовалась в политике «третьего пути» Ирана как альтернативы союзам под флагом одной из сверхдержав. В дипломатии ИРИ это нашло отражение в поиске форматов равного сотрудничества при решении региональных проблем.

«Треугольные альянсы» с участием Ирана

По наблюдению доктора исторических наук, профессора В. Юртаева [6], шахский Иран (до 1979 г.) активно продвигался в Индийском океане вплоть до ЮАР и на глобально-региональном уровне был призван выполнять роль центрального игрока в стратегическом треугольнике – обеспечения безопасности Индийского океана (оставшемся на бумаге: Австралия – Иран – ЮАР). Шахский Иран, совместно с ведущими странами региона, должен был бы обеспечивать развитие, безопасность и оборону стран бассейна Индийского океана как «безъядерной зоны» и в рамках планировавшегося «общего рынка» прибрежных государств Азии, Африки и Океании. Одновременно Иран в системе международных отношений биполярного мира рассматривался США в качестве «жандарма Среднего Востока». Победившая в 1979 г. Исламская революция не изменила озабоченности Ирана (и США) по обеспечению региональной стабильности в целях гарантий поставок нефти, но изменила роли игроков. Поэтому стремление США иметь Иран гегемоном в Персидском заливе исчезло вместе с шахом.

Таким образом, треугольные альянсы с участием Ирана в XX в. инициировались, как правило, на глобальном уровне лидерами биполярного мира, прежде всего США. Исследователь отмечает, что традиционно в фокусе внимания оказывались их геополитическая, т.е. конфликтная, составляющая и направленность. Подобный акцент наблюдался и в других форматах международных отношений – между двумя соседними государствами (Северная и Южная Кореи, Индия – Пакистан, Иран – Ирак и др.), в региональных спорах (на Ближнем Востоке и др.).

В ходе визита 1998 г. в Индию Е.М. Примаков выступил с инициативой формирования «треугольника РИК» (Россия –

Индия – Китай). Треугольник РИК расценивался западными экспертами прежде всего как противовес США и западному влиянию или как стратегическое партнерство против НАТО и радикального ислама, которое могло стать причиной новой холодной войны. Руководители стран группы РИК, наоборот, подчеркивали сходство между Россией, Китаем и Индией, призывая к координации и сотрудничеству во имя укрепления международного мира и безопасности. Ключевое отличие «треугольника Примакова» состоит в его направленности на взаимодействие стран-участниц как равных партнеров.

Победа Иранской революции в феврале 1979 г. означала для США коллапс регионального стратегического баланса. Иран оказался в эпицентре воздействия со стороны США. Вместе с тем после 2001 г. на фоне актуализации проблемы международного терроризма все более заметной стала геополитическая окрашенность внешней политики США и глобализация внешней политики Ирана, Саудовской Аравии и Турции. Геополитизация иранской внешней политики, основные характеристики которой основаны на исторической традиции и специфике географического положения, проявилась в условиях давления со стороны США, особенно после создания военно-политического «навеса» над Ираном в 2001–2003 гг. (Афганистан и Ирак). Тем самым, с одной стороны, в регионе Ближнего и Среднего Востока сформировался новый геополитический треугольник с участием США и включенных пространств Афганистана и Ирака. С другой стороны, возник новый стратегический треугольник «центров силы», в котором место разгромленного Ирака заняла Турция.

Исследователь отмечает, что с распадом СССР иранская традиционная внешнеполитическая концепция балансирования между двумя соперничающими силами (в XIX в. между Россией и Англией, с середины XX в. – США и СССР) стала неприемлема в новом мировом порядке. Во-первых, частично потерял свою актуальность один из главных принципов внешней политики ИРИ – «Ни Запад, ни Восток – Ислам» (исчез Восток). Во-вторых, с ослаблением Ирака теряла смысл традиционная для геополитики XX в. триада «Иран – Ирак – Саудовская Аравия» (как источник проблем и угроз в рамках стратегии «баланса сил»). Наконец, на фоне угроз Ирану, связанных с военными заявлениями Израиля и «военным навесом» США на иранских границах, проблема безопасности приобретала глобальное измерение. Неудивительно, что Тегеран начал рассматривать региональные риски в широком

стратегическом контексте. Оказавшись лицом к лицу с США и находясь в ситуации международной изоляции, религиозное руководство Ирана взяло курс на решение проблемы безопасности через включение страны в состав крупного регионального объединения, статус члена которого давал бы защиту от внешнего давления. Одновременно предполагалось найти решение для вхождения Ирана в континентальное сотрудничество, что было необходимо для восстановления национальной экономики.

Глобальная ориентированность и многослойность внешней политики отражали направленность шиитского Ирана на роль регионального лидера нового типа в условиях меняющегося мира. Внешнеполитические амбиции Ирана вписываются в современную трактовку регионального лидерства. Такой лидер, как представляется, должен быть вовлечен на паритетной основе в реализуемые мировым сообществом проекты глобального масштаба.

Стратегическое партнерство Ирана и России

Доктор исторических наук, профессор МГЛУ Л.Г. Ивашов [2] сосредоточил внимание на стратегии взаимодействия Москвы и Тегерана в сфере международной и национальной безопасности. По убеждению исследователя, стратегическое взаимодействие предполагает:

- согласованную оценку мировой (региональной) ситуации и тенденций ее развития;
- желаемую модель мироустройства и стратегию строительства будущего миропорядка;
- близкую или совпадающую систему доминирующих жизненных принципов и духовных ценностей;
- общее понимание и признание системы международной безопасности, основанной на принципах Устава ООН;
- взаимодействие и взаимопомощь в укреплении государственности и безопасности друг друга.

Автор отмечает, что Россия и Иран имеют опыт такого взаимодействия как на региональном, так и на международном уровнях. РФ и ИРИ, прежде всего военные и спецслужбы, совместно и эффективно работали в 1990-е годы по Афганистану против талибов, поддерживая А. Масуда, остановили массовую резню и стабилизировали обстановку в Таджикистане в 1992–1993 гг., взаимодействовали в уничтожении терроризма в Чечне.

Результаты взаимодействия РФ и ИРИ по другим направлениям:

- не позволили реализовать план США по установлению контроля над Евразией;

- предотвращены попытки государственных переворотов в Таджикистане, Узбекистане, Казахстане;

- сорван план США и НАТО поставить на Южном Кавказе проамериканские режимы и ввести войска в зону Каспия;

- предотвращена вооруженная агрессия против ИРИ;

- организована совместная защита Сирийского государства;

- США не удалось установить полный контроль на БВ.

Россия и Иран остановили серийное уничтожение государств на БВ и изменили геополитическую и военно-стратегическую ситуацию в регионе. Автор показывает геополитические результаты действий группировки российских ВКС и иранских ВС в Сирии:

- изменение геополитической карты БВ и соотношения сил в регионе;

- создание предпосылок для восстановления исламской цивилизации и ее арабского ядра;

- запуск процесса возвращения беженцев и восстановления государственности;

- формирование условий для переговорного процесса и политического урегулирования конфликта;

- повышение геополитического статуса и международного престижа России;

- возвращение РФ на БВ в качестве ведущего игрока;

- изменение соотношения сил между Западом и Востоком.

Это позитивный задел российско-иранского стратегического взаимодействия, однако требуется наращивание усилий, так как мировая ситуация усложняется.

Исследователь дает экспертную оценку перспективам развития современного мира. Тенденции мирового развития к началу XXI в.: провалились попытки построения однополярного миропорядка; мир не воспринял диктат военной силы, экономическое господство США поколеблено, доллар перестал быть единственной мировой резервной валютой; западная система стандартов не воспринята в качестве универсальных ценностей; мир обретает контуры цивилизационной многополярности; наступает эра цивилизаций восточного типа; США имеют решающее превосходство в военной силе и стремятся его использовать для сохранения глобального доминирования; Китай стал первой экономикой мира и

устанавливает контроль над мировыми стратегическими коммуникациями и глобальными ресурсами. Однако Вашингтон пытается сохранить прежний однополярный, американоцентричный миропорядок, опираясь на превосходство военной силы и отрицание международно-правовой системы безопасности. За Д. Трампом стоят умеренные политические силы, готовые признать многополярность мировых процессов, но сделать ставку на операции «мягкой силы». Но и они не менее, а иногда более, опасны, чем прямая военная агрессия, подчеркивает исследователь.

Сегодня обозначились контуры миропорядка XXI столетия. Это Евразийский союз – Шанхайская организация сотрудничества – группа стран БРИКС. Они стали своего рода ответом на попытки монополизации мировой и региональной власти транснациональными корпорациями и теневыми структурами мирового финансового капитала. Государства, большинство из которых покорены ТНК, объединяются в мировые и локальные цивилизации. И в этом процессе слабо представлен мир ислама. По мысли Л. Ивашова, РФ и ИРИ могли бы предложить в международном и региональном масштабе в рамках стратегического взаимодействия:

– Совет цивилизаций при ООН. Переформатировать СБ ООН, где постоянными членами СБ будут представители мировых этнокультурных цивилизаций;

– геополитическую доктрину мира цивилизаций XXI в.;

– стратегию взаимодействия РФ и ИРИ в строительстве многополярного миропорядка;

– программу восстановления мира и государственности на БВ.

Кандидат военных наук В.В. Карякин (военный университет МО РФ) [3] рассматривает российско-иранское стратегическое партнерство как фактор международной безопасности. Иран и Россия занимают центральные геополитические позиции на Евразийском континенте, обладая стратегически важными природными, демографическими и экономическими ресурсами, а также значительным военным потенциалом. Иран и Россия имеют общую морскую границу, проходящую по Каспийскому морю, которое богато углеводородными ресурсами, что создает хорошие перспективы для сотрудничества в данной области. Российско-иранские интересы распространяются на Закавказье, ЦА и Афганистан.

В государствах ЦА, появившихся в результате распада СССР, растут националистические настроения и поднимают голову движения радикального ислама, что создает угрозу региональной безопасности. ИРИ приобрела статус региональной державы

как участник антитеррористической коалиции во главе с Россией, что значительно усиливает ее позиции в исламском мире.

Сегодня, отмечает автор, Иран занял лидирующие позиции на БВ благодаря экономическому росту, продолжающемуся вопреки западным санкциям, а также освоению ядерных технологий, что сделало его фактически десятым членом мирового ядерного клуба. В июле 2015 г. Иран и «шестерка» международных переговорщиков (группа из представителей Великобритании, Франции, России, Германии, США и КНР) подписали историческое соглашение. В обмен на контроль международного сообщества над развитием иранской ядерной программы с Тегерана сняли санкции, наложенные в рамках резолюций СБ ООН в 2006–2012 гг. Москва внесла немалый вклад в переговорный процесс по ядерному досье Ирана, который завершился успешно. Страны «шестерки» понимали, что соглашение изменит расклад сил на «большом» Ближнем Востоке. При этом они, рассматривая сценарии развития событий, были уверены в том, что Иран не откажется от своей региональной стратегии по поддержке шиитов в Сирии и Ираке. Стороны переговорного процесса учитывали, что достижение конкретных договоренностей ведет не только к отмене действующих против Ирана санкций, но и к новой расстановке сил на БВ. Санкции Запада против Ирана имели целью через разыгрывание «карты» его ядерной программы оказать давление по вопросам прав человека, демократизации режима и отказа от спонсирования терроризма.

Россия является инициатором включения Ирана в переговорный процесс, касающийся сирийского урегулирования. США не выступили против этого, хотя подключение к переговорам таких региональных соперников как Иран и Турция затруднит подписание приемлемого соглашения. Но в будущем ситуация может резко измениться. Если сегодня весомым основанием для сближения Москвы и Тегерана является общность их взглядов по сирийской проблематике и противостояние Западу, прежде всего США, то завтра всё может выглядеть иначе. Если Москве и Тегерану не удастся добиться своих военно-политических целей в Сирии и ее стратегическая ценность будет девальвирована, то Иран может отказаться от конфронтации с Западом в ущерб отношениям с Россией. Поэтому российско-иранские отношения в долгосрочной перспективе сложно спрогнозировать, считает В. Карякин.

России, как и другим экспортерам углеводородов, было бы выгодно сохранение статус-кво в отношении Ирана, подчеркивает

исследователь. Санкции консервировали бы возможности потенциального конкурента России в лице Ирана на мировом энергетическом рынке. В частности, на Каспии лучше было бы иметь дело с Азербайджаном, чем с Ираном, региональная мощь которого после снятия санкций возрастет.

По состоянию на текущий момент получило «второе дыхание» российско-иранское политическое, экономическое и военнотехническое сотрудничество. Среди наиболее значимых проектов следует отметить реализацию транспортного коридора «Север – Юг», который может стать хорошим дополнением китайского Шёлкового пути и свяжет Индию, Иран и, возможно, Пакистан с Казахстаном, Россией, Белоруссией, Таджикистаном, Турцией, Арменией и Азербайджаном. Другим важным проектом стало строительство судоходного канала, который соединит Каспийское море с Персидским заливом. Ожидается, что к этому проекту присоединится Россия. Прогнозируемая стоимость проекта оценивается в 7 млрд долл. Завершить его планируется в 2030 г. Благодаря ему страны, выходящие к Каспийскому морю, – Азербайджан, Казахстан, Туркмения, Россия, Иран – смогут транспортировать нефть и природный газ водным путем. Этот канал имеет стратегическое значение для России, потому что создает кратчайший выход в бассейн Индийского океана. Прямой выход в океан получают также и все страны, имеющие выход в закрытое Каспийское море. Благодаря иранскому судоходному каналу российские военные корабли смогут выходить в южные моря без использования турецких проливов.

Соединение Каспия с Персидским заливом имеет большое геополитическое значение, так как будет сформирован меридиональный транспортный коридор в дополнение нового китайского Шёлкового пути. Строительство иранского судоходного канала уменьшит стоимость транспортировки грузов более чем на 20% по сравнению с перевалкой грузов по Суэцкому каналу. И этот проект уже реализуется, так как Россия и Иран создали объединенное морское пароходство с возможностью транспортировки грузов до 4 млн т в год. В стадии проработки находится также сухопутный транспортный коридор «Север – Юг», который представляет собой железнодорожную линию по западному побережью Каспия, что позволит везти грузы транзитом через Азербайджан, затем автомобилем или железнодорожным путем в Иран до южно-иранского портового города Бендер-Аббас на берегу Персидского залива и дальше морем в индийский Мумбай. В целом транспортный

коридор «Север – Юг» – маршрут от Санкт-Петербурга до Индии, порта Мумбаи (Бомбей), – будет иметь протяженность 7,2 тыс. км. Его разрабатывают для транспортировки грузов из Индии, Ирана и других стран Персидского залива по Каспийскому морю через российскую территорию и далее в Северную и Западную Европу.

Проекты новых транспортных коридоров, отмечает автор, важны для реализации планов Ирана и России по наращиванию торгового оборота. Ирану интересно, прежде всего, закупать российское зерно. В будущем возможно расширение номенклатуры поставок. По железной дороге можно перевозить продукты питания, а также промышленные грузы, нефть и нефтепродукты.

Перспективы российско-иранского военно-технического сотрудничества (ВТС) определяются не только внутренней мотивацией сторон продвинуть свои отношения на качественно иной уровень. Существует ряд глобальных и региональных факторов, подталкивающих Москву и Тегеран к крепким военно-политическим связям и развитию отношений в сфере ВТС. Две крупнейшие державы Каспия оказались под схожим санкционным прессом Запада. По мысли исследователя, если мы хотим обеспечить региональную безопасность и стабильность, то нужно решать эти вопросы без привлечения западных партнеров. Для этого необходимо создавать региональные блоки и на региональном уровне разрешать конфликтные ситуации.

Иран предлагает России новый уровень военно-технического сотрудничества – совместные научно-исследовательские и опытно-конструкторские работы, которые до этого Россия вела только с Китаем. Тегеран стремится не только к роли покупателя российского оружия, но и к равноправному партнерству с Россией в НИОКР и модернизации вооружений. Санкции Запада нанесли чувствительный урон иранской экономике. С ростом санкций в Иране крепло осознание необходимости создания собственной оборонно-промышленной отрасли. С начала 2000-х годов иранское руководство поставило задачу повысить научно-технический потенциал страны, направив часть усилий в область военных разработок, развитие оборонной промышленности. За последние годы появились собственные разработки военно-воздушной и военноморской техники, высокотехнологичных средств ведения боевых действий (беспилотные летательные аппараты, баллистические ракеты). Иран не отказывается от сотрудничества с зарубежными партнерами. Он идет на закупки той оборонной продукции, самостоятельное производство которой не представляется осуществи-

мым в ближайшей перспективе. К такой продукции относятся системы противовоздушной и противоракетной обороны дальнего радиуса действия.

В целом, отмечает автор, вопрос российско-иранского сотрудничества в военной сфере следует рассматривать прежде всего в рамках политики безопасности, которую РФ проводит на Ближнем и Среднем Востоке. Иран не состоит в региональных системах коллективной безопасности, является сторонником решения всех проблем исключительно силами региональных государств. Внеблоковый статус Ирана, его настрой на двустороннее развитие отношений с зарубежными партнерами создают благоприятную почву для налаживания тесной оружейной кооперации Москвы и Тегерана, подчеркивает В. Карякин. РФ видит в ИРИ стратегического партнера, способного создать благоприятные условия для обеспечения региональной безопасности на основе баланса сил на Среднем и Ближнем Востоке для сдерживания геополитических амбиций Турции и Саудовской Аравии.

По мысли исследователя, Россия и Иран хорошо дополняют друг друга в политическом плане. Такой союз является серьезной проблемой для США и их союзников. Вместе с тем в отношении Сирии наши страны придерживаются различных стратегий. Если для России военная операция в Сирии – часть глобального плана по созданию многополярного мира, в котором Россия станет одной из ведущих держав, то цель Ирана заключается в укреплении власти шиитов на территории Ближнего и Среднего Востока. Помимо этого, Россия пытается укрепить позиции своей военно-морской базы в Сирии, которая обеспечивает выход к Средиземному морю.

Стратегические цели в Сирии у России и Ирана разные. Это объясняется тем, что в РФ численность шиитов невелика (в РФ проживают 15–20 млн мусульман, не считая нелегальных мигрантов; около 3 млн из них составляют шииты). Но ближайшие тактические цели совпадают. Это борьба с международным терроризмом.

Сотрудничество России и Ирана в Сирии

Доктор исторических наук, профессор МГЛУ А. Вавилов [1] отмечает, что Россия неоднократно предупреждала западных политиков о взрывоопасности противоправного силового вмешательства извне во внутренние дела Ирака, Ливии, Сирии, Йемена не

только для региональной, но и глобальной стабильности и безопасности. Однако эти призывы в западных столицах и в Вашингтоне услышаны не были. Руководствуясь своими узкополитизированными геостратегическими интересами, западные державы во главе с США и их некоторые региональные партнеры грубо нарушили суверенитет ближневосточных государств, подорвали и ослабили их государственные и военные структуры, что превратило регион в очаг международного терроризма, угрожающего всеобщему миру и безопасности.

России и ее союзникам пришлось принимать кардинальные меры для исправления ситуации и нейтрализации опасных последствий иностранного вмешательства в дела ближневосточных государств. Сейчас ее главные усилия сконцентрированы на поисках политического урегулирования кризиса в Сирии, принесшего ее народу неисчислимые беды и страдания. Москва исходит из недопустимости навязывания народу Сирии каких-либо рецептов извне, из неприемлемости для поисков развязок многочисленных конфликтных узлов, порочной практики «геополитической инженерии», далекой от учета чаяний страдающего мирного населения, попыток смены неугодных режимов, в том числе силовым путем.

С самого начала сирийского кризиса Россия неизменно выступала за его исключительно мирное решение при уважении суверенитета, единства и территориальной целостности этой древней страны. Ведь не существует альтернативы политическому процессу, опирающемуся на взаимоуважительный, инклюзивный, без предварительных условий межсирийский диалог при параллельном обеспечении режима прекращения боевых действий, расширении и повышении гуманитарного доступа, наращивании эффективности борьбы с терроризмом. В Москве и Тегеране единодушно выступают за немедленное прекращение подпитки террористов извне, за возобновление инклюзивного внутрисирийского диалога при содействии ООН в соответствии с международно-правовой базой. Для оказания действенного отпора «террористическому интернационалу», по мысли А. Вавилова, необходимо объединение всех сил мирового сообщества при отказе от политизированного деления боевиков и оппозиционеров на «плохих» и «хороших» в надежде использовать последних для решения своих узкокорыстных задач.

Россия и Иран будут последовательно выступать за неукоснительное соблюдение Устава ООН и норм международного права, за ограждение суверенитета государств и народов от попыток

навязать им чужеродные рецепты «демократизации» и «свободы», заключает А. Вавилов.

Проблемы стратегической стабильности в начале XXI столетия

Как отмечают А. Орлов, директор Центра исследований ООН, и В. Мизин, ведущий научный сотрудник МГИМО [4], расширение НАТО на Восток, односторонний выход США из бессрочного Договора по ПРО от 1972 г. и запуск вместо этого программы создания региональных систем ПРО, развязанные западным альянсом (при заглавной роли Вашингтона) под лозунгом «демократической экспансии» агрессии в ряде «горячих точек» планеты, прежде всего на Ближнем Востоке, и набирающая обороты гонка вооружений, подпитываемая астрономическим военным бюджетом США (707 млрд долл. – в 2018 г.), явились следствием псевдотеоретического постулата о том, что США и их союзники могут делать в мире все, что им заблагорассудится, а все остальные государства должны принять это как должное. В наше время стратегическая стабильность не сводится исключительно к концепциям ядерного противостояния. Сегодня поддержание стратегической стабильности – это, скорее, выстраивание такой системы миропорядка, которая способна уберечь отдельные регионы (в данном варианте – Россию и Евразию), а также мир в целом от крупных вооруженных конфликтов и стратегических вызовов, угрожающих интересам всех стран в случае возникновения политического кризиса. Одним из заметных проявлений развития американской стратегии стала концепция так называемых «гибридных войн». Речь идет об использовании для достижения геополитических интересов всех возможных средств воздействия, включая инструменты «мягкой силы», информационные диверсии, подрывную работу, организацию «цветных революций», информационные вбросы через СМИ и Интернет и т.п.

По мысли исследователей, США, Западная Европа, НАТО нуждаются в новой «восточной политике» не в меньшей степени, чем Россия нуждается в нормализации отношений с Западом. В основе разрядки должно лежать общее стремление к преодолению нынешнего «пика напряженности», которая является неестественным состоянием международных отношений в XXI в. Однако приходится констатировать, что «пик напряженности» не пройден до сих пор. Существующую систему стратегической стабильности

подорвет выход США из Договора о ликвидации ракет средней и меньшей дальности (ДРСМД). В последние десятилетия, отмечают авторы статьи, появились дополнительные факторы агрессии, своего рода новая «философия войны», которые следует учесть в современной концепции стратегической стабильности. Помимо новых видов и систем оружия массового уничтожения (ОМУ), к ним в первую очередь необходимо отнести киберугрозу, перенос гонки вооружений в космос и экономическую войну. Человечество, делают вывод авторы, переживает сегодня один из критических моментов своей истории. Без сохранения и укрепления стратегической стабильности, которая представляет собой совокупность военно-политических факторов безопасности и норм ответственного, цивилизованного поведения ведущих государств мира, немыслимо поступательное развитие нашей цивилизации.

Замминистра иностранных дел России С.А. Рябков [5] подчеркивает, что планы нанесения американских ударов существуют в отношении всех стран, которые не входят в перечень союзников, единомышленников или партнеров США. Главным на «восточном» направлении политики США становится консолидация «антииранского фронта». Ставится задача общего ослабления иранских позиций на БВ. Затеваются разного рода конференции, другие мероприятия, придумываются антииранские форматы. Совокупность факторов говорит о том, что ситуация вокруг Ирана, скорее всего, будет осложняться, но все-таки есть надежда, что здравый смысл победит и обойдется без новых военных авантур. Иран давно живет и будет жить в условиях санкций. Россия сотрудничает с Ираном в противодействии американской политике диктата и эффективно взаимодействует с ним в качестве одного из государств-гарантов по сирийским делам.

Заключение

В 1990-е годы фактически складывается треугольная дипломатия Тегерана. Идея создания стратегического треугольника Иран – Китай – Россия была высказана в 1997 г. президентом ИРИ А.А. Хахеми-Рафсанджани, решавшим проблему выхода страны из международной изоляции. Оценивая усилия Тегерана, наблюдатели в 2007 г. сделали предположение о возникающем стратегическом альянсе на Ближнем Востоке по оси Тегеран – Багдад – Дамаск. После прихода к власти исламских сил в Египте в 2011 г. ученые начали обсуждать перспективы египетско-ирано-турецкого

треугольника. Во второй декаде XXI в., вслед за присоединением России к международным усилиям в противодействии Исламскому государству (ИГ) в Сирии, эксперты стали называть новые возможные стратегические треугольники, среди которых – «сирийский» треугольник Иран – Россия – США. В рамках стратегического «треугольника РИК» российские ученые отмечали ключевую роль России как связующего и координирующего звена, как позитивного объединяющего центра, арбитра (в отношениях Индии с Китаем) и торгово-экономического партнера. Найденный Е.М. Примаковым формат стратегического треугольника сработал не только в варианте РИК, но в середине 2010-х годов стал одним из самых распространенных форматов, вокруг которых происходит структурирование новой системы международных отношений в Азии.

Среди актуальных направлений во внешней политике ИРИ на рубеже XX–XXI вв. исследователи отмечают также проблему расширения отношений со всеми государствами ССАГПЗ, вхождения в регион ЦА (среднеазиатские республики бывшего СССР), поиск путей решения Каспийской проблемы (нефть, экология, безопасность). В результате этих усилий к середине 1990-х годов Иран вышел на активный диалог со странами Юго-Западной Азии, предлагая различные форматы сотрудничества. Сформировалась многосторонняя проблемная дипломатия Ирана, квинтэссенцией которой стала в начале XXI в. атомная дипломатия Ирана.

Сотрудничество России и Ирана на сирийском направлении предотвращает разрастание нестабильности. Дамаск высоко оценивает содействие РФ и ИРИ в борьбе с терроризмом и экспансионизмом внешних сил. Москва и Тегеран глубоко озабочены тяжелой гуманитарной ситуацией, возникшей в результате разгула в Сирии террористов при покровительстве извне, и готовы активно взаимодействовать с правительством САР, сирийским обществом Красного Полумесяца и соответствующими структурами ООН для оказания помощи измученному изнурительной войной населению этой страны.

Россия и Иран будут и в дальнейшем последовательно выступать за неукоснительное соблюдение Устава ООН и норм международного права, за ограждение суверенитета государств и народов от попыток навязать им чужеродные рецепты «демократизации» и «свободы», подчеркивают исследователи.

Литература

1. *Вавилов А.И.* Сотрудничество России и Ирана в поисках политического урегулирования в Сирии как фактор укрепления мира и безопасности в Ближневосточном регионе // *Сотрудничество России и Ирана в политической, экономической и культурной областях как фактор укрепления мира и безопасности в Евразии: Материалы Международной научно-практической конференции 19 октября 2016 г.* – М.: ФГБОУ ВО МГЛУ, 2017. – С. 99–103.
2. *Ивашов Л.Г.* Роль стратегических отношений России и Ирана в современном мире // Там же. – С. 8–11.
3. *Карякин В.В.* Российско-иранское стратегическое партнерство как фактор международной безопасности // Там же. – С. 83–98.
4. *Орлов А., Мизин В.* Проблемы стратегической стабильности в начале XXI в. // *Международная жизнь.* – М., 2019. – № 2. – С. 66–81.
5. *Рябков С.А.* Откровенный разговор о войне и мире // Там же. – С. 12–36.
6. *Юртаев В.И.* Особенности региональной дипломатии Ирана в начале XXI века // *Сотрудничество России и Ирана в политической, экономической и культурной областях как фактор укрепления мира и безопасности в Евразии: Материалы Международной научно-практической конференции 19 октября 2016 г.* – М.: ФГБОУ ВО МГЛУ, 2017. – С. 30–35.

*Обзор написан специально для бюллетеня
«Россия и мусульманский мир»*

2019.03.005. **Делавари А. УРОКИ ИСТОРИИ: ОТНОШЕНИЯ РОССИИ И ИРАНА. (О необходимости перехода к многовекторным и симметричным отношениям)** // *Сотрудничество России и Ирана в политической, экономической и культурной областях как фактор укрепления мира и безопасности в Евразии: Материалы Международной научно-практич. конф. 19 октября 2016 г., М.: ФГБОУ ВО МГЛУ, 2017. С. 37–43.*

Ключевые слова: Россия; Иран; многовекторные отношения.

Делавари А.,
доктор (Университет им. Алламе Табатабаи, Иран)

Как отмечает исследователь, отношения России и Ирана на протяжении длительного периода часто были однонаправленными, несимметричными и носили тактический характер. В первые десятилетия XIX в. две страны вели войны, которые закончились тем,

что значительная часть Ирана отошла к России, и Россия получила политические и правовые привилегии и экономические концессии, последующие 180 лет отношения Ирана и России никогда не были достаточно устойчивыми и крепкими. Однако в отдельные периоды связи укреплялись и даже возникали временные союзы между правительствами двух стран.

В первой половине XIX в. шахи и знать Каджаров благодаря связям с Россией принимали их идеологию (в том числе в вопросе отношений с Англией и с Германией, а также в вопросе командования русскими офицерами – единственной организованной военной силой в Иране – казачьей бригадой). Тем не менее часто иранские правящие круги были недовольны зависимым положением страны от России. Недовольство российскими общественно-политическими неправительственными силами сильнее всего проявилось в ходе Конституционной революции. Иранские конституционалисты рассматривали российское правительство в качестве силы, поддерживающей диктатуру Каджаров. Шаги этого правительства при открытой поддержке Мухаммед Али-шаха и шахской казачьей бригады в борьбе с конституционалистами сыграли свою роль в разгоне первого меджлиса, при этом российское правительство выдвинуло иранской стороне ультиматум, потребовав удаления миссии американских финансовых советников, которую нанял второй меджлис для проведения финансовой реформы. Как результат ультиматума русскими войсками были заняты северные районы Ирана. Впоследствии, во время Первой мировой войны, Россия оккупировала значительную часть Ирана. Эти события оказали негативное влияние на отношение иранского общества к русским.

В первые годы после окончания Первой мировой войны обещания лидеров Русской революции, основанные на завершении политики экспансии царских времен и ее компенсации, были воплощены в жизнь. Советский Союз в годы между двумя мировыми войнами находился в оппозиции к западным странам, что стало причиной охлаждения отношений между Ираном и Россией в сфере экономики и технологий. В годы Второй мировой войны и после введения Вооруженных сил России в Иран постепенно появилась тенденция экспансионистской политики государства (учитывая стратегические интересы и соображения безопасности в противовес влиянию Запада). Поддержка советского правительства соглашательских движений на северо-западе Ирана, попытки извлечь выгоду из концессии на нефть, добываемой в северных

районах Ирана, и отказ от вывода войск (согласно Договору 1941 г.) также значительно ухудшили отношение к Советскому Союзу. Вместе с тем в те годы некоторые из левых сил Ирана, например партия Туде, открыто поддерживали политику правительства Советского Союза. В то время когда в Иране возник сильный антиимпериалистический национализм, со стороны народа Ирана снова пробудилось недоверие в отношении политики Советского Союза. Недоверие к России возникло в ходе движения за национализацию нефтяной промышленности в Иране. В то время когда премьер-министром стал Мосаддык, советское правительство не поддержало его борьбу за национализацию нефтяных ресурсов. Такие действия воспринимались как программа империалистической политики, а чуть позже советское правительство отказалось выплачивать долг военного времени Ирану.

В период после государственного переворота 1953 г. и до Исламской революции 1979 г. советско-иранские отношения носили неустойчивый характер и зависели от обеспечения безопасности, выстраивания стратегических отношений со странами Запада, а также ограниченных и краткосрочных экономических интересов. После Исламской революции 1979 г. благодаря антиамериканским настроениям, господствовавшим в политической жизни Ирана, и попыткам советского правительства развивать отношения с Ираном ожидалось, что отношения между Ираном и СССР станут более устойчивыми. Однако сложности, существовавшие ранее в отношениях двух стран, не разрешились. Особенно явно это проявилось в ходе ирано-иракской войны. Советское правительство предпочло сохранить стратегические отношения с Ираком и оказывало ему поддержку, в частности поставляло вооружение и боеприпасы, хотя официально часто занимало нейтральную позицию.

Окончание ирано-иракской войны сопровождалось началом изменений и внутривосточным конфликтом внутри СССР. Политики ИРИ ожидали, что после того как Россия попрощалась с коммунизмом, появится благоприятная почва для развития устойчивых стратегических отношений между двумя странами. Постепенное наращивание военного контингента США в регионе (вначале в ходе нападения Ирака на Кувейт, а затем нападения США на Афганистан и Ирак) стало для Ирана поводом для беспокойства. Ограниченные возможности Ирана и американское влияние на Россию 1990-х годов не способствовали улучшению отношений между Ираном и Россией. В начале XXI в. на фоне усиления давления на Иран в отношении ядерной программы снова

увеличилась потребность ИРИ в поддержке со стороны новых политических деятелей России. На этот раз казалось, что появился более подходящий повод для укрепления и развития отношений между двумя странами. Вследствие осуществляемой Ираном ядерной программы возникли напряженные отношения Ирана с мировым сообществом. В этой ситуации Россия встала на сторону Ирана и согласилась достроить АЭС в Бушере. Для укрепления отношений двух стран в области политики и безопасности важным фактором явилось соглашение о продаже Ирану зенитно-ракетных комплексов С-300. Несмотря на это, сотрудничество Ирана и России в немалой степени зависело от отношений России и западных стран.

С началом событий, связанных с «арабской весной» в 2012 г., которые сопровождались падением и ослаблением поддерживаемых Россией правительств в таких странах, как Сирия и Ливия, а также изменением обстановки в Украине, отношения России и Ирана стали более «прохладными». С началом гражданской войны в Сирии отношения между Россией и Турцией ухудшились, и наоборот, сотрудничество Ирана и России расширилось. В течение двух последних лет вдобавок к тесному взаимодействию двух стран в поддержке режима Асада Иран впервые дал разрешение на использование воздушного пространства его страны для российских самолетов и ракет большой дальности с целью подавления противников Асада. Россия также переправила Ирану несколько систем С-300. В середине лета 2016 г. власти двух стран подтвердили, что Иран предоставил России возможность использования одной из своих военных баз вблизи Хамадана для полетов авиации. Таким образом, текущее положение дел наглядно показывает беспрецедентное сближение двух стран и развитие стратегического сотрудничества. Но даже в таких условиях неоднократно происходили случаи, демонстрирующие недоверие сторон и нестабильность взаимоотношений. Например, сразу после того как Россия улучшила отношения с Турцией, появились ограничения в товарообороте между Россией и Ираном (особенно в отношении продуктов питания). После того как стало известно, что Россия использует иранскую военную авиабазу, некоторые официальные лица Ирана (в том числе министр обороны и военный советник верховного лидера) не скрывали своего недовольства и недоверия.

В заключение исследователь делает вывод, что отношения между Ираном и Россией в течение последних двух столетий претерпевали взлеты и падения. Политические отношения между государствами не влияли на социально-культурную сферу. Даже

несмотря на стремление к сближению, перечисленные факторы оказывают негативное влияние на общую картину отношений между двумя странами.

Рассмотрев динамику развития отношений на государственном и социально-культурном уровнях на протяжении двух последних столетий, А. Делавари считает необходимым сделать некоторые предложения.

1. Российским политикам нужно переосмыслить структуру отношений с Ираном и приложить усилия для ликвидации негативных последствий.

2. Развитие социально-культурной сферы должно происходить не только через правительства, но и через интеллектуальные и культурные элиты, деятелей экономики, организации гражданского общества и развитие двустороннего туризма.

3. Развитие академических и научных контактов может содействовать укреплению всесторонних связей и стратегического баланса между государством и обществом обеих стран.

Автор реферата Е.Л. Дмитриева

2019.03.006. **Зинин Ю.Н. ЛИВИЯ:
ИСЛАМСКИЙ ФАКТОР ПОСЛЕ КАДДАФИ //**
Азия и Африка сегодня, М., 2019. № 4. С. 2–8.

Ключевые слова: М. Каддафи; ислам; «Братья-мусульмане»; НАТО; исламизм; террор; этнический состав.

Зинин Ю.Н.,
кандидат исторических наук,
ведущий научный сотрудник
Центра партнерства цивилизаций МГИМО (У) МИД РФ

Автор статьи рассматривает роль исламского фактора в Ливии после свержения ее лидера М. Каддафи и прихода к власти новых сил.

Крушение государственных и военных структур после начала «Революции 17 февраля» в ходе внутреннего конфликта при участии НАТО, а затем междоусобица местных вооруженных групп привели к коллапсу вертикали единой власти и дезинтеграции государства. С лета 2014 г. в стране царит двоевластие с противостоящими друг другу «полюсами» администрации. Один – в Три-

поли на западе и другой – в Тобруке на востоке, каждый со своим правительством, парламентом и силовым блоком. Население современной Ливии исповедует ислам суннитского толка. Особенность страны в том, что на ее огромной и в основном пустынной территории с редким населением издавна существовали суфийские братства.

Автор отмечает, что Ливия сочетает религиозное разнообразие с пестрым родоплеменным составом населения: 85% ее жителей имеют племенные корни. Число племен – более 100. М. Каддафи (в 1969–2011 гг.) своей главной целью ставил строительство единого современного государства. Вызовы, стоявшие на этом пути, во многом были предопределены сложившимся веками менталитетом племен с их мятежным характером, отвергавшим попытки поставить их под контроль центра. В своей политике М. Каддафи делал ставку на два фактора: это часто ассоциировавшийся с личностью вождя официальный ислам и надплеменной ливийский национализм, опиравшийся на концепцию «Джамахирии» (государства масс). Власти пресекали любую политическую оппозицию, создание партий или движений под исламскими знаменами.

Описывая события 2011 г., автор отмечает, что в начале событий в Ливии исламистские лозунги не стояли во главе повестки дня, но они сыграли роль триггера протестов в г. Бенгази – столице восточного района. Тогда толпа, подстегнутая карикатурами на Пророка Мухаммада в европейских СМИ, напала на консульство Италии и была расстреляна полицией. Выступления переросли в волнения с требованиями отставки М. Каддафи и быстро захватили Восток Ливии. В данном случае религиозные мотивы слились с региональными: убеждения, что в эпоху Каддафи Восток, обладавший 75% всех нефтяных ресурсов Ливии, был ущемлен при распределении нефтедоходов в отличие от Триполитании. Свой вклад в действия повстанцев против войск правительства внесли ряд исламских боевиков-джихадистов.

Далее автор, описывая ситуацию в Ливии после убийства Каддафи, отмечает, что Национальный переходный совет (НПС), взявший власть, провозгласил, что страна будет следовать «курсу шариата» и отменит законы, которые ему противоречат. Автор указывает, что на политическую арену в стране вышли новые силы, в том числе исламские, радикально настроенные, воспользовавшиеся вакуумом власти, образовавшимся после слома государственных структур. В 2013 г. 14 командиров исламистских групп, воевавших еще в Афганистане и прошедших тюрьмы, заняли посты

в руководстве МВД, Министерства по делам шахидов, начальников тюрем, глав военных советов городов и т.д. Развернулся процесс легализации и организационного укрепления различных фракций исламистов, прежде всего «Братьев-мусульман». Они занялись созданием своих ячеек на местах, наращиванием политической и прочей активности в стране, развитием зарубежных связей. При движении было создано политическое крыло – «Партия справедливости и строительства» (ПСС). В марте 2012 г. завершилась ее регистрация. ПСС является финансово и административно независимой структурой, и члены БМ вступают в нее на индивидуальной основе. «Партия справедливости и строительства» является наиболее крупной партией с точки зрения своей организованности, прагматической программы и дисциплины. Ее будущее связывают со способностью пройти тест в борьбе против течения джихадизма и внести вклад в разрешение нынешнего ливийского кризиса с двоевластием. В то же время немало авторов призывают не переоценивать вес и роль БМ. Другую исламистскую партию – «Партию Родины» – возглавил бывший командир «Ливийских исламских боевых групп» А. Бельхадж. Возникла и меньшая по размерам «Партия Центра Уммы», ее руководитель Сами Ас-Саади – также бывший боевик.

Автор указывает на расхождения и соперничество между разными направлениями, существующими в стане политического ислама, в частности между «Братьями-мусульманами» и салафитами. Ранее, в эпоху Каддафи, влияние салафизма на верующих в Ливии было несопоставимо большим по сравнению с подпольными группами БМ. Но он оставался весьма аморфным течением. Из других радикальных образований автор называет «Батальоны защиты Бенгази» (Сарая Ди-фаа ан Бенгази). Оно образовалось в июне 2016 г. путем слияния трех Советов шуры.

Анализируя конфликт суфиев и салафитов, автор отмечает, что их разделяют вопросы доктрины и ритуально-обрядовая сторона веры. Салафиты смотрят на суфиев как на «еретиков», ибо последние поклоняются своим местным святым. Салафиты выступают против суфийской практики зикров, коллективных радений с танцами и считают их проявлением черной магии и язычества. Некоторые аналитики объясняют эту вражду конкуренцией двух компонентов на поле ислама за влияние среди верующих, особенно молодежи. Также очевидно, и это подтверждено в СМИ, что различные течения салафитов получают помощь из-за рубежа, прежде всего от богатых режимов нефтедобывающих стран.

Автор подчеркивает, что события в Ливии после начала «Революции 17 февраля» и вплоть до сегодняшнего дня демонстрируют внешнее вмешательство в ее внутренние дела, за которым стояли как Запад, так и часть арабского мира. Один из примеров этого – распространение в Ливии влияния течения салафизма, которое основал в начале 90-х годов XX в. и возглавляет саудовский богослов, шейх Рабиа Бен Хади Аль-Мадхали. Его течение проповедует строгое послушание и подчинение верующих своим повелителям, запрет на бунт, участие в любых выступлениях против правителей, в свободных выборах и т.д. Шейх нетерпим к другим салафитским течениям и исламским сектам. Влияние течения «Аль-Мадхали» распространяется на Египет, Кувейт, ОАЭ, Алжир и особенно на Ливию. «Аль-Мадхали» заметно позиционирует себя в киберпространстве. Ему принадлежат радиостанции в городах Аль-Мардж, Адждабия, другие радиоканалы – «Ислам», «Мир», «Салафизм», ряд электронных порталов и сайтов.

Будущее Ливии сегодня видится весьма смутным. Выход из кризиса, прежде всего политического, примирение между двумя противостоящими полюсами власти в Триполи и Тобруке с неустойчивым балансом сил не просматриваются, несмотря на долгий период переговоров при посредничестве ООН и других сторон. Граждане страны продолжают гибнуть от насилия из-за стычек конфликтующих сторон.

Помимо того что конфликт между бывшими победителями М. Каддафи обернулся двоевластием, в стране обострились межплеменные отношения, оживились разногласия между Киренаикой и Триполитанией, укрепились идеи в пользу берберской автономии, начались нападения на христиан (в эпоху Каддафи насчитывалось 100 тыс. христиан, ныне осталось несколько тысяч).

Ливия с февраля 2011 г. с ее неконтролируемыми границами длиной в 6 тыс. км воспринимается как полигон деструктивных исламистских сил и источник угроз соседям в Северной и Западной Африке. Они опасаются, что вирусы международного терроризма и анархии перекинутся к ним. В 2016 г. Тунис построил полосу длиной в 200 км для охраны своей границы с Ливией. Алжир возводит подобное сооружение протяженностью в 900 км. В начале 2012 г. часть повстанцев-туарегов бежали из Ливии в Мали и участвовали вместе с местными берберами в работе комиссии по созданию независимого региона под названием Азавад. Это привело к дестабилизации в Мали и в Нигерии, всплеску насилия при участии местных радикалов-исламистов. Ситуация не стабилизировалась и по сей день. Просмат-

риваются связи исполнителей терактов в Бельгии, Франции, Германии, Великобритании и Тунисе с ливийскими боевиками. Многие из них прошли подготовку в лагерях ИГ на территории Ливии.

Как представляется автору, политический ислам в Ливии – долговременное явление, хотя возможны его приливы и отливы. Стан исламистов в Ливии неоднороден и немонолитен. Он включает различные течения и ветви: «Братьев-мусульман», салафитов разного толка, последователей суфийских братств, джихадистов с их связями с зарубежными единомышленниками и при медийной поддержке арабских СМИ и сетей ИТ, особенно из Залива. Приверженцы этих течений хотя и утверждают, что «ислам – решение всех проблем», на практике соперничают между собой. Это вызвано не только их расхождениями в интерпретации веры, но и острой борьбой между вступающим в жизнь «третьим поколением глобального джихада» и конкуренцией их главарей вокруг дележа ливийского нефтяного пирога.

Но, по мнению автора, все-таки не стоит демонизировать политический ислам и его разные ветви, ибо это может породить новые конфликты и распри. Нужно отделить тех, кто не призывает к вооруженной борьбе и не исповедует идеологию терроризма, и втянуть их в свободный диалог и обмен мнениями с целью нахождения точек соприкосновения и общих подходов для решения острых проблем.

В Ливии за последние восемь лет так и не появилось влиятельных харизматических фигур, способных задать тон общему согласию в пользу компромисса и реализовать его. Местные элиты раздирают противоречия в силу неразвитости гражданского общества, пассивности, раздробленности населения в условиях двоевластия. При этом заимствованные у Запада компоненты политической надстройки, такие как избранные институты, многопартийность и т.д., не опираются на зрелый базис автохтонного общества, в котором господствуют религиозное и племенное мышление, традиции и нормы.

Автор реферата Е.Л. Дмитриева

2019.03.007. Шарипов У.З. **ПОЛИТИЧЕСКИЙ И ВНУТРИКОНФЕССИОНАЛЬНЫЙ КРИЗИС В ЙЕМЕНЕ И ПРОВОКАЦИОННАЯ РОЛЬ ВНЕШНИХ СИЛ** // Труды Института востоковедения РАН. Вып. 4. Экономические, социально-политические, этноконфессиональные проблемы афро-азиатских стран. М., 2017. С. 189–196.

Ключевые слова: шиизм; суннизм; зейдиты; хуситы; Королевство Саудовская Аравия (КСА); США.

Шарипов У.З.,
доктор исторических наук
(Институт востоковедения РАН)

Йеменский кризис, подчеркивает исследователь, отражает не только внутренние противоречия между племенами, суннитами и шиитами, но и интересы монархических режимов Аравийского полуострова, а также США.

В Йемене на протяжении веков сосуществуют племенные образования, принадлежащие к двум ведущим ветвям ислама – шиизму и суннизму. Хотя между ними имелись идеологические религиозные различия, их взаимные противоречия не принимали острых форм. В течение XX в. эта страна, бывшая долгое время феодальной монархией, была вовлечена в вихрь политических перемен. В 1962 г. в результате революции зейдитская (ветвь шиитского ислама) монархия была свергнута, и страна стала жить в рамках Йеменской Арабской Республики (ЙАР) под руководством суннитской правящей верхушки. Шиитское меньшинство же представлялось как бы на вторых ролях. В государственном устройстве Йемена в последние десятилетия XX в. произошли изменения: в 1967 г. Южный Йемен, бывший британским протекторатом, получил независимость, и была образована Народно-Демократическая Республика Йемен (НДРЙ), придерживавшаяся просоциалистической ориентации; в 1990 г. ЙАР и НДРЙ объединились в единую Республику Йемен (РЙ). В этот период на политической арене сближавшегося Йемена началось проникновение «Аль-Каиды» в эту страну. Однако Йемен рассматривается «Аль-Каидой» не как объект для установления своей верховной власти, ввиду его племенного устройства, а как опорный пункт для проведения диверсий с целью дестабилизации КСА и подрыва американских

интересов в зоне Аравийского полуострова, а также в Афганистане, Сирии, Ираке и Восточной Африке. Пользуясь неспособностью государственной власти под президентством Али Абдаллы Салеха контролировать большую часть территории, «Аль-Каида на Аравийском полуострове» (АКАП) всё более внедрялась в йеменское общество. Стратегия «Аль-Каиды» в Йемене сводилась к показательным террористическим акциям против объектов западных государств. Они сопровождались пропагандистскими кампаниями в подконтрольных ей населенных пунктах путем обеспечения безопасности местных жителей и снижением межклановых противоречий, медицинскими услугами и проведения в жизнь проектов социально-экономического назначения. На юге власть захватили полевые командиры различных группировок. АКАП и ИГИЛ, представляющие преимущественно интересы местных суннитов, вместе с тем выступали против вмешательства США и КСА, а также с целью успокоения шиитских племен проявляли лояльность к их неприятию иностранных врагов. Война в Йемене вылилась во внутрирелигиозный конфликт с вмешательством в нее суннитских и шиитских внешних политических сил, что привело к усилению влияния радикальных исламистских организаций.

Шииты, компактно проживающие на севере и западе страны, также выступали против правительства президента Али Абдаллы Салеха в Сане, его коррупционности и связей с США. Их представители потребовали автономии региона. Лидером восстания стал Хусейн Аль-Хуси (был убит в 2004 г.). Он еще в 1994 г. создал радикальную исламскую группировку «Ансар Аллах». После его смерти движение восставших шиитов стало называться хуситским. С 2009 г. движение хуситов активизировалось и совершило налет на саудовскую деревню Джабаль ад-Дукан, где убили двух пограничников. В ответ Саудовская Аравия начала открытое вмешательство в йеменский внутриконфессиональный конфликт. Хотя в 2010 г. между хуситами и правительством было подписано перемирие, оно продержалось до начала «арабской весны».

В январе 2011 г. в Йемене начались массовые демонстрации с требованием отставки президента Али Абдаллы Салеха и проведения социальных реформ. Под давлением президент заявил о некоторых уступках: сократил количество президентских сроков до двух подряд, отказался от участия в грядущих выборах. Однако правительственные репрессии стали усиливаться, и 18 марта в Сане, столице страны, были убиты 52 демонстранта. Али Абдалла Салех ввел режим ЧП, но на фоне роспуска правительства, а также

отставки ряда министров и посла Йемена в ООН манифестации продолжились. Тогда было сообщено о достижении перемирия и готовности президента Салеха уйти с поста в течение 30 дней, а в течение двух месяцев после его ухода должны быть проведены новые президентские выборы. Но Салех отказался подписывать согласованный сторонами документ. Манифестации возобновились с большей интенсивностью и охватили весь север страны, что привело к крупным жертвам среди сторон. 3 июня была обстреляна президентская резиденция в Сана. При этом ранения получили сам Али Абдалла Салех, премьер-министр и спикер парламента. Салех бежал из Йемена, а в ноябре из столицы КСА было объявлено от его имени о передаче власти Абд Раббо Мансуру Хади – вице-президенту Йемена. Но и его правительство в течение двух лет также оказалось неспособным провести жизненно необходимые реформы, а хуситское движение, АКАП и ИГ продолжили укреплять свои позиции в подконтрольных провинциях.

Более пяти лет продолжается хаос междоусобной войны между политическими противниками, среди которых четко обозначаются прошиитские и просуннитские религиозные группировки, а также племенные образования. Ныне страна оказалась разбита на три зоны подчинения: север и запад находятся под властью радикальной шиитской группировки «Ансар Аллах»; юг и часть центральных территорий – под контролем центрального правительства, поддерживаемого народным ополчением, частью Йеменской армии, а также саудовской коалицией. «Аль-Каида на Аравийском полуострове» (АКАП) сосредоточена в центральной части страны, восточные районы смешанно контролируются ИГ, племенными ополчениями и салафитами из «Ансар-аш-Шариа». Противоборство шло с переменным успехом. Однако хуситы стали преуспевать, оккупировав нефтепромысловые районы и их транспортные коммуникации к Красному морю и частично в южном направлении, и в итоге овладели столицей Сана, со всеми правительственными учреждениями, центральным банком, арсеналом, в январе 2015 г., заняв резиденцию президента Йемена, вынудили Мансура Хади подать заявление об отставке. В феврале он бежал из страны через южный порт Аден. Тогда хуситские повстанцы сформировали свой орган центральной власти – Революционный комитет, который в августе 2016 г. был упразднен, передав свои полномочия Верховному политическому совету. Президент Хади, понимая, что Эр-Рияд не устраивает развитие йеменских событий в пользу шиитов и иранского влияния, избрал в качестве своего

политического убежища КСА, где призвал к организации внешней военной интервенции в Йемен. Была собрана иностранная военная коалиция в составе стран – членов ССАГПЗ, Египта, США, Марокко, Судана, Пакистана, Сенегала и Иордании. После этого М. Хади вернулся в Аден и провозгласил его временной резиденцией своего правительства. Эр-Рияд стал диктовать свои условия деятельности его кабинету. Так, международная коалиция обеспечила себе официальное приглашение на проведение военных действий на территории Йемена. В марте 2015 г. военные действия международной коалиции против хуситов начались с операции «Буря решимости», которая длилась в течение месяца. Далее была организована новая операция – «Возрождение надежды». В ходе военных действий использовались артиллерия, авиация и ВМС. Хуситы преуспели не только в захвате крупного города Таиз, но и во временном установлении контроля над Аденом. Тогда президент Хади бежал в восточный Сайвун в провинции Хадрамаут. Аден, главный порт страны, был отбит у хуситов после продолжительных боев силами саудовской коалиции в июле 2015 г. Хотя ООН предлагала посредничество по прекращению кровопролития при помощи «Дорожной карты», боевые действия в августе возобновились, война продолжилась.

США неизменно поддерживают Саудовскую Аравию и связанные с нею и Западом силы в Йемене, чтобы вместе бороться с ИГ, «Аль-Каидой», с антиамериканскими силами и настроениями на БСВ, и в настоящий период представленными ИРИ, сирийским правительством, а также с возможностью расширения влияния РФ, КНР и других факторов, которые способны подорвать фактически установленную военную оккупацию мировым правительством западных корпораций и США региона БСВ. Вашингтон постоянно наращивает поставки вооружений и современную военную технологию Эр-Рияду, чтобы помогать КСА вмешиваться в политические противоречия на БСВ.

Просаудовская коалиция, делает вывод исследователь, не хочет решить йеменский конфликт мирным путем, надеясь на то, что в конечном счете ее войска смогут разгромить хуситов, сторонников Салеха. Это может произойти только после длительных и кровопролитных сражений между аравийской коалицией, с одной стороны, и объединенными отрядами хуситов и вооруженных сил Абдаллаха Салеха – с другой.

Автор реферата В.Н. Сченснович

МУСУЛЬМАНСКИЙ МИР: ТЕОРЕТИЧЕСКИЕ И ФИЛОСОФСКИЕ ПРОБЛЕМЫ

2019.03.008. **Розенберг В.И.**
СОЦИОКУЛЬТУРНЫЕ ОСОБЕННОСТИ
ПЕРЕГОВОРОВ В АРАБСКИХ СТРАНАХ //
Власть. 2019. Т. 27. № 2. С. 110–112.

Ключевые слова: Ближний Восток; международные переговоры; культурные особенности.

Розенберг В.И.,
аспирант кафедры российской политики
факультета политологии Московского
государственного университета им. М.В. Ломоносова

Автор статьи рассматривает социокультурные особенности переговоров в арабских странах. Автор считает данную проблему актуальной исходя из того, что в последние годы возросла роль Ближнего Востока во внешней политике не только Российской Федерации, но и всего мира. Подтверждением тому является значение сирийского конфликта на международной арене и серия многосторонних международных переговоров и внешнеполитических изменений.

Анализируя ситуацию в регионе, автор отмечает, что роль Ближнего Востока в международных отношениях резко возросла. Выгодное расположение этого региона на стыке трех континентов, его интенсивный экономический рост и общая политическая нестабильность на фоне социальных контрастов и вооруженных конфликтов заставляют мировое сообщество все чаще обращать свой взгляд на Ближний Восток и принимать активное участие в многосторонних переговорах с участием представителей арабского мира.

На особое значение Ближневосточного региона автор указывает исходя из того факта, что он является в настоящее время

одним из центров терроризма, что представляет огромную угрозу не только для России, но и для всего мира. По этой причине большое внимание в последнее время уделяется сирийскому конфликту: многосторонние длительные переговоры приводят к глобальным изменениям в отношениях многих стран на международной арене. Автор приводит оценку сирийского конфликта некоторыми аналитиками, которые характеризуют его как многослойный пирог, в котором смешались множество противоречивых и конфликтующих интересов как отдельно взятых государств, так и блоков, группировок – это США, НАТО, Турция, монархии Персидского залива, главным образом Саудовская Аравия и Катар, Иран и, наконец, Россия. Такое плотное переплетение арабских сторон еще раз указывает на необходимость изучать и учитывать на практике национальные специфические коммуникативные особенности для эффективного взаимодействия с представителями арабских стран.

Если говорить об определении, то национальный стиль на переговорах можно определить как приверженность определенным культурным ценностям, традициям и обычаям, ориентацию на специфические механизмы принятия решений, а также соблюдение во время переговорного процесса определенных правил поведения, глубоко укорененных в национальной культуре.

Несмотря на обширные исследования в области национальных стилей ведения переговоров, специалист по переговорному процессу должен использовать знания о других культурах с большой осторожностью: необходимо избегать стереотипных и ложных суждений и помнить, что личность партнера по переговорному процессу уникальна и не может полностью соответствовать национальному портрету.

Автор отмечает, что изучение основных правил арабской переговорной традиции должно помочь понять систему мышления и логику поведения восточных партнеров, что в итоге может повлиять на уровень подготовки переговорных процессов, а также на их предсказуемость и конфликтность. На Ближнем Востоке велико влияние ислама на мир бизнеса и политики. Абсолютно все должно согласовываться с мусульманскими нормами и правилами. Некоторые дни и даже месяцы полностью исключаются из деловой жизни правоверного мусульманина и поэтому переговоры не должны проводиться во время священного месяца Рамадан, когда все мусульмане соблюдают строгий пост и посвящают все свое время молитвам. Пятница также является священным днем, когда

мусульмане посещают мечети для молитвы, поэтому на этот день также не принято назначать приемы и встречи.

Государственная власть в исламе воспринимается как нечто священное, поэтому в арабской культуре отношение к закону и властям уважительное. Большое значение в переговорах с арабской стороной имеет внешний вид переговорщиков, подарки, этикет, выделение титулов и должностей представителей. Арабы не допускают фамильярности, поэтому в диалоге с ними следует быть крайне аккуратными с жестикуляциями и выражениями. Невербальное общение является крайне важной составляющей диалога с арабскими представителями. Эту особенность можно заметить еще на этапе первого контакта в деловых отношениях: арабы подходят к партнерам очень близко, обмениваются визитными карточками и мягкими рукопожатиями. Жестикуляция арабов отличается от жестикуляции европейцев: например, арабским партнерам нельзя демонстрировать ступни ног и поднимать большие пальцы рук вверх. Восточные партнеры могут выражать отказ, поднимая подбородок и брови вверх, издавая цокающий звук. Невербальное общение как часть коммуникации требует отдельного внимательного изучения, так как обыденные в бытовом обиходе жесты могут показаться представителям других культур оскорбительными.

При разговоре о специфике арабского стиля переговоров надо отметить подчиненное положение женщины в мусульманской культуре. Специалисты рекомендуют не включать представительниц женского пола в процесс переговоров с арабской стороной. Если все-таки это не представляется возможным по каким-либо причинам, то женщинам рекомендуется особо внимательно относиться к требованиям к своему внешнему виду. Все части тела, кроме лица и кистей рук, должны быть закрыты, одежда должна быть из категории женской одежды, а не мужской, не должна быть прозрачной или облегающей, женщина не должна пользоваться духами, ее поведение не должно быть экстравагантным и вызывающим.

Арабский стиль ведения переговоров – это длительный процесс. Поспешные решения выглядят для восточных представителей подозрительными. Зачастую вашим арабским партнерам может потребоваться некоторое время для обдумывания возникших вопросов – в это время их лучше не беспокоить, не торопиться прервать молчание и дать спокойно принять решение. Переговорам с арабскими представителями свойственны многоступенчатые стратегии с позиционными торгами, которые могут занять значи-

тельное время. Специалисты рекомендуют заранее разработать предварительную систему уступок, но при этом, как правило, в процессе переговоров обмен уступками должен быть равнозначным, в ином случае достигнуть соглашения будет проблематично.

Арабскому темпераменту свойственны экспансивность и вспыльчивость. В переговорах с арабами можно заметить их порывистость, несдержанность, но в скором времени эмоции затихают. В подобных переговорах нет полутонов и переходов – только прямая бескомпромиссность. По этой причине в общении с арабскими партнерами можно услышать угрозы и прямые установки: эта сторона нам враг, а эта – друг. Профессионалы по переговорам рекомендуют оформлять все достигнутые договоренности в письменном виде, поскольку иначе принятые соглашения могут быть нарушены (особенно в условиях острых политических конфликтов).

Подводя итог, автор отмечает тот факт, что арабская культура имеет ярко выраженные национальные особенности и во многом отличается от европейских переговорных стандартов, и поэтому необходима тщательная подготовка к переговорным процессам с участием арабской стороны. Учитывая то, что сегодня на территории Ближнего Востока проходят наиболее ожесточенные столкновения не только за переговорными столами, но и в вооруженных конфликтах, следует обратить свое внимание на анализ логики поведения арабских партнеров.

В заключение автор еще раз подчеркивает, что российской стороне для достижения мира и понимания в общении с Востоком, который занимает большое место во внешней политике России, требуются время, знания и терпение для реализации и укрепления своих интересов в этом регионе. По мнению автора, понимание культурных особенностей и логики арабских участников переговорных процессов может снизить конфликтность коммуникации и помочь составлению долгосрочных переговорных стратегий, что будет способствовать достижению необходимых политических соглашений.

Автор реферата Е.Л. Дмитриева

Эрийгитова Л.А.,
преподаватель кафедры гуманитарных
и экономических наук Термезского филиала
Ташкентского государственного технического
университета им.И. Каримова (Узбекистан)
**СЕМЕЙНЫЕ ТРАДИЦИИ УЗБЕКОВ:
СЕМЬЯ КАК ОБЪЕКТ ИССЛЕДОВАНИЯ**

Аннотация. Именно в семье формируются такие высокие человеческие качества, как уважение к старшим и любовь к младшим, почитание национальных обычаев и традиций. Семья – надежный оплот в развитии духовных основ нашей жизни, утверждению в обществе атмосферы высокой нравственности. Бесценна ее роль в воспитании гармонично развитого поколения, подготовленного к жизненным испытаниям.

Ключевые слова: семейные ценности; традиции; самобытность; исламские ценности.

Традиции и обычаи узбекского народа складывались веками. Они весьма самобытны, ярки и многообразны, восходят к разным эпохам и религиям. Начало формирования культуры узбекского этноса относят к VI–VII вв. до нашей эры, к тому времени, когда в долинах рек Амударья, Сырдарья и Зарафшан кочевые племена перешли к оседлому образу жизни и создали свои первые государства. Бывшие кочевники основали поселения и города, привезя с собой обычаи и традиции, основанные на древних культах предков. Территория нынешнего Узбекистана – Междуречье, частями входившее в состав ранних государств, – Хорезма, Согдианы, Бактрии – стала базой для формирования культуры, впоследствии ставшей основой культуры узбекского народа [1, с. 26–27].

На протяжении веков традиции и обычаи узбекского народа оставались почти неизменными, несмотря на стремление многочисленных захватчиков навязать чуждую иноземную культуру. Наибольшее влияние на формирование обычаев и традиций узбекского народа оказали арабы, распространившие религию ислам по всей территории Средней Азии. Традиции ислама тесно переплелись с доисламскими верованиями и традициями, с местной культурой, прочно закрепились в быту и сознании узбекского народа. Вековые обычаи и традиции узбеков бережно хранятся и передаются из поколения в поколение. Как и у многих азиатских народов,

большинство праздничных узбекских обычаев связано с главными семейными торжествами: свадьбой и рождением ребенка. С этими событиями связано множество обрядов и ритуалов, где задействованы родители, дети, братья, сестры, близкие и дальние родственники и даже соседи и гости – каждому отведена своя роль. В основе узбекских традиций лежит гостеприимство, почитание старших и коллективизм, особенно ярко проявляемый в махаллях (узбекских кварталах) – хранилищах вековых национальных устоев. Какой бы нравственный принцип мы не взяли, становится ясным, что он усваивается с раннего возраста в семье. Усвоение нравственных норм происходит не на словах, а в повседневной деятельности людей, в их поступках. И наконец, семья есть индикатор состояния и развития общества и отражает многие параметры современных социальных процессов. Именно поэтому изучение семьи является актуальной проблемой не только для традиционных, для индустриальных, но и для постиндустриальных обществ.

Еще одна причина, по которой семья является священной, заключается в том, что она является важной частью социальных взаимоотношений сообщества, но также может быть центром формирования всех человеческих качеств или, наоборот, социальных проблем в обществе.

В «Авесто» (сборник Священных книг) также особое внимание уделено проблемам семьи, репродуктивному поведению в семье. В нем освещены пять типов поведения женщин-домохозяек. По принципам зардуштизма, парни и девушки, не достигшие 21 года, не должны выбирать самолично спутника или спутницу жизни. Если влюбленные без согласия родителей решили пожениться, общественность справляла их свадьбу, но во время свадебного обряда мубад, учитывая, что согласия родителей на свадьбу не имеется, предупреждал пару о том, что они лишены наследства. А невеста при этом признавалась «самовольной», т.е. не признающей нормы общественности.

Необходимо учесть, что в «Авесто» также особое внимание уделялось физическим и психологическим особенностям. В первую очередь требовалась физическая и психологическая подготовленность жениха и невесты, так как именно это и создает основу здорового поколения [2, с. 34–36].

Следует особо отметить, что в произведениях мыслителей и просветителей Центральной Азии Фараби, Бериуни, Ибн Сины, Юсуфа хос Хаджиба, Алишера Навои, Бабура, Муниса Хорезми, Бедия, Бехбуди, Абдуллы Авлония, Кари Ниези, Чулпана, Фитрата

и других особое значение имеет семья. В частности, в произведениях Абу Али Ибн Сины «Мораль», «Семейное хозяйство», Алишера Навои «Хайрат-ул Аброр» особое внимание уделяли семье и рассматривали ее как основное место в достижении человеческого совершенства. Здоровая семейная атмосфера в семье гарантирует, что новые семьи могут стать прочной основой общества.

В исламской теории и шариате объясняются основные понятия семьи и семейных отношений. Во времена среднеазиатского ренессанса IX–XII вв. семейные ценности также находились в центре внимания. Ученый Ибн Сина в своем труде «Каноны медицины» большое внимание уделял проблеме роли семьи в воспитании детей, взаимоотношениям детей и родителей. Ибн Сина пытается формировать нравственные качества с помощью методов убеждения, таких как рассказ и внушение. Ибн Сина подробнейшим образом излагает с учетом возрастных особенностей все практические мероприятия в деле трудового воспитания, которое начинается уже в школе. Ибн Сина говорил как об ответственности родителей за воспитание детей, так и об определенных обязанностях детей перед родителями. Практическая полезность этих рекомендаций даже для современной семьи не вызывает сомнения [3, с. 6].

Великий полководец Амир Темура всегда особое внимание уделял семейным ценностям и воспитанию детей, он серьезно относился к выбору невест для своих сыновей и к воспитанию внуков. После эпохи Амира Темура и в период Темуридов междоусобицы среди принцев Темуридов привели к большим проблемам.

В узбекских семьях исторически культивируются вежливость и уважение к старшим по возрасту, верность данному слову, гостеприимство, умение ценить дружбу. Соблюдение правил вежливости и этикета в семье имеет не менее важное общественное значение, чем в любых других сферах. В узбекских семьях большое место в системе воспитания занимает передача детям правил этикета в семье. Влияние родителей на детей происходит довольно долго, вплоть до зрелого возраста, и если в детстве приучают ребенка к трудолюбию, честности, вежливости и т.п., то в дальнейшем им помогают советом, т.е. духовное общение родителей и детей не прекращается в течение всей жизни. Культура поведения не только обеспечивает определенный уровень общения в коллективе, но и при соответствующей направленности воспитания порождает у человека устойчивую потребность реализовать максимум заложенных в нем положительных задатков [4, с. 13]. Культура

здесь выступает как показатель степени развития общественного человека и человеческого общества. В семье как в субъекте культурного прогресса создаются специфические семейные ценности, необходимые для развития духовной культуры нации.

Существенное воздействие на формирование духовно-нравственной личности каждой семьи оказывает махалля. Махалля не только объединяет жителей в своеобразную общину, где действуют свои обычаи и традиции, но и несет ответственность в решении социально-правовых и воспитательных проблем молодежи, оказывает материальную помощь малообеспеченным семьям. В суверенном Узбекистане сегодня растет национальное самосознание людей и вследствие этого повышается интерес каждого человека к познанию культурных ценностей своего народа, традиций и обычаев прошлого.

Наряду с осуществлением глубоких социально-экономических и духовных преобразований в республике осуществляются реальные процессы гуманизации и демократизации общества: создаются новые предпосылки для полного проявления принципов декларации прав и свободы человека, свободы мысли, совести и религии, бережного отношения к духовному наследию каждого народа, национальным и общечеловеческим ценностям. Возрождение национальной самобытности превратилось в одну из основных задач современного общества. Конституция Республики Узбекистан включает в себя главу, посвященную семейным правам, что доказывает, что семья находится под защитой государства (ст. 63) [5]. В 1998 г., в Год семьи, был принят «Семейный кодекс» республики. С 1992 г. по нынешний день в Узбекистане принято около 50 семейных законов, более 20 указов и распоряжений президента, более 70 постановлений Кабинета министров, которые защищают семейные интересы.

Вопросы семейно-брачных отношений всегда привлекали внимание ученых. Семейно-брачным отношениям узбеков во второй половине XIX – начале XX в. посвящены работы российских авторов, живших в Туркестане в этот период. Наблюдая семейно-бытовой уклад жизни узбекского народа, исследователи дали общее описание добрачных и брачных отношений, а также семейных обрядов народов Средней Азии. С 70–80-х годов XIX в. впервые были начаты исследования по данному направлению. Например, труды русского ученого А.Д. Гребенкина «Узбеки», которые были опубликованы в сборнике «Русский Туркестан» в 1972 г. Из известных этнографов также можно упомянуть В.П. Наливкина

и М.В. Наливкину, которые изучали быт жителей Намангана и в дальнейшем опубликовали «Очерки бытия женского оседлого туземного населения Ферганы» в 1886 г. [6, с. 21]. Во времена Советского Союза в 1940 г. К.Л. Задикина и М.В. Сазонова пытались изучить узбекские семьи в Хорезмской области. В 50-х годах XX в. началось изучение узбекских семей, работающих в колхозах. На эту тему была опубликована монография М.А. Бикжановой «Семья в колхозах Узбекистана», в которой были исследованы быт и взаимоотношения в узбекских семьях советского периода на основе сравнения больших патриархальных семей узбеков в Намангане. Также можно упомянуть труды Л.Ф. Моногаровой «Этнические очерки узбекского сельского населения», Н.Г. Бораниной «Некоторые черты традиционной свадебной обрядности узбеков-дурменов южных районов Таджикистана и Узбекистана», К.Д. Гюрина «Формирование советской семьи в Узбекистане», написанных в этот период. Исследователи советской эпохи считали патриархальный образ жизни узбекских семей препятствием на пути развития советской семьи. В это время также стремились создать семьи из представителей разных этнических и религиозных общностей.

Одним из важнейших событий в области духовного воспитания за годы независимости стало проведение научно-теоретических исследований в семье. Однако исследования семейных отношений были ограничены только фольклорными или этнографическими аспектами. Результаты социологических опросов показали, что семья как социальный институт и социальная ценность не утратила своего значения для населения страны. В Узбекистане ведется постоянная работа по укреплению основ семейной жизни, развитию духовности и формированию в обществе мировоззрения, способного принять происходящие и еще предстоящие реформы.

Литература

1. *Исматуллаева Г.Э.* Традиции и ценности в узбекских семьях // Молодой ученый. – 2015. – № 5. – С. 616–617.
2. *Арифханова З.Х., Зунунова Г.Ш.* Обрядово-ритуальная жизнь узбеков Ташкента в условиях независимости. – Ташкент, 2006. – 94 с.
3. *Абу Али Ибн Сина.* Канон врачебной науки. – Ташкент: Фан, 1994.
4. *Сафаров О., Махмудов М.* Оила маънавияти. – Т.: Маънавият, 1999.
5. Конституция Республики Узбекистан. – Т.: Узбекистон, 1999.

6. *Наливкин В.П., Наливкина М.В.* Очерк быта женщины оседлого туземного населения Ферганы. – Казань: Типография императорского университета, 1886. – 244 с.

*Статья предоставлена автором для публикации
в бюллетене «Россия и мусульманский мир»*

Гулбоев Н.Н.,
младший научный сотрудник
Института истории Академии наук
Республики Узбекистан (г. Ташкент)
**ИЗ ИСТОРИИ ВОЕННОГО ДЕЛА
В ХИВИНСКОМ ХАНСТВЕ (XVIII–XIX вв.)**

Аннотация. В статье освещены вопросы организации войска Хивинского ханства, участие в нем различных этнических групп. Даются сведения о вооружении войск, военных должностях и обеспечении военных. Предпринята попытка раскрыть результаты реформ в военной сфере, связанных с усилением влияния центральной власти.

Ключевые слова: Хивинское ханство; военное дело; история вооружения; военные чины; оружейное дело.

Хивинское ханство располагалось на перекрестке дорог, связывавших крупнейшие политические и торгово-экономические центры Центральной Азии и прилегавшие к ней южные регионы с Восточной Европой. Хивинское ханство, известное в истории под именем Хорезм (*Хорезм* – персидское слово и означает «воинственный», «боевой») и называемое в соседних странах Ургенчем, со всех сторон было окружено пустыней; крайняя граница обрабатываемых земель на юго-востоке – город Фитнек, на северо-западе – Кунград и Кухне-Ургенч, на юге – Медемин и Кучек¹.

Географически территория Хивинского ханства занимала северо-восточную часть Арало-Каспийской низменности, включая в свои границы земли в низовьях Амударьи, составлявшие ядро ханства, плато Устюрт между Каспийским и Аральским морями на западе, северную часть пустыни Каракум, а иногда даже оазисы

¹ *Вамбери А.* Путешествие по Средней Азии. – М., 2003. – С. 251.

вдоль северного хребта Хорасанских гор на юге и пустыню Кызылкум вплоть до дельты Сырдарьи – на северо-востоке¹.

Как пишет Н.Н. Муравьев в «Путешествии в Туркмению и Хиву в 1819–1822 гг.»: «Ядро Хивинскаго Ханства находится в колене составленномъ рекой Амударьей и простирается по левому берегу оной къ Северу по теченію сей реки до впаденія ея въ Аральское море; и потому Ханство Хивинское граничитъ къ Северу съ Аральскимъ моремъ и частью степей на Востокъ отъ сего моря лежащихъ по которымъ кочуютъ Киргизы. Северо-Восточная граница Ханства определяется теченіемъ Амударье; но Каракалпакки кочующіе по правую сторону оной, повинуются также Хану Хивинскому; за речное владеніе сіе, непостоянно, оно уничтожается съ откочевываніемъ сихъ племень. На Юго-Востокъ отъ Хивы, находится степь отделяющая ее отъ Бухарскаго Государства. На Юго-Западе, пески и степе, отделяютъ Хиву отъ владеній Туркменскаго поколенія Теке. На западе отъ Хивинскихъ владеній находятся также бесплодныя места простирающіяся до Каспійскаго моря, на разстояніе близь 800 версть. На берегу моря живутъ въ сей стороне Туркмены поколеній Юмуд и Ата»².

Во второй половине XVIII в. в Хивинском ханстве пришел к власти Мухаммад Амин инак (1762–1790), который был представителем кунгратской династии. Он сумел в определенной степени усилить роль центральной власти в ханстве. Смог объединить роды и племена, прежде конфликтовавшие между собой. Его потомок Элтузар-хан (1804–1806) объявил себя «ханом», и начиная с этого момента в Хиве началось легитимное правление Кунгратской династии, которая правила здесь до 1920 г. При правлении Кунгратской династии наблюдается усиление центральной власти. Также в целях защитить себя от нападков соседних стран власти старались обращать особое внимание на усиление военных сил.

При Мухаммад Рахим-хане I (1806–1825) наблюдается заметное усиление государства в Хивинском ханстве. В период его правления было проведено несколько реформ, направленных на

¹ История Узбекистана (XVI – первая половина XIX в.) / Отв. ред. Д.А. Алимова. – Ташкент, 2012. – С. 316; Shir Muhammad Mirab Munis and Muhammad Riza Mirab Agahi. Firdaws al-iqbal: History of Khorezm / Translated from Chaghatay and annotated by Yuri Bregel. Brill; Leiden; Boston; Koln, 1999. Introduction. – P. VII.

² *Муравьев Н.Н.* Путешествие в Туркмению и Хиву в 1819 и 1820 гг. гвардейского Генерального штаба капитана Николая Муравьева, посланного в сии страны для переговоров. Ч. 2. – М., 1822. – С. 5–7.

укрепление государственных границ, ликвидацию конфликтов между разными родами и племенами. В том числе были проведены реформы в военной сфере, и в результате войско усилилось. Эти реформы были продолжены далее Аллакули-ханом (1825–1842) и другими правителями Хивы.

В Хивинском ханстве войско в основном состояло из конных и пеших отрядов, собранных из различных этнических групп и представителей различных родов и племен, обязанных нести военную службу в войсках ханства. Основную часть войска составляли нукеры из узбекских, каракалпакских и туркменских родов и племен. Арминий Вамбери, побывавший в Хиве в декабре 1864 г., пишет в своем произведении «Путешествие в Среднюю Азию», что в Хиве живут казахи (киргизы), персы и сарты¹, которые в основном занимаются садоводством, торговлей и ремеслом и в связи с их малочисленностью из них призывалось мало на службу.

Основную часть войск ханства составляла кавалерия (конные отряды). При опасностях ее численность росла, а в спокойные времена, наоборот, сокращалась. Вамбери в своем произведении привел очень ценные сведения о численности войск Хивы, он писал, что «общая численность войск Хивинского хана состоит из 30 тыс. душ, но при опасных ситуациях может возрасти в 2 раза»². В хивинских документах приводятся важные сведения о вспомогательных подразделениях в составе войск. В частности, есть сведения о гончарах, кузнецах, точильщиках, глиномесах, угольщиках, лоцманах, лодочниках, ночных стражах, лекарях и пр.³

Этнический состав населения Хивинского ханства был разнообразным. Основную часть населения составляли узбеки, каракалпаки и туркмены. Они также делились по родовым и племенным признакам. Каждая этническая группа имела свою территорию обитания. Историк XIX в. Мухаммад Юсуф Баяни в своей работе «Шаджараи Хорезмшахи», описывая выступление в поход Хивин-

¹ Вамбери А. Путешествие по Средней Азии. – М., 2003. – С. 256. А. Вамбери пишет в «Путешествии по Средней Азии»: «Сарты, называемые в Бухаре и Коканде таджиками, – древнее персидское население Хорезма». «Термин сарт использован им в отношении коренного населения». Муравьев пишет: «Сарты – первоначальная жители сего края многочисленны, живут в городах, занимаются преимущественно торговлей...». См.: Муравьев Н.Н. Путешествие в Туркмению и Хиву в 1819 и 1820 гг. – С. 25.

² Вамбери А. Путешествие по Средней Азии. – М., 2003. – С. 249.

³ Центральный государственный архив Республики Узбекистан (далее ЦГА РУз). Ф. И-125. О. 2. Д. 560. Л. 64 об.

ского хана Мухаммад Аминхана (1846–1855), пишет, что перед ним несли знамена всех правивших до него ханов из племени кунграт, а затем знамена йомутов, джемшидов, каракалпаков, аральцев и других (числом 25)¹. В описываемом походе на племя теке, осуществленном в 50-х годах XIX в., участвовало следующее количество конных нукеров: в частности, 600 *кунградцев*, 2000 *каракалпаков*, 2000 *йомутов*, 700 *имрели*, 1000 *чоудуров*, 100 *гоклен*, 600 *сакар*, 700 *карачака*, 700 *эли-таза кунграт*, 650 *агарцев*, *али-эли*, *тевачи*, 450 *ата*, 2000 *джемшид*, 300 *мангытов*, 300 *кипчаков*, 400 *карадашли*, общим числом 13 400² человек. П.П. Иванов в своей работе «Архив Хивинских ханов» сообщает, что нукеры в войсках Хивы представляли различные племена и роды, в частности они состояли из *узбеков*, *каракалпаков*, *туркменов*, *кунгратов*, *йомудов*, *теке*, *джамишидов*, *имрели*, *чавдур*, *гокленов*, *сакаров*, *карачака*, *эли таза* (или *таза-эли*), *агарлы*, *али-эли*, *тевечи*, *ата*, *мангыт*, *кипчак*, *карадашлы*, аральские узбеки и др.³ Войско, которое состояло из различных племен и родов, непосредственно подчинялось хану и во время походов ими руководили узбекские предводители, назначенные ханом в целях предосторожности. Также русский посол Н.Н. Муравьев, посетивший Хиву, дает сведения о том, что узбеки ханства делились на четыре группы: *кият-кунграты*, *уйгур-найманы*, *канглы-кипчаки* и *нукуз-найманы*⁴.

К XIX в. в Хивинском ханстве стало уделяться особое внимание войску. Военные силы ханства стали сильнейшими и непобедимыми в Средней Азии. К этому времени они начали использовать вместе со средневековыми саблями, шпагами, мечами, луком, кольчугой, металлическом шлеме и стрелой также такие образцы военной техники того периода как ружья, шамхолы или фальконеты, пушки, пистолеты, пятизарядные винтовки, шестизарядные винтовки, берданки и т.п. Центральная власть обеспечивала войска различными видами оружия, но при этом не все было

¹ Мухаммад Юсуф Баяни. Шажараи Хоразмшохий. Институт Востоковедение имени А.Р. Беруни Академии наук РУз. Рукопись. Инв. № 9596. Л. 333–334.

² Гулямов Я.Г. История орошения Хорезма (с древнейших времен до наших дней). – Ташкент, 1957. – С. 225.

³ Иванов П.П. Архив Хивинских ханов XIX в. Исследования и описание документов с историческим введением / предисловие акад. Крачковского И.Ю. – М., 1940. – Тетрадь №. 5. – С. 156–172.

⁴ Муравьев Н.Н. Путешествие в Туркмению и Хиву в 1819 и 1820 гг. – С. 36.

так гладко, существовал и ряд проблем, препятствовавших полноценному укреплению войска. В первую очередь эта была проблема квалифицированных кадров: в войсках было очень мало специалистов, которые могли бы научить нукеров использовать различные виды оружия.

Американский журналист Мак-Гахан, который прибыл в Хиву вместе с русскими, упоминал мечи, шпаги, кинжалы и ружья как основные виды оружия, использовавшиеся в Хиве. Европейские ружья в Хиву попадали различными путями, в первую очередь в качестве подарков. В частности, англичанин лорд Нортбрук подарил Хивинскому хану винтовку¹.

Начиная со второй половины XIX в. в архивных документах Хивинского ханства в перечне видов оружия можно увидеть новые названия. Они включают в себе пяти- и шестизарядные ружья, одноствольные² и двуствольные ружья, десяти- и двенадцатизарядные ружья, ружья с серебряным камнем³, десяти- и двенадцатизарядные ружья⁴ и др. Также в Хиве жили искусные мастера-оружейники, которые изготавливали оружие, украшенное узорами. В частности, в архивных документах есть сведения о двухкалиберном оружии, пистолетах, украшенных драгоценными камнями, о мечах с серебряной рукояткой, мечах, украшенных драгоценными камнями, которые изготавливались в Хиве и были распространены среди нукеров⁵. Нукеры, отличившиеся во время сражений, кроме денежных вознаграждений получали различные ножи и ружья.

К середине XIX в. в ханстве начинает формироваться регулярная армия. Из каждой области в регулярную армию были привлечены *нукеры*, которые получали зарплату в войсках деньгами и товарами. Власти также выделяли земли нукерам за оказанные государству услуги. По данным архивных документов, в Хиве военным выделялась земля в размере 20 танабов⁶ (один танаб был равен 39,9 м.). Это обеспечивало нукеров собственной землей и давало возможность прокормить семью. Во время прохождения

¹ Мак-Гахан. Военные действия на Оксусе и падение Хивы / Перевод съ английского (съ рисунками). – М., 1875. – С. 182.

² ЦГА РУз. Ф. И-125. Оп. 1. Д. 515. Л. 75.

³ ЦГА РУз. Ф. И-125. Оп. 2. Д. 571. Л. 2, 3, 4.

⁴ ЦГА РУз. Ф. И-125. Оп. 1. Д. 515. Л. 113.

⁵ ЦГА РУз. Ф. И-125. Оп. 2. Д. 571. Л. 2, 3, 4.

⁶ ЦГА РУз. Ф. И-125. Оп. 1. Д. 510: *Танаб* равняется 0,37–0,39 га.

службы нукеры были освобождены от всех налогов. Нукеры приходили на службу с собственной лошадей. Лошади нукера ставилось клеймо¹, и с этого момента лошадь считалась собственностью войска. Владельцу лошади выделялась денежная сумма, равная ее цене. В архивных документах наряду с именами нукеров встречаются сведения об их лошадях, их породе и цвете². В Хивинском ханстве кавалерия имела особое значение.

Также в Хивинском ханстве существовало специальное подразделение – *кара-черик* – так обычно называлось народное ополчение, конное и пешее, созывавшееся для усиления регулярных войск только в военное время. Кара-черик предназначался, главным образом, для выполнения различного рода вспомогательных функций и лишь иногда для непосредственного участия в военных действиях. Термин *кара-черик* встречается также в бухарских документах в первой половине XIX в.³

В некоторых русских источниках имеются сведения о том, что в Хиве не платили жалованья солдатам⁴. Также приводится не совсем достоверная информация о том, что в Хивинской армии нукеры шли на сражение со своим оружием, т.е. конем и ружьями. На самом деле центральное правительство снабжало их всем необходимым. В том числе в источниках есть сведения о том, что в Хиве солдаты проживали в казармах и обеспечивались пшеницей, деньгами, и даже им выделялась земля. Каждому воину (если он состоял в постоянной армии) в год назначалось 5 *тилля*⁵

¹ Иванов П.П. Архив Хивинских ханов... 1940. – С. 202.

² ЦГА РУз. Ф. И-125. Оп. 1. Д. 525.

³ Фирдавс ал икбал // Материалы по истории туркмен и Туркмении XVI–XIX вв. Иранские, бухарские, хивинские источники (далее – МИТТ) / Под ред. В.В. Струве, А.К. Боровкова, А.А. Ромаскевича, П.П. Иванова. Т. 2. – Москва – Ленинград, 1938. – С. 357.

⁴ Гирифельд В.А., Галкин А.С. Военно-статистическое описание Хивинского оазиса / сост. Генерального штаба капитаном Гирифельдом. Переработано начальником Аму-Дарьинского отдела генерал-майором Галкиным. Ч. 2. Отд. 2. – Ташкент, 1903. – С. 39.

⁵ *Тилля* – В Хиве существовала два вида *тилля*: большая и маленькая. Большая *тилля* равнялась 18 *танга*, маленькая *тилля* – 9 *танга*. До 1873 г. *тилля* по отношению к российскому рублю составляла: большая *тилля* = 3 руб. 60 коп., маленькая *тилля* = 1 руб. 80 коп., 1 *танга* = 20 коп. См.: Туркестанский сборник. Т. 336. – СПб., 1883. – С. 190.

(20 руб.) жалованья, от 30 до 40 *батманов*¹ (1 батман – 7 пудов 32 фунта) пшеницы².

Военные звания и должности в Хивинском ханстве имели следующее деление: *Йасавулбоши*, *мингбоши* (тысячники), *тўпчибоши* (командиры пушечников), *юзбоши* (сотники) и *ўнбоши* (десятники). Обладатель должности тысячника во время военных действий назначался ханом в качестве командира всех войск, а в мирное время он охранял ханский дворец. *Вулбоши* в Хиве состоял из двух человек, один из них являлся командиром войска, а другой был уполномоченным хана для рассмотрения официальных заявлений. Были также случаи, когда войском управляли главнокомандующие и тысячники, назначенные лично ханом. Военные звания обычно жаловались отважным воинам, которые отличались в боевых сражениях. Также некоторые роды и племена имели своих военных предводителей.

Нукерам, как показывают архивные источники, ежегодно выдавались денежные пособия. В 1265–1849 гг. *фальконеты*³ получали 15–40 *тиллей*, *сотники*⁴ 5–10 *тиллей*, *пушкар*⁵ 10–

¹ Хивинский *батман* – 4416 *мискалей*, четвертая часть *батмана* составляет 10 *сири* или 1104 *мискаля*, половина 10 *сир* составляет 40 *агры* или 552 *мискаля*. См.: Справка на хивинско-узбекском языке в архиве А.Л. Куна. Рук. отд. ИВР РАН, фонд 33, д. 3. В переводе на русские меры хивинский батман составляет 48 фунтов. См.: *Данилевский Г.И.* Описание Хивинского ханства // Зап. Имп. Рус. Геогр. о-ва. Кн. 5. – СПб., 1851. – С. 120. Следует отметить, что весовая мера 40 *агры* (10 *сир*), как это видно из названной выше справки в архиве Куна, служила в Хиве также для обозначения земельной площади размером в 1/8 *танаб*. См.: *Иванов П.П.* Архив Хивинских ханов... – С. 55. Мера веса в Хиве в XIX в. равнялась 20 кг. См.: Каталог Хивинских казийских документов XIX – начала XX в. / Сост. А. Урунбаев, Т. Хорикава, Т. Файзиев, Г. Джураева, К. Исогай. – Ташкент-Киото, 2001. – С. 651.

² Туркестанский сборник. Т. 82. – СПб., 1873. – С. 231.

³ Фальконет – *шамхалчи*. См.: Фирдавс ал икбал // МИТТ. – С. 386. У П.П. Иванова переводится всюду как «фальконетчик». См.: *Иванов П.П.* Архив Хивинских ханов... – С. 172. *Шамхал* – фитильное ружье, а фальконет – *замбурек*. См.: *Брегель Ю.Э.* Хорезмские туркмены в XIX веке. – М., 1961. – С. 377. Небольшой чугун или медное огнестрельное орудие, употребляется на гребных судах и яхтах. См.: *Брокгауз Ф.А., Ефрон И.А.* Энциклопедический словарь. Вооружение и быт. Живопись и архитектура. Изобретения и открытия. – М., 2004. – С. 436.

⁴ Сотник – *юзбаши*, командир 100 всадников. См.: *Вамбери А.* Путешествие по Средней Азии. – М., 2003. – С. 249.

⁵ Пушкар – *тупчи* или *туфчи*. См.: Каталог Хивинских казийских документов... – С. 663.

30 *тиллей*, *мерген*¹ 1–6 *тиллей*, региональные военачальники получали жалованья от 5 до 50 *тиллей*². Нижние чины получали от 2 до 15–20 *тиллей* в год. Высшие чины получали 150–250 *тиллей*, в особых ситуациях они получали больших размеров жалованье. Например, *тысячник*³ получал 100 *тиллей* жалованья. *Нукеры*⁴, которые считались ядром ханской армии, получали в год 5–10 *тиллей*.

Можно сделать выводы: в Хивинском ханстве войско имело сложную форму организации. Начиная с XIX в. государство начало обращать особое внимание на военную сферу: ханское войско было обеспечено современными видами оружия, улучшилось социальное и материальное положение военных (государство назначило им содержание). Центральное правительство Хивинского ханства было вынуждено иметь сильное войско, пытаясь таким образом погасить конфликты и не допустить столкновений между различными племенами и родами.

*Статья предоставлена автором для публикации
в бюллетене «Россия и мусульманский мир»*

¹ *Мерген* – стрелок – почетное прозвище, которое получали хорошие стрелки или охотники; оно не было связано с каким-либо общественным положением. См.: Брегель Ю.Э. Хорезмские туркмены в XIX веке. – М., 1961. – С. 349.

² ЦГА РУз. Ф. И-125. Оп. 2. Д. 523. Л. 9, 9 об. – 10.

³ *Йасаулбаши* – глава *йасаулов*; один из высших чинов в Хивинском ханстве. *Йасаул* – воинский чин, охранник. См.: Каталог Хивинских казийских документов... – С. 655.

⁴ *Нукеры* – военные слуги вождей в Средней Азии XVI–XIX вв. не имели ничего общего с народным ополчением. По своему социальному положению узбекские нукеры были не одинаковы. Абулгази упоминает о нукерах бедных и «простых», богатых и «знатных». Надо добавить, что вопрос о нукерах и «нукерстве» не изучен и требует дополнительных исследований. Институт нукеров сохранялся в Хивинском, а также в Бухарском ханствах вплоть до начала XX столетия. Под нукерами в последнее время в Хиве были известны лица из числа сельских жителей, на обязанности которых лежало несение службы в низшей полиции в мирное время и служба в войсках во время войны. За свою службу нукеры освобождались от податей. Всего нукеров считалось в ханстве 2400 человек. См.: Фирдавс ал-икбал // МИТТ. Т. 2. – С. 325; Гирифельд В.А., Галкин А.С. Военно-статистическое описание Хивинского оазиса. – С. 39–40.

**РОССИЯ
И
МУСУЛЬМАНСКИЙ МИР
2019 – 3 (313)**

Научно-информационный бюллетень

Содержит материалы по текущим политическим,
социальным и религиозным вопросам

Корректор М.П. Крыжановская
Компьютерная верстка
Н.М. Власова

Гигиеническое заключение
№ 77.99.6.953.П.5008.8.99 от 23.08.1999 г.
Подписано к печати 10/IX-2019 г. Формат 60x84/16
Бум. офсетная № 1 Печать офсетная
Усл. печ. л. 7,25 Уч.-изд. л. 6,8
Тираж 250 экз. (1–100 экз. – 1-й завод)
Заказ № 113

**Институт научной информации
по общественным наукам РАН,
Нахимовский проспект, д. 51/21,
Москва, В-418, ГСП-7, 117997**

**Отдел маркетинга и распространения
информационных изданий
Тел.: +7(925) 517-3691
E-mail: inion@bk.ru**

Отпечатано по гранкам ИНИОН РАН
в ООО «Амирит»
410004, г. Саратов, ул. Чернышевского, д. 88, литера У
Тел.: 8-800-700-86-33 / (845-2) 24-86-33